

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

5

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2024

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

5

2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

5

2024

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискис И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. (Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2024

Издатель: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту: ФГБУ «Издательство “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Адрес редакции: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Тел. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2024

Publisher: Russian Academy of Sciences
 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia
 Executor under contract: Publishing House "Nauka", 121099, build.1, 6, Shubinskiy per., Moscow, Russia
 Address: Russian Academy of Sciences, 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia
 Tel. +7 (495) 692-21-02.
 E-mail: ons@pran.ru
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Володин А.Г. Современная мировая система: перегруппировка сил	7
Гуселетов Б.П. Трансформация влияния стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона на политику Евросоюза в отношении России (по итогам выборов в Европарламент в 2024 г.)	22
Рогинко С.А. Ахиллесова пята ЕС: инициатива по трансграничному углеродному налогу	34
Кирчанов М.В. Инструментализация прошлого в современной политике исторической памяти в Латвии	45

МЕДИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андреев А.Л., Кузнецова Т.В. Эстетика идентичности и историческая тема в экранных искусствах	60
Радина Н.К., Андриянова М.О. Детективные сюжеты кроссмедийных нарративов политических новостей («дело Скрипалей»)	72

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тарануха Ю.В. Женское предпринимательство в экономических и социологических исследованиях	86
Сауткина В.А. Социальные детерминанты здоровья: мировые тенденции и региональные особенности	98

Трибуна молодого ученого

Щедров И.Ю., Вернигора А.А. Политика Индии и Турции в Центральной Азии: общее и особенное	111
Федотова В.А. Экономическое благополучие и политические установки как детерминанты формирования гражданской идентичности россиян	125

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

Volodin A. The Modern World System: Regrouping of Forces	7
Guseletov B. Transformation of the Baltic-Scandinavian Macroregion Countries' Role and Influence on the EU Policy Towards Russia (the case of the elections to the European Parliament in 2024)	22
Roginko S. Achilles' Heel of the EU: Initiative on a Cross-border Carbon Tax	34
Kirchanov M. Instrumentalization of the Past in Modern Policy of Historical Memory in Latvia	45

MEDIA STUDIES

Andreev A., Kuznetsova T. Aesthetics of Identity and Historical Themes in Screen Arts	60
Radina N., Andriyanova M. Detective Stories of Cross-Media Narratives of Political News (the "Skripal case")	72

SOCIAL AND ECONOMIC STUDIES

Taranukha Yu. Women's Entrepreneurship in Economic and Sociological Research	86
Sautkina V. Social Determinants of Health: Global Trends and Regional Features	98

ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Shchedrov I., Vernigora A. The Policy of India and Türkiye in Central Asia: the General and the Particular	111
Fedotova V. Economic Well-Being and Political Attitudes as Determinants of Civil Identity of Russians	125

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

Оригинальная статья / Original article

Современная мировая система: перегруппировка сил¹

© А.Г. ВОЛОДИН

Володин Андрей Геннадиевич, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия), andreivolodine@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0627-4307

Проанализированы процессы перегруппировки геополитических сил в мировой политике после распада Советского Союза. Она началась в Евразии и в настоящее время приобретает форму нового, полицентрического мирового порядка. Возникают новые центры геополитической гравитации, вокруг которых складываются «строительные блоки» нового мирового устройства. Одновременно возникший после распада СССР «мировой либеральный порядок» вступает в неразрешимое противоречие с насущными потребностями быстро развивающегося человечества. Сегодня одной из опорных конструкций полицентрического мира выступает платформа БРИКС, в деятельность которой вовлекаются все новые страны и регионы. Формирующаяся геополитическая реальность ставит перед миром сложные проблемы, которые предстоит решать на основе принципов развития, справедливости и сопряжения многочисленных национальных интересов.

Ключевые слова: мировая система, Россия, Индия, Китай, Евразия, Бразилия, США, коллективный Запад, Япония, АСЕАН, Глобальный Юг

Цитирование: Володин А.Г. (2024) Современная мировая система: перегруппировка сил // Общественные науки и современность. № 5. С. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049924050018, EDN: JVGWBT

¹ Финансирование. Работа выполнена в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Россия и Незапад в условиях трансформации идейно-ценностной конфигурации мирового порядка». Номер государственной регистрации: 123091200078-3.

Funding. The study was carried out at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of EISI within the framework of the scientific project “Russia and the Non-West in the conditions of the ideological and value configuration transformation of the world order”. State registration number: 123091200078-3.

The Modern World System: Regrouping of Forces

© A. VOLODIN

Andrey G. Volodin, Institute for Scientific Information in Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), andreivolodine@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0627-4307

Abstract. The process of regrouping of geopolitical forces in world politics after the collapse of the Soviet Union is analyzed. This process began in Eurasia, but now it's taking the form of a new, polycentric world order. New centers of geopolitical gravity are emerging, around which the "building blocks" of the new world order are being formed. At the same time, the "world liberal order" that emerged after the collapse of the USSR enters into an insoluble contradiction with the urgent needs of rapidly developing humankind. Today, one of the pivotal supporting structures of the polycentric world is the BRICS platform, which progressively involves countries and regions into the orbit of its activities. The new geopolitical reality presents very complex problems to the world that must be solved on the basis of the principles of development, justice and the accommodation and integration of numerous national interests.

Keywords: world system, Russia, India, China, Eurasia, Brazil, USA, collective West, Japan, ASEAN, Global South

Citation: Volodin A.G. (2024) The Modern World System: Regrouping of Forces. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049924050018, EDN: JVGWBT (In Russ.)

Диверсификация и усложнение как принципы внутренней организации заложены в поведение любой системы, включая общество, политику и международные отношения. Исторический процесс своей тенденцией к полицентризму выражает естественную тягу человечества к «единству в многообразии», как принято полагать в индийской философской мысли. Однако всякие перемены вызревают постепенно, поэтому за их динамикой далеко не всегда можно наблюдать. Можно сказать, что путь к «разнообразию», т.е. полицентрическому строению ойкумены, по-своему отражал смену вех в историческом развитии человечества. «Конец истории» был искусственной концепцией, не подкрепленной конкретным анализом событий. Как определил основную линию нынешнего мирового развития индийский футуролог П. Ханна, «история не закончилась – она вернулась» [Khanna 2019, 12]. Не менее выразительно и конкретно состояние современного мира оценил министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар: «Европа должна освободиться от представления о том, что проблемы Европы – это мировые проблемы, тогда как мировые проблемы – это не боль Европы»².

В 2008 г. известный американский журналист индийского происхождения Ф. Закария [Zakaria 2008] определил «тектонические сдвиги» в мировой экономике и политике и их содержание, разделив пять последних столетий мировой истории на три неравнопротяженных этапа: 1) восхождение Запада, начавшееся в XV в. в связи с Великими географическими открытиями, которое «драматически» ускорилось в конце XVIII в. под воздействием первой промышленной революции, что и предопределило длительное экономическое и политическое господство наций «североатлантического пространства» над остальным миром; 2) геополитическое самоутверждение Соединенных Штатов в каче-

² How to survive a superpower split. The Economist. 11.04.2023. (<https://economist.com/international/2023/04/11/how-to-survive-a-superpower-split>).

стве «осевой» мировой державы (с конца XIX в.), которое приобрело безальтернативный характер после самоликвидации СССР; 3) «восхождение остальных» (т.е. основной части человечества), которое привело к новой перегруппировке геополитических сил в международной системе, происходящей в режиме реального времени. Впрочем, советское востоковедение более точно охарактеризовало глобальные процессы ближайшего будущего как превращение объектов неокOLONиальной эксплуатации в субъекты мирового исторического процесса, характерная для советского востоковедения [Примаков 1982].

Нынешний «тектонический сдвиг» в мировой политике начался во второй половине 1980-х гг. Этот процесс вовлек в себя так называемые «новые влиятельные государства» (new influentials), среди которых явно выделялись Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Египет, Нигерия, Южная Африка, Индия и т.д. Китай, который тогда только вышел на траекторию форсированного экономического роста, в прогнозных сценариях политологов-международников практически не фигурировал. Главной особенностью данной общности считалось наличие у этих стран своих интересов, которые отличались от устремлений СССР и США и их союзников.

В конце 1980-х гг. британский социолог П. Кеннеди указывал на объективный характер мирового исторического процесса: каждой из крупных держав «приходится сталкиваться с извечными дилеммами подъема и падения, с меняющимися темпами производственного роста, с технологическими инновациями, с изменениями на международной арене, с растущей стоимостью вооружений, с изменениями в балансе сил (т.е. с периодически повторяющимися перегруппировками сил – прим. авт.). Это не те события и процессы, которые может контролировать какое-либо одно государство или отдельные лидеры» [Kennedy 1989, 540].

Однако драматические события конца 1980 – начала 1990-х гг. «затемнили» объективные процессы в мировой системе. Становление новых влиятельных членов международного сообщества происходит уже на фоне формирования полицентрического, «постамериканского мира». Ф. Закария, в частности, отмечал: «Впервые в истории мы являемся свидетелями подлинно глобального развития. Этот феномен создает международную систему, в которой страны во всех частях мира больше не являются объектами [давления] или [сторонними] наблюдателями, а выступают самостоятельными игроками. Подобный процесс и есть рождение поистине глобального порядка» [Zakaria 2008, 3].

Становление полицентрического мироустройства: логика и история

Становление действительно полицентрического мироустройства имело свою внутреннюю логику и хронологию. Первоначально, в середине 2010-х гг., «постамериканский мир» уже приобрел некие конкретные контуры своеобразного «семицентриа», в которое тогда включали следующие страны и регионы: Бразилию, США, Западную Европу, Россию, Индию, Китай, Японию. Уже тогда в «семицентрии» входили, помимо признанных лидеров мировой экономики, относительно новые силы, которые в те годы все чаще собирательно именовали «БРИК». Следует отметить, что после событий 24 февраля 2022 г. из этой «когорты» довольно быстро «выпали» Западная Европа и Япония, которые перешли к состоянию/статусу экономической и геополитической «периферии» Соединенных Штатов.

Процесс геополитической диверсификации человечества имел свою последовательность и собственную историческую подоснову. Так, во второй половине 1950-х гг. уже можно было говорить о трех своеобразных «полюсах» мирового развития. К Советскому Союзу и Соединенным Штатам добавилось движение неприсоединения, кото-

рое возглавили руководители Индии, Египта и Югославии – Дж. Неру, Г.А. Насер и И.Б. Тито. После исторической встречи в Бандунге представителей 29 стран Азии и Африки (апрель 1955 г.), которые выработали согласованную платформу антиимпериализма и антиколониализма, начался переход к полицентрической форме организации мирового пространства. Иными словами, попятное движение глобальных процессов, которое проявилось в кратковременном воцарении «униполюса»/Рух Америка, лишь задержало «возвращение истории» – превращение основной части человечества в реальный субъект мировой политики.

Ретроспективно можно полагать, что такое направление развития международной системы было своего рода исторической случайностью. В пользу подобной трактовки свидетельствуют несколько обстоятельств. Во-первых, распад биполярного мира не был продиктован логикой исторического развития. Значительную (а может и определяющую) роль в распаде СССР сыграл субъективный фактор: стремление позднесоветских (этно-кратических, этноцентричных) элит политически и экономически разделить пространство наиболее крупной по территории страны мира, которому в немалой степени способствовал лишенный ясного целеполагания хаотический характер «перестройки». Определенную роль в развитии деструктивных процессов на пространстве СССР сыграл и внешний фактор, т.е. действия коллективного Запада.

Во-вторых, Соединенные Штаты априори не могли осуществлять «глобальное управление» с помощью механизмов политэкономического контроля, поскольку после распада СССР на США приходилось лишь 25% мирового ВВП. Максимальное значение американского ВВП было зафиксировано в 1944 г., когда на Америку приходилось 35% от общемирового показателя³. После самоликвидации СССР возникла своеобразная двойственность мировой политики: Америка не обладала необходимыми ресурсами для «глобального управления», однако настойчиво пыталась претворить в жизнь идею Рух Америка, тогда как остальной мир еще не был психологически подготовлен к альтернативному, многополярному мироустройству.

В-третьих, данное противоречие имело тенденцию нарастать. Впервые мировая научная и общественная мысль по-настоящему прочувствовала его после неудачи «экспедиционной миссии» в Ирак около в 2005 г. Чуть раньше Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц критически оценивал способность глобализации и ее институтов обеспечить «глобальное управление» в интересах всего человечества. Американский ученый писал: «международные финансовые организации избежали прямой ответственности, которую мы ожидаем от государственных институтов в современных демократических государствах. Пришло время... пристально посмотреть на некоторые из программ этих институтов и на то, насколько хорошо или скверно они способствовали экономическому росту и сокращению бедности» [Stiglitz 2002, 52]. Именно тогда потребность в новом мировом устройстве, которое будет отвечать интересам основной части человечества, начала ощущаться как экзистенциальная необходимость – прежде всего на «глобальном Востоке и Юге». Такие настроения дали толчок развитию новых, не-западоцентричных институциональных форм международного общения.

В рамках противодействия перегруппировке геополитических сил в Евразии (прежде всего объединению усилий России, Индии и Китая в построении нового, равноправного мирового порядка) коллективный Запад под управлением США стремился внести разлад в отношения между тремя странами-гигантами. Особые усилия прилагались, чтобы обо-

³ Автор пользуется оценками экономиста и историка Э. Мэддисона и его группы, которые в международном научном сообществе считаются наиболее точными и авторитетными.

строить и поддерживать на «точке кипения» исторически сложные отношения между Дели и Пекином. Однако распад Советского Союза и энергичная материализация *Raх Americana* послужили первичным толчком к нормализации отношений между странами. «Совместное беспокойство по поводу новой и непредсказуемой реальности, однополярного мира, наряду с разделяемым обеими сторонами пониманием экзистенциальной важности спокойной периферии и фокусирования внимания на неотложных домашних проблемах – внутренней безопасности, политической стабильности, экономическом развитии – эти факторы объединили Дели и Пекин в стремлении завершить нормализацию двусторонних отношений», отмечает историк двусторонних отношений и мировой политики З. Даулет Сингх [Daulet Singh 2020, 9].

Фактически стартовал поиск геополитических механизмов, которые составили бы альтернативу западной гегемонии. Одним из форматов, способных вернуть начала диалектики в мировую политику, стал треугольник Россия-Индия-Китай (РИК). Изначально отношение к идее РИК в «постбиполярном» мире было сдержанно-скептическим. Однако события начала XXI в. показали, что этот формат должен быть воплощен в жизнь возможно скорее. РИК стал не только самостоятельным геополитическим форматом, но и послужил идейно-организационной основой для последующей институционализации платформы БРИКС.

«Демонстрационный эффект» перегруппировки сил в Евразии, при всей сложности и противоречивости данного процесса, «выплеснулся» в мировое пространство. Перестройка системы международных отношений в Евразии после распада Советского Союза и институционализации «униполяр» (в виде «Вашингтонского консенсуса») охватила и другие континенты, прежде всего Латинскую Америку. Как представляется, тенденция к диверсификации мирового пространства в этой части ойкумены развилась в значительной степени из-за субъективного фактора.

1 января 1995 г. президентом Бразилии был избран социолог и экономист Ф.Э. Кардозу (род. в 1931 г.). Он был одним из родоначальников теории зависимого капиталистического развития, практическая суть которой первоначально заключалась в том, что инструментарий политического и экономического суверенитета следует использовать для самостоятельного (пусть и ограниченного) развития Латинской Америки на основе приоритета национальных целей и задач над интересами международного капитала. Подобная политика сильно осложняла «Вашингтонский консенсус». Однако в усилении «постбиполярного» взаимодействия России, Индии и Китая правящие круги Бразилии увидели возможность развития многополярного мира. Данную идею поддерживали не только деятели левоцентристского направления, но и национально ориентированные представители офицерства и генералитета, а также бразильская буржуазия. Видимо, Ф.Э. Кардозу принадлежала идея геополитического «квадрата сил» с участием Бразилии, России, Индии и Китая; которая преследовала двудединую цель: 1) качественно повысить мирополитический статус крупнейшей страны Латинской Америки и 2) преодолеть периферийное состояние бразильской экономики внутри сложившегося в 1990-е гг. *Raх Americana*.

Самоутверждение Бразилии как великой державы происходило на фоне политического «пробуждения» коренного населения этой страны, а также аналогичных процессов в других государствах Латинской Америки (Венесуэла, Колумбия, Перу, Парагвай и др.). Требования коренных жителей Латинской Америки (*amerindians*) имели двоякий характер. С одной стороны, они добивались равноправного положения в системе политических отношений в обществах «периферийного» латиноамериканского капитализма, что предполагало совершенствование институтов представительной демократии. С другой

стороны, лидеры латиноамериканских «прогрессистов» (У. Чавес, Э. Моралес и др.) понимали, что политическую и социальную/экономическую демократию в их странах невозможно построить, не преодолев саму геополитическую «периферийность» (не создав новую модель отношений с США и коллективным Западом в целом), и без стратегических союзников в мире, прежде всего в Евразии (Россия, Китай и т.д.).

Успешно сделать новый стратегический выбор помогло наличие минерально-ресурсной базы международного значения (нефть, литий, вольфрам, олово, серебро, бокситы, золото и т.п.) у ряда государств региона (Венесуэла, Боливия и др.). К тому же, как отмечает признанный британо-индийский эксперт по международным проблемам Д. Хиро, коренные жители Латинской Америки начали из состояния пассивности переходить в режим организованной активности, они «почувствовали политическую силу избирательного бюллетеня» [*Hiro* 2010, 142-143]. Политическое «пробуждение» затронуло и другие страны и регионы.

Немаловажную роль в общемировой перегруппировке сил сыграло геополитическое обособление и самоутверждение Ирана после революции 1978-1979 гг. Американско-английская «экспедиция» в Ирак 2003 г. с целью свергнуть режим С. Хуссейна, а также захват Афганистана в 2001 г. силами «западной коалиции» ненамеренно избавили Иран от геополитических соперников на востоке (Афганистан) и западе (Ирак). Данные события фактически подготовили почву для утверждения Исламской республики в качестве доминирующей силы в регионе Среднего Востока. Свою роль в геополитическом возвышении Ирана сыграло сближение и развитие стратегического партнерства с постсоветской Россией. Распространению влияния официального Тегерана на региональном уровне (в частности, в Восточном Средиземноморье) также поспособствовала торговля углеводородами (нефть, газ), международно значимыми запасами которых обладает эта страна.

Наконец, известное значение для становления идеологии и политики построения полицентрического мира имело превращение Корейской Народно-Демократической Республики в своеобразный ограничитель американского влияния на Дальнем Востоке. Данная трансформация имеет историческое происхождение. Как известно, Корейская война (1950-1953 гг.) унесла жизни более 36 тысяч американцев⁴. Она была настолько непопулярна в обществе США, что индекс общественной поддержки тогдашнего президента Г. Трумэна опустился до 22% в 1952 г.⁵ (этот антирекорд был превзойден только осенью 2008 г., когда уровень одобрения деятельности президента Дж. Буша-младшего составлял 19-20%⁶). Преемник Г. Трумэна в Белом доме, Д. Эйзенхауэр, оказался достаточно дальновидным и проницательным политиком, чтобы провести своеобразную «красную линию» во внешней политике США. С тех пор прямое вмешательство во внутривнутриполитическое развитие других стран стало недопустимым для американской власти – даже ради продвижения идеи *Rex Americana*. Идеальной моделью американского вмешательства в дела иностранных государств стало использование местных олигархических групп и их военных формирований в своих интересах.

Тем не менее недолгая историческая память американского общества позволила провести прямые интервенции во Вьетнаме, Ираке (дважды) и Афганистане. Однако КНДР

⁴ Share of United States military deaths in the Korean War by cause of death from 1950 to 1953. Statista. (<https://www.statista.com/statistics/1343710/us-military-death-cause-korean-war/>).

⁵ Political Arithmetik: Approval at new low – for President Truman. (<https://politicalarithmetik.blogspot.com/2006/07/approval-at-new-low-for-president.html>).

⁶ Presidential Approval Highs & Lows. Roper. (<https://ropercenter.cornell.edu/presidential-approval/highslows>).

представляла для американской внешней политики потенциальную геополитическую неопределенность и значительный риск, своего рода нестираемую «красную линию», действенный ограничитель «свободы» – своевольного внешнеполитического поведения США. Если несомненным геополитическим «активом» Венесуэлы был минерально-ресурсный потенциал мирового значения, то КНДР, располагая достаточным для устрашения заокеанского противника и его региональных союзников ядерным и мощным конвенциональным военным потенциалом, превратилась в сложную для правящих кругов США проблему – по меньшей мере на Дальнем Востоке. По мнению западных экспертов, Иран также обладал научно-техническим потенциалом, необходимым для создания оружия массового уничтожения. Своеобразный «фронт непримиримых» в лице Ирана, Венесуэлы и КНДР искусно использовал новые возможности мировой политики, открывшиеся с возвышением Китая и «пробуждением» России от «летаргического сна» 1990-х гг.

Впрочем, в начале XXI в. нередко звучал вопрос: насколько жизнеспособно объединение Бразилии, России, Индии и Китая (а вскоре и Южно-Африканской Республики), возможно ли его преобразование в геοэкономический и – в обозримой перспективе – геополитический союз? Иными словами, сможет ли новая платформа, пользуясь терминологией египетского политолога С. Амина [Amin 2014], стать новым «мировым проектом»?

В то время дать однозначный вопрос было невозможно. С одной стороны, системный кризис 2007–2009 гг. не исчерпал свой «деструктивный» потенциал для мировой экономики. Так, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2009 г., премьер-министр КНР Вэнь Цзябао раскритиковал США и другие страны Запада за «неадекватную макроэкономическую политику некоторых экономик (исторический Запад под управлением США – прим. авт.) и их неустойчивые модели развития, характеризующиеся низкими сбережениями и высоким потреблением, а также чрезмерным расширением функций финансовых инструментов в слепой погоне за прибылью, отсутствием самодисциплины у финансовых институтов и рейтинговых агентств» [Hiro 2010, 183]. На этот раз именно Китай предостерегал западных лидеров, а не наоборот. Специалисты обратили внимание на психологическое измерение кризиса 2007–2009 гг., которое имело далеко идущие геополитические последствия для Запада. Как отмечал российский политолог Н.А. Симония, «завершающую точку в процессе развенчания западной, особенно американской, модели капитализма поставил кризис 2007–2009 гг. До кризиса у многих политиков и интеллектуалов в Азии все еще теплилась вера в то, что, несмотря на, как им казалось, отдельные промахи, западная экономическая теория и практика были лучшими в мире. Но... кризис и глобальная рецессия заставили многих азиатов поставить под вопрос западную компетентность» [Что догоняет... 2011, 25].

В обстановке всеобъемлющего финансово-экономического кризиса, управлять которым западные институты не могли, естественным выглядело стремление сверхкрупных стран координировать свои действия. Цель такого объединения заключалась в том, чтобы за счет интеграции своих экономик и рынков избежать последствий жестоких геοэкономических потрясений, а также превратить БРИКС в относительно автономное от «триады глобализации» (США – Западная Европа – Япония) пространство, способное амортизировать грядущие кризисные «шоки».

С другой стороны, существовали (и до сих пор не исчезли) факторы неэкономического происхождения, которые тормозят, казалось бы, естественные процессы экономической кооперации и интеграции: историческая память народов; предубеждения, которые сознательно культивируют элиты в своих узкогрупповых интересах; незримое присутствие в двусторонних отношениях фактора «третьих» стран и т.п.

БРИКС как платформа содержательной многополярности

Лидерами сотрудничества и интеграции в БРИКС на первом этапе развития данного объединения, безусловно, являлись Китай и Бразилия. На то существовали веские экономические и политические основания.

Во-первых, оба гиганта глубоко вовлечены в мировую экономику и старались всячески диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, чтобы в будущем максимально избежать односторонней зависимости от рынков промышленно развитых стран и их переменчивой конъюнктуры. Успешность этого подхода продемонстрировал глобальный финансово-экономический кризис 2007–2009 гг.

Во-вторых, Бразилия (примерно с 2003 г.) и Китай (с XVII съезда КПК, октябрь 2007 г.) начали проводить активную социально-экономическую политику, которую российский китаевед А.И. Салицкий определил как движение от реформ к развитию [*Salitskii* 2018]. Суть этой политики заключалась в энергичном стимулировании внутреннего спроса, последовательном выравнивании уровней экономического развития различных регионов стран-гигантов, поступательном снижении социально-имущественных диспаритетов в обществе и др. Политика преследовала цель повысить уровень жизни массовых слоев народа и, на этой основе, расширить поддержку экономической и политической систем среди общества. Идентичные цели делают стратегии развития обеих стран понятными друг для друга, повышают их заинтересованность в совместных начинаниях, включая перекрестные инвестиции [*Hiro* 2010, 182–184]. Новая геоэкономическая и геополитическая роль «восходящих» экономических держав – Бразилии, России, Индии и Китая – побудила тогдашнего директора-распорядителя МВФ Д. Стросс-Кана (2007–2011 гг.) призвать организацию перераспределить голоса в Фонде в пользу данных государств.

Россию и Индию даже на начальном этапе существования «платформы» сложно было назвать «аутсайдерами» экономической интеграции внутри БРИКС (тогда в формате БРИК). Однако официальная линия Москвы и Дели, несмотря на их активное участие в четырехсторонних встречах на официальном уровне, вызывала у Китая и Бразилии некоторые вопросы. Первый: как соотносится геополитика (поддержка идеи БРИК на высшем государственном уровне) и экономика (стимулирование интеграционных процессов в многостороннем формате) во внешнеполитической стратегии Индии и России? Второй: какие экономические и политические силы в двух странах были готовы реально участвовать в кооперационных связях в рамках формата? Третий: была ли у России и Индии долгосрочная стратегия действий в отношении объединения БРИК?

Тогда получить исчерпывающий ответ на эти вопросы было сложно. Ретроспективно объяснить причины «отставания» России и Индии на «фронте» борьбы за БРИК можно следующим образом. Индийские элиты в конце XX – начале XXI в. оказались в своеобразном концептуальном вакууме. После распада СССР и «ухода с Востока» так называемой «новой» России надежда на длительный «американоцентричный» мир, в котором Индии была уготована важная (а по сути своей вспомогательная) роль по сдерживанию Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе оказались геополитической иллюзией. Кроме того, и элиты, и народ Индии с трудом преодолевали «комплекс исторической памяти» в отношении Китая, проистекающий как из воспоминаний о пограничном конфликте 1962 г., так и из опасений касательно форсированного экономического роста в КНР, который мог превратиться в геополитическую экспансию с перспективой «окружения» Индии в Южной Азии. Однако сама история исцелила «исторические болезни»: после 24 февраля 2022 г. Индия почувствовала себя реальной мировой державой «без изъятий и исключений». Этот процесс обрел положительную инерцию необратимого движения

вперед. Следует также отметить, что важным психологическим подспорьем для обретения Индией искомого геополитического статуса стала мягкая посадка на Луну индийской космической станции «Чандраян-3» во время «объединительного» саммита БРИКС в Йоханнесбурге в августе 2023 г.

Для России же проект БРИК/БРИКС первоначально представлял собой прежде всего интеллектуальную проблему, которую необходимо было решить методологически, а затем интегрировать это решение в стратегию внешней политики в качестве «строительного материала». Смысл этой своеобразной дилеммы состоял, как представляется, в следующем. В начале XXI в. отношение к БРИК(С) и другим подобным начинаниям было довольно странным и противоречивым. С одной стороны, еще во второй половине 1990-х гг. была выдвинута общая идея о самостоятельности России в мировом пространстве. С другой стороны, как показывает историческая практика, идея трансформируется в концепцию и в принципы деятельности лишь тогда, когда она насыщается необходимыми деталями. Постсоветской России, первоначально сделавшей «западный выбор», предстояло не только осмыслить ограниченную пользу односторонней ориентации на Западную Европу, Америку и Японию, но и осознать происходящую смену вех в мировой политике – прежде всего перемещение ее оси в сторону глобального Востока и Юга и, наконец, найти практический алгоритм встраивания России в эпоху «возвращения истории».

После фиаско американо-английского вторжения в Ирак ход всемирной истории значительно ускорился. Влиятельные интеллектуалы на Западе открыто заговорили о «конце империи» и о «закате» *Rax Americana*. Неспособность коллективного Запада справиться с глобальным финансово-экономическим кризисом 2007–2009 гг. подорвала и психологические основы западного доминирования над остальным миром. В интеллектуальных кругах самопроизвольно возник вопрос: что будет после «конца империи»?

Новый международный порядок, писал в 2010 г. авторитетный эксперт-аналитик Д. Хиро, «не будет вращаться вокруг Америки. Не будет он и диалектическим – Соединенные Штаты против Китая, Запад против Азии или демократии против автократий (здесь заметно суженное представление автора о диалектике и ее проявлениях – прим. авт.). Предшествующие нынешнему состоянию мира события уже имели следствием формирование международного порядка с множественными полюсами влияния, которые сотрудничают и одновременно соперничают друг с другом, причем ни один из этих полюсов не имеет возможности действовать как господствующая сила. Проще говоря, вековой баланс сил снова взялся за работу» [*Hiro* 2010, 5-6]. События и процессы начала 2000-х гг. породили кризисные явления в деятельности международных институтов (ООН, МВФ, Всемирный банк) и поставили мир перед необходимостью формировать новые трансконтинентальные форматы и платформы, которые смогут адекватно реагировать на необратимо увеличивающееся экономическое и политическое разнообразие человечества.

В принципиально новых геополитических условиях первоначально аморфная платформа БРИК/БРИКС начала постепенно обретать качества международной организации, потенциально способной консолидировать ту часть ойкумены, которая находилась за пределами пространства «золотого миллиарда» и никак не вписывалась в «мировой либеральный порядок». Геоэкономической и геополитической подосновой развития БРИКС и аналогичных организаций стали следующие явления-факторы: естественное исчерпание способности США к единоличному глобальному управлению; продолжительный и энергичный экономический рост Китая; самоутверждение Индии как государства-цивилизации; преодоление Россией психологического кризиса/исторической «усталости» после распада СССР; появление целой группы государств – открытых противников мирового

либерального порядка (Иран, Венесуэла, Корейская Народно-Демократическая Республика и т.д.); политическая консолидация на Арабском Востоке (ускорившаяся после разрушительной «Арабской весны»); желание стран Латинской Америки говорить с миром собственным голосом; пробуждение угнетенной Африки и др. Значительную роль в ускорении развития «проекта БРИКС» сыграла и растущая неустойчивость международной финансовой системы, замкнутой на США и других странах коллективного Запада.

Политэкономическую подоснову хронической нестабильности мировых финансов доказательно описал индийский экономист А. Кумар Багчи. В начале 2000-х гг. автор писал, что Соединенные Штаты «вынуждены» в силу сложившихся обстоятельств «навязывать свою волю остальному миру, тогда как международные законы написаны и существуют только для других государств. Эта доктрина является признаком экономической слабости США: Соединенные Штаты больше не могут платить за энергоресурсы, необходимые им для того ориентированного на военные цели и разрушительного для окружающей среды пути накопления прибыли, которого они придерживаются, и, следовательно, милитаризм стал средством захвата ресурсов фактически за бесценок. Бесценок и есть искомая цена, увеличивающая прибыль клановых компаний и создающая рабочие места в оборонной промышленности Америки» [Bagchi 2005, 335].

Как показал опыт последующих лет, платформа БРИКС имеет не только политэкономическое измерение. Внутри БРИКС работают не всегда заметные механизмы, которые поддерживают политическое равновесие в отношениях между странами-участницами. Так, историк З. Даулет Сингх отмечает, что конфликт в Докламе летом 2017 г. («противостояние в Гималаях» – китайско-индийский пограничный спор) разрешился под воздействием трех обстоятельств невоенного происхождения. Во-первых, были задействованы «невидимые» механизмы урегулирования конфликтов в форматах БРИКС и ШОС. Во-вторых, сказалась совместная заинтересованность Индии и Китая в солидарном диалоге с Западом по реформе международных финансовых институтов. В-третьих, двусторонняя торговля и инвестиции начинают играть все более важную роль в отношениях «Слона» и «Дракона» [Daulet Singh 2020, 103].

Ценности, которые отстаивают Индия, Россия, Китай, Бразилия, Южно-Африканская Республика и другие страны, состоят в утверждении принципов равноправного международного диалога, с одной стороны, и категорическом неприятии идеи «сверхцивилизации», якобы наделенной правом навязывать свои поведенческие модели остальным государствам-цивилизациям, с другой. Речь идет о западной «сверхцивилизации» и о навязываемом ею остальному миру «порядке, основанном на правилах». Государства-цивилизации добиваются легитимации полицентрической формы организации мирового пространства, неделимости/инклюзивности глобальной архитектуры безопасности, а также универсальной ценности принципов суверенитета. В политэкономическом смысле деятельность БРИКС ориентирована на поиск общей идейной платформы для создания финансовых институтов, которые будут отражать цели и интересы стран «глобального Востока и Юга», т.е. основной части человечества. В представлении стран БРИКС мир будущего – это пространство равноправного взаимодействия государств-цивилизаций, формулой которого должен стать принцип «единство в многообразии».

Рассматривая БРИКС как концептуальную альтернативу «порядку, основанному на правилах», многие государства «глобального Юга и Востока» стремятся присоединиться к данному объединению. После «объединительного» саммита в Йоханнесбурге масс-медиа сообщали о 50-ти странах, готовых примкнуть к объединению. Закономерно, что возможное расширение состава БРИКС неминуемо ставит вопрос разработки критериев для вступления в организацию как самостоятельную проблему.

В сложившихся геополитических обстоятельствах неизбежно придется учитывать опыт (порой отрицательный и разрушительный) других экономических объединений. Например, энергичное расширение Европейского союза за счет стран с более низким, чем у «старожилов» интеграции, уровнем социально-экономической зрелости постоянно воспроизводит проблемы диспаритетов и дисбалансов развития в ЕС, ставя его на грань раскола и распада. Напротив, опыт АСЕАН, которая опирается на принципы постепенности и консенсуса, заслуживает серьезного изучения и критического применения.

Другой проблемой, которая частично вытекает из первой, становится активное использование национальных валют во взаимных расчетах стран БРИКС. Национальные валюты, как известно, выступают стимуляторами экспорта, производства и одной из движущих сил экономического роста, столь необходимого странам БРИКС. Особую значимость приобретает проблема перекрестных инвестиций в государствах-членах. Дискуссия о создании единой валюты БРИКС может и должна продолжаться. Однако в настоящее время введение единой валюты представляется делом более или менее отдаленной исторической перспективы. Путь к единой валюте пролегает через несколько этапов взаимной адаптации экономических систем стран-участниц, с учетом неутешительных итогов господства доллара США.

Новое устройство мировой системы

Сегодня решимости «глобального Востока и Юга» отстаивать свои фундаментальные интересы противостоит очевидная растерянность коллективного Запада. Известный футуролог П. Ханна следующим образом описывает дилеммы современного Запада: «Неудачи в войнах в Афганистане и Ираке, разрыв между финансовой (Уолл-стрит) и реальной (Мэйн-стрит) экономикой, неспособность интегрировать Россию и Турцию в структуры Запада и, наконец, демократия, захваченная популистами (имеются в виду сторонники Д. Трампа и родственные силы в других развитых странах – прим. авт.), – вот лишь некоторые из характерных эпизодов, которые заставили многие западные элиты усомниться в будущем их привычных политических, экономических и социальных ценностей... Сегодня западные общества поглощены внутренними проблемами: растущим долгом, увеличивающимся неравенством, политической поляризацией и культурными войнами... Запад стал пионером в области удивительных технологических достижений – от средств связи до медицины, но его население не в равной степени пользовалось благами прогресса науки и техники» [Khanna 2019, 3].

Расширение платформы БРИКС в августе 2023 г. придало новый импульс политической консолидации незападного мира. Перегруппировка сил на глобальном уровне логично обретает новое целеполагание и новые измерения. БРИКС как институциональная платформа перегруппировочных процессов призван и способен решать ряд задач. Во-первых, за счет внутренних механизмов конфликторазрешения он может смягчать остроту традиционных противоречий между государствами (например, между Алжиром и Марокко как потенциальными участниками БРИКС). Данная способность приобретает особое значение в свете обнаружившейся в последнее время неэффективности ООН как центральной международной организации.

Во-вторых, в рамках БРИКС целесообразно создать некий «диалоговый формат», который будет включать в себя страны коллективного Запада, по ряду принципиальных вопросов старающиеся отстаивать принципы суверенитета во внешней политике (Венгрия, Австрия, Южная Корея и т.п.). Данную идею как рабочую гипотезу предложил А.В. Кузнецов в [Volodin, Kuznetsov 2023].

В-третьих, стоит обратить особое внимание на динамично развивающийся регион Юго-Восточной Азии, пока не представленный в объединении БРИКС. В Юго-Восточной Азии формируется своеобразный «асановский концерт». Принятие решений на основе общего согласия, с одной стороны, политически укрепляет экономическую платформу объединения АСЕАН. С другой стороны, этот принцип институционально консолидирует группировку, позволяет ей солидарно выступать на международных форумах, опираясь и на совокупный экономический потенциал, и на относительно бесконфликтные (в отличие от, например, ЕС) отношения между странами-участницами данного объединения. Сегодня АСЕАН представляет собой геоэкономическое ядро региона АТР, что делает последний главным центром мировой экономической активности и средоточием мировых политических процессов.

При оценке перспектив перегруппировки геополитических сил в Евразии целесообразно учитывать несамостоятельный и зависимый от Соединенных Штатов стиль внешнеполитического мышления правящих кругов Японии. Данный факт ставит под сомнение способность страны добиться переформатирования геополитического пространства в данном регионе в своих интересах и в интересах коллективного Запада. После 24 февраля 2024 г. стало очевидным внутреннее противоречие между стремлением Японии найти для себя «удобное» место в формирующейся модели региональных международных отношений в АТР, с одной стороны, и незначительностью достигнутых реальных результатов на этом пути, с другой. Затруднения такого рода политики можно связать в немалой степени с тем, что страны АСЕАН воспринимают Японию как своеобразного троянского коня внешнеполитической стратегии Вашингтона. Для официального Токио значительно усложняет достижение стратегических целей и формирующаяся на Дальнем Востоке геополитическая ось Москва-Пекин-Пхеньян, участников которой, помимо конкретных внешнеполитических задач, соединяет фактор общей исторической памяти сложно-противоречивых отношений со Страной восходящего солнца в XX в.

На фоне конформизма японской внешней политики контрастно выглядят прагматизм и многовекторность дипломатии и внешнеэкономической политики Южной Кореи, – несмотря на некоторые внешнеполитические шаги Сеула, призванные продемонстрировать лояльность курсу нынешней американской администрации. Зависимость экономики Южной Кореи от условий мировой торговли и, в конечном счете, от глобальной геополитической ситуации позволяет выразить осторожный оптимизм относительно возможного подключения Южной Кореи к «диалоговому формату» БРИКС.

Попытки коллективного Запада сохранить контроль над мировой системой проявились в создании Группы-20. Однако цели участников этого искусственно сконструированного объединения изначально различались: если Запад пытался предотвратить распад системы неокOLONIALной эксплуатации, то глобальный Юг и Восток рассматривали ее как институт переходного типа, конечной целью которого было формирование нового мирового экономического и политического порядка⁷. Застарелые конфликты, таким образом, не исчезли – напротив, они начали проявляться в открытой, заметной всему миру форме.

Перегруппировочные процессы в Евразии, которые опираются на геоэкономический и геополитический потенциал России, Индии и Китая (первоначально формат РИК), в определенном смысле развивают идеи Х. Маккиндера [Маккиндер 2023] и В.И. Ленина [Ленин 1957], которые выступали с диаметрально противоположных идейно-политических пози-

⁷ Движению за новый мировой экономический порядок в 2024 г. исполнилось 60 лет.

ций. Ирония истории состоит в том, что мощным импульсом к развитию перегруппировки сил в Евразии послужила самоликвидация Советского Союза, который мощно стимулировал развитие отношений в треугольнике Россия-Индия-Китай. Впоследствии кризис и крах Pax Americana подтолкнули дальнейшее развертывание перегруппировки сил уже за пределами Евразии. В настоящее время идейной и организационной платформой перегруппировки сил на глобальном уровне выступает объединение БРИКС.

Современный мир: Quo Vadis?

Перегруппировка сил на глобальном уровне продолжается. По сути дела по-прежнему идут геополитические процессы XX в., прерванные распадом Советского Союза [Володин 2019]. Становление полицентрической организации мирового пространства поддерживают несколько факторов, которые значительно, хоть и не напрямую, влияют на перегруппировку сил в мировой политике. В первую очередь следует выделить кризис западной модели развития, окончательно оформившейся после распада Советского Союза. Турбулентность западного мира с особой силой проявилась в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. Данный кризис продемонстрировал всему человечеству беспомощность Запада в глобальном управлении экономическими процессами, ради которого создавались и «усеченная» глобализация [Nayar 2005] (США, Западная Европа, Япония), и «Вашингтонский консенсус», и другие «новаторские» идеи. Сегодня ясно, что западный проект глобализации оказался сказочным подарком для незападных обществ, которые за его счет качественно увеличили долю промышленности в ВВП и превратились в новую мастерскую мира.

Второй фактор – деградация системы управления обществом и государством, которая изнутри подтачивает возвращенный коллективным Западом мировой порядок. Явный пример неблагополучия системы государственного управления на Западе – несколько попыток отправить в отставку такого мэтра государственного управления, как М. Драги, который не увидел перспектив у данной модели экономики. Нынешние проблемы и дисфункции государственного управления на Западе истекают из разросшегося до вопиющих масштабов противоречия между качественно усложнившейся внутренней организацией общества, с одной стороны, и отсутствием идеологии рационального управления обществом и ее социальных носителей, с другой.

В-третьих, кризис западной модели развития и деградация системы государственного управления в обществах «золотого миллиарда» усугубляются вследствие критического ухудшения качества политических элит и непозволительного для «осевого времени» сужения их профессионального кругозора. Деградация западных элит проявилась в таких феноменах, как: 1) поспешное избрание «глобализации по-американски» в качестве экзистенциальной экономической парадигмы, которая послужила своеобразным трамплином для Китая и других обществ не-Запада, что позволило им выйти на лидирующие позиции в мировом хозяйстве; 2) ускоренное нарастание неплатежеспособности экономик Запада. Так, если в 1970–1980-х гг. внешняя задолженность была присуща странам Глобального Юга, то в настоящее время 75,4% мировой внешней задолженности приходится на страны «золотого миллиарда» [Fouskas et al. 2021, 17].

В-четвертых, резко активизировались страны не-Запада, а также начали появляться альтернативные экономические и геополитические проекты. Поиски новых ориентиров и моделей развития начались с середины 2000-х г., когда провалилась американско-английская интервенция в Ираке. Впоследствии логика и инерция этого процесса начали вовлекать в него все новые страны и континенты. Непосредственным поводом к активизации

не-Запада стал глобальный финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., управлять которым международные финансовые институты, обслуживавшие интересы коллективного Запада, не смогли.

Перегруппировка сил ставит перед Россией и другими странами-адептами нового мирового порядка важные вопросы, практические ответы на которые значительно приблизят наступление новой эпохи. Некоторые из этих вопросов-проблем перечислены ниже.

1. Поскольку количество потенциальных стран-участников перегруппировки сил уже превысило пятьдесят, расширение объединения БРИКС должно иметь организованный, эволюционный и поэтапный характер. Следует разработать критерии участия в перегруппировке сил на основе учета политэкономического потенциала, ресурсной базы развития и эффективности ее использования, реального экономического суверенитета, активной позиции в мировой и региональной политике, готовности отстаивать свои интересы и т.д.

2. Полезно было бы создать некий «диалоговый формат» БРИКС, который позволил бы интегрировать в формирование нового мира страны, которые по тем или иным причинам пока не заявляют о своей позиции в отношении нового мирового устройства, т.е. публично не отказываются от поддержки «мирового либерального порядка». Таких стран довольно много, – в том числе в Европе. Они могли бы стать своего рода необходимым связующим звеном между старым и новым миром.

3. Самостоятельное значение имеет политэкономическое измерение перехода к полицентрическому мироустройству. Внешнеэкономические связи между участниками новых процессов мировой политики целесообразно постепенно переводить на расчеты в национальных денежных единицах, что стимулирует экономический рост и диверсификацию хозяйственных систем. Следует критически использовать опыт внешнеэкономических связей Китая с зарубежными партнерами, частью которого выступает «заккрытие» дефицита во внешней торговле с иностранными государствами как прямыми инвестициями КНР, так и накопленными излишками национальных валют для содержания дипломатических учреждений в принимающей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Володин А.Г. (2019) Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // *Контуры глобальных трансформаций*. Т. 12. № 4. С. 6–31.

Volodin A.G. (2019) Emergence of a Polycentric World Order as a Continuation of Geopolitical Processes of the XXth Century. *Kontury Global'nykh Transformatsiy*. vol. 12, no. 4, pp. 6-31. (in Russ.)

Ленин В.И. (1957) Горючий материал в мировой политике // В: Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 17. М.: Политиздат. С. 174–183.

Lenin V.I. (1957) Combustible Material in World Politics. In: *Polnoe sobranie sochinenij v 55 tomah*. Vol. 17. Moscow: Politizdat. Pp. 174-183. (in Russ.)

Маккиндер Х. (2023) Географическая ось истории. М.: АСТ. 352 с.

Mackinder H. (2023) *Geograficheskaya os' istorii* [The Geographical Pivot of History]. Moscow: AST. 352 p. (in Russ.)

Примаков Е.М. (1982) Восток после краха колониальной системы. М.: Наука. 208 с.

Primakov Ye.M. (1982) *Vostok posle kraha kolonial'noi systemy* [The Oriental World after the Collapse of the Colonial Rule]. Moscow: Nauka. 208 p. (in Russ.)

Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия (2011) Ред.: Петров А.М. М.: Институт востоковедения РАН. 424 с.

Chto dogonyaet dogonyauyscheye razvitie. Poiski ponyatiya [‘Catch-up Development’ and What It Is Catching Up With. Search for a Paradigm] (2011) Ed(s): Petrov A.M. Moscow: Institute for Oriental Studies. 424 p. (in Russ.)

Amin S. (2014) *Capitalism in the Age of Globalization. The Management of Contemporary Society*. London: Zed Books. 192 p.

Bagchi A.K. (2005) *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*. New Delhi: Oxford University Press. 423 p.

Daulet Singh Z. (2020) *Powershift. India-China Relations in a Multipolar World*. London-New Delhi: Macmillan. 335 p.

Fouskas V.K., Roy-Mukherjee Sh., Huang Q., Udeogu E. (2021) *China & the USA. Globalisation and the Decline of America’s Supremacy*. London: Palgrave Macmillan. 94 p.

Hiro D. (2010) *After Empire. The Birth of a Multipolar World*. New York: Nation Books. 348 p.

Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Vintage Books. 677 p.

Khanna P. (2019) *The Future is Asian. Global Order in the Twenty-First Century*. London: Weidenfeld & Nicolson. 433 p.

Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press. 301 p.

Salitskii A.I. (2018) *The Outward Expansion of China as a Result of Its Victorious Modernization* // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 88. No. 1. Pp. 104–110.

Stiglitz J. (2002) *Globalization and its Discontents*. London: Allen Lane. 282 p.

Volodin A., Kuznetsov A. (2023) *The BRICS Platform as a Prototype of the Polycentric World Model* // India Foundation Journal. Vol. 4. No. 5. September-October. Pp. 12–22.

Zakaria F. (2008) *The Post-American World*. New York – London: W.W. Norton & Company. 292 p.

Информация об авторе

Володин Андрей Геннадиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: andreivolodine@gmail.com

About the author

Andrey G. Volodin, Doctor of Sciences (History), Principal Research Fellow, Institute for Scientific Information in Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Address: Nakhimovskiy prospect, 51/21, Moscow, 117418, Russia. E-mail: andreivolodine@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 01.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.09.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 328.1, 329.1

DOI: 10.31857/S0869049924050029
EDN: JUYUVM

Оригинальная статья / Original article

Трансформация роли и влияния стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона на политику Евросоюза в отношении России (по итогам выборов в Европарламент в 2024 г.)¹

© Б.П. ГУСЕЛЕТОВ

Гуселетов Борис Павлович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), bguseletov@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-6256-5013

В исследовании представлен анализ укрепления роли и влияния стран – членов Балтийско-Скандинавского макрорегиона (БСМ) на политику Европейского союза (ЕС) в отношении России. Цель работы – выявить и оценить, как выборы в Европарламент в 2024 г. изменили степень влияния стран БСМ на формирование и проведение его внутренней и внешней политики. Выборы сменили представительство депутатов стран указанного региона в руководящих органах Европарламента, особенно тех, которые играют ключевую роль в политике ЕС в отношении России. Представлен прогноз позиций, которые займут представители Балтийско-Скандинавского макрорегиона в новом составе Европейской комиссии, и как данные изменения повлияют на курс в отношении России.

Ключевые слова: Европейский союз, Балтийско-Скандинавский макрорегион, Россия, Еврокомиссия, Европарламент, выборы, европартии, евродепутаты

Цитирование: Гуселетов Б.П. (2024) Трансформация роли и влияния стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона на политику Евросоюза в отношении России (по итогам выборов в Европарламент в 2024 г.) // Общественные науки и современность. № 5. С. 22–33. DOI: 10.31857/S0869049924050029, EDN: JUYUVM

¹ Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Funding. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme No. FMZS-2024-0013 “System analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian macro-region”).

Transformation of the Baltic-Scandinavian Macroregion Countries' Role and Influence on the EU Policy Towards Russia (the case of the elections to the European Parliament in 2024)

© B. GUSELETOV

Boris P. Guseletov, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation),
bguseletov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6256-5013

Abstract. The analysis of the growing role and influence of the member states of the Baltic-Scandinavian macroregion (BSM) on the policy of the European Union towards Russia is presented. The purpose of the work is to identify and evaluate how the elections of MEPs in 2024 affected the change in the degree of influence of the BSM countries on the formation and implementation of the EU's domestic and foreign policy by political institutions. The representation of MEPs from these countries in the governing bodies of the European Parliament has changed as a result of these elections, especially those who play a key role in the development and implementation of EU policy towards Russia. A forecast is presented of the positions MEPs from the studied region will take in the new composition of the European Commission and how this will affect its policy towards Russia.

Keywords: European Union, Baltic-Scandinavian macroregion, Russia, European Commission, European Parliament, elections, European parties, MEPs

Citation: Guseletov B. (2024) Transformation of the Baltic-Scandinavian Macroregion Countries' Role and Influence on the EU Policy towards Russia (the case of the elections to the European Parliament in 2024). *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 22–33. DOI: 10.31857/S0869049924050029, EDN: JUYUVM (In Russ.)

Балтийско-Скандинавский макрорегион (БСМ) – один из важных европейских составляющих с политической и экономической точек зрения, который включает такие страны, как Германия, Дания, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Финляндия, Швеция и Эстония, а также Британия². Указанные страны после недавнего решения Финляндии и Швеции входят в состав НАТО [Плевако 2023а; 2023б]. Его несомненный лидер – Германия, ведущее государство ЕС. Однако в последние годы заметное влияние на политику и экономику Евросоюза и Европы в целом оказывают такие страны, как Польша, страны Балтии, Финляндия и Швеция. Их представители занимают все более важные посты в таких институтах ЕС, как Европейский совет, Еврокомиссия (ЕК), Европарламент (ЕП), европартии. Отметим, что только в Германии и Латвии влиятельные политические силы достаточно откровенно поддерживают Россию. Содействие оказывают партии:

- «Альтернатива для Германии» (АдГ), представленная в Бундестаге с 2017 г. и ЕП с 2014 г. [Белов 2023];
- «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (ССВ), созданная С. Вагенкнехт в 2024 г. [Белов 2024];
- «Согласие», входившая в Сейм с 2010 по 2022 гг. и в ЕП с 2014 г.;

² Учитывая, что Норвегия и Британия не входят в ЕС, эти страны в данном исследовании не рассматривались.

• «Русский союз Латвии», которая была представлена в Сейме с 1998 по 2010 гг. и в ЕП с 2004 г., но в последние годы утратил свое влияние и присутствие в национальном парламенте [Гуселетов 2023а].

Очевидно, что позиция Германии отличается от позиции Польши и стран Балтии, которые более яростно критикуют Россию в конфликте с Украиной. Однако в последнее время намечено сближение мнений [Dudzińska 2023].

Д. Туск (бывший премьер-министр Польши и один из основателей и лидеров польской партии «Гражданская платформа» – члена Европейской народной партии (ЕНП)) был первым Председателем Европейского совета, который представлял восточно-европейскую страну-член ЕС³. Его руководство совпало с началом так называемого украинского кризиса, вызванного присоединением Крыма к России. Д. Туск выступил активным сторонником защиты фундаментальных ценностей ЕС – «свободы и единства» от внутренних от внешних угроз. К внутренним угрозам он отнес «евроскептиков, ставящих под сомнение ценность ЕС», а к внешним – Россию. Более того, Д. Туск отметил, что Европа должна «обезопасить свои границы» и поддержать «тех ее соседей, кто разделяет наши ценности», имея в виду Украину. Он также пообещал укрепить отношения Европы с США и назвал трансатлантическое партнерство «становым хребтом сообщества демократий» [Hagemann 2020].

С 01.12.2019 по 01.06.2022 Д. Туск возглавлял ведущую европартию ЕНП. Под его руководством партия выиграла европейские выборы в 2019 г.⁴ На указанном посту он продолжил борьбу с противниками евроинтеграции и поддержал на парламентских выборах в Венгрии оппозиционного лидера П. Марки-Зая, несмотря на представительство партии «Фидес» (действующего премьер-министра В. Орбана) в ЕНП до марта 2021 г.⁵ В то же время в Польше партия Д. Туска до осени 2023 г. пребывала в оппозиции, а сам он находился под жестким давлением со стороны руководства правящей евроскептической партии «Право и Справедливость» Я. Качинского.

По результатам выборов депутатов Европарламента 2019 г. доминирующее положение традиционно занимали представители Германии, которые получили 3 поста вице-президентов ЕП, 6 мест руководителей комитетов ЕП и 3 должности руководителей или соруководителей парламентских групп (ЕНП – М. Вебер; Зеленые–Европейский свободный альянс (З–ЕСА) – С. Келлер; Объединенные европейские левые–Левые зеленые Севера (ОЕЛ–ЛЗС) – М. Ширдеван). Одновременно ряд управленческих постов в ЕП заняли представители других стран, входящих в БСМ. Таким образом, вице-президентами ЕП стали Е. Копач (Польша), Р. Зиле (Латвия) и Х. Хаутала (Финляндия). Кроме того, Комитет ЕП по развитию возглавил Т. Тобе (Швеция), а Комитет по правам женщин – Р. Бедронь (Польша). Соруководителем группы «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР) стал Р. Легутко (Польша) [Mudde 2019].

В состав Еврокомиссии по итогам указанных выборов вошли представители БСМ, которые также заняли ряд важных позиций. Председателем ЕК стала У. фон дер Ляйен (Германия); одним из трех исполнительных вице-председателей, отвечающим за вопросы конкуренции и цифровизации, – М. Вестагер (Дания); вице-председателем по финансовым

³ New EU leader Donald Tusk makes tough unity pledge. 01.12.2023. (<https://www.bbc.com/news/world-europe-30275263>).

⁴ De La Baume M. Donald Tusk elected president of European People's Party. 20.11.2019. (<https://www.politico.eu/article/donald-tusk-elected-president-of-european-peoples-party>).

⁵ The president of the European People's Party sided with Péter Márki-Zay. 02.12.2021. (<https://www.world-today-news.com/the-president-of-the-european-peoples-party-sided-with-peter-marki-zay>).

услугам – В. Домбровскис (Латвия). Посты еврокомиссаров, заняли: К. Симсон (Эстония) – по вопросам энергетики; Ю. Урпилайнен (Финляндия) – международное сотрудничество; Я. Войцеховский (Польша) – сельское хозяйство; И. Йоханссон – внутренние дела; В. Синкявичус (Литва) – охрана окружающей среды и океанов [Blockmans 2020].

Европарламент и Еврокомиссия заняли в отношении России очень жесткую позицию после начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. Они стали инициаторами целой серии санкций, в том числе из-за активной позиции представителей БСМ [Bismuth 2023]. Еврокомиссар К. Симсон заявила, что «поддерживает введение санкций ЕС против российского природного газа»⁶, а евродепутат Р. Легутко настаивал на поддержке Украины и противодействии России⁷.

Итоги выборов в ЕП в странах БСМ в 2024 г.

6–9 июня 2024 г. в 27-ми государствах – членах ЕС прошли очередные X выборы 720-ти депутатов ЕП (ДЕП). В них приняли участие представители десяти официально зарегистрированных европартий, и пяти – не имеющих такой регистрации. Среди общеевропейских политических партий необходимо выделить еврооптимистов, которые поддерживают дальнейшее развитие и укрепление Евросоюза. В них входят шесть официально зарегистрированных партий (Европейская народная партия (ЕНП); Партия европейских социалистов (ПЕС); Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ); Европейская демократическая партия (ЕДП); Европейская партия зеленых (ЕПЗ); Европейский свободный альянс (ЕСА), а также две партии без официальной регистрации (Вольт Европа; Движение за демократию в Европе 2025 (ДДЕ 2025)). Евроскептики, которые критически относятся к Евросоюзу как политическому и экономическому интеграционному образованию, включают четыре официально зарегистрированные партии: Альянс европейских консерваторов и реформистов (АЕКР); Идентичность и Демократия (ИиД); Партия европейских левых (ПЕЛ); Европейское христианско-политическое движение (ЕХПД), а также одну партию без официальной регистрации (Европейская пиратская партия (ЕПП) [Гуселетов 2022]. Стоит отметить, что пять европартий (ЕНП, АЛДЕ, ЕПЗ, Вольт, ППЕ) выдвинули представителей Германии в качестве ведущих кандидатов.

Из указанных партий более или менее позитивную позицию в отношении России занимала европартия ИиД, основными партиями-членами которой стали Национальное объединение – М. Ле Пен (Франция); Лига – М. Сальвини (Италия) и представители Альтернативы для Германии (АдГ). Незадолго до выборов руководство группы ИиД в ЕП приняло решение исключить из своего состава депутатов от АдГ в связи с высказыванием лидера партии М. Кра, которое оправдывало германских нацистов⁸. Итоги выборов в странах БСМ и их сравнение с результатами выборов 2019 г. представлены в табл. 1.

Страны БСМ укрепили свои позиции (см. рис. 1) в ведущей парламентской группе ЕП – ЕНП, которая играет ключевую роль в распределении руководящих постов и опре-

⁶ The European Commission has called for the imposition of sanctions against Russian gas. 11.09.2024. (<https://www.oreanda-news.com/en/gosudarstvo/the-european-commission-has-called-for-the-imposition-of-sanctions-against/article1528362>).

⁷ Legutko: The ECR will stand by Ukraine until Russia is defeated and beyond. 09.02.2023. (https://ecrgroup.eu/article/legutko_the_ecr_will_stand_by_ukraine_until_russia_is_defeated_and_beyond).

⁸ Почему правая фракция Европарламента исключила из своего состава АдГ. За это решение проголосовали четыре европейские партии. RBC.ru. 15.09.2024. (<https://www.rbc.ru/politics/23/05/2024/664f5a839a79470bf05d0181>).

делении повестки дня, и не только за счет Германии (+2 ДЕП), но и благодаря Польше (+6 ДЕП), Эстонии (+2 ДЕП), Дании и Финляндии (по +1 ДЕП). В группах «Объединим Европу» (ОЕ) партии АЛДЕ и «Объединенные европейские левые–Левые зеленые Севера» (ОЕЛ–ЛЗС) партии ПЕЛ представительство стран – членов БСР не изменилось. Вместе с тем немецкая партия «Левые» (основная в группе) потеряла двух ДЕП из-за того, что партия «Союз Сары Вагенкнехт», открыто выступающая за восстановление сотрудничества с Россией, набрала 6,2% и получила шесть ДЕП⁹.

Таблица 1

Итоги выборов ДЕП 2024 г. в восьми странах БСМ

Table 1

Results of the MEPs 2024 elections in 8 countries of the BSM

Страна	ЕНП		ПЕС		АЛДЕ		ЕПЗ–ЕСА		Иид		ЕКР		ПЕЛ		Всего	
	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024
Германия	29	31	16	14	7	8	25	15	11	14	1	0	6	4	96	96
Дания	1	2	3	3	5	4	2	3	1	1	0	1	1	1	13	15
Латвия	2	2	2	1	1	1	1	1	1	0	2	3	0	0	8	9
Литва	4	3	2	2	2	2	2	1	0	1	1	2	0	0	11	11
Польша	17	23	3	3	0	1	0	0	0	3	26	20	0	0	46	53
Финляндия	3	4	2	2	3	3	2	2	2	0	0	1	1	3	13	15
Швеция	6	5	5	5	3	3	2	3	0	0	3	3	1	1	20	21
Эстония	0	2	2	2	3	2	0	0	1	0	0	1	0	0	6	7
Всего	62	72	35	32	24	24	34	25	16	19	33	31	9	9	193	227

Примечания. В 2019 г. 1 ДЕП от Германии остался независимым, а в 2024 г. – 10 ДЕП от Германии и 3 ДЕП от Польши. В 2024 г. группа Иид разделилась на «Патриоты за Европу» (ПЗЕ) и «Европа суверенных наций» (ЕСН). ДЕП от Дании и Латвии вошли в группу ПЗЕ, а ДЕП от Германии, Литвы и Польши в группу ЕСП.

Источник: Joannin P. (2024) *Nouveaux équilibres politiques en Europe à un an des élections européennes* // Fondation Robert Schuman. 15.09.2024 (<https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0673-nouveaux-equilibres-politiques-en-europe-a-un-an-des-elections-europeennes>).

Source: Joannin P. (2024) *Nouveaux équilibres politiques en Europe à un an des élections européennes* // Fondation Robert Schuman. 15.09.2024 (<https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0673-nouveaux-equilibres-politiques-en-europe-a-un-an-des-elections-europeennes>).

В группах «Социалисты и Демократы» (СиД, –3 ДЕП) партии ПЕС; «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР, –2 ДЕП) партии АЕКР; «Зеленые–Европейский свободный альянс» (З–ЕСА, –9 ДЕП) партий ЕПЗ и ЕСА представительство стран БСМ сократилось. Уменьшение произошло: в СиД – из-за ухудшения результатов немецких (–2 ДЕП) и латвийских (–1 ДЕП) социал-демократов; в З–ЕСА – из-за проигрыша немецких (–10 ДЕП), датских и шведских (по–1 ДЕП) зеленых; в ЕКР – из-за снижения резуль-

⁹ Сара Вагенкнехт встряхивает немецкую политику. 10.06.2024. (https://pikabu.ru/story/sara_vagenknecht_vstryakhivaet_nemetskuyu_politiku_11496524).

татов польских (–6 ДЕП) и датских, латвийских, литовских, финских и эстонских национал-консерваторов (по –1 ДЕП). Следует учесть, что кроме группы Сид остальные (в силу своей малочисленности) не оказывают особого влияния на политику ЕП.

После подведения итогов выборов начались переговоры между представителями всех групп с колеблющимися и независимыми ДЕП. Одним из ключевых игроков в этих переговорах стала партия «Фидес» венгерского премьера В. Орбана. Накануне выборов он заявил о готовности присоединиться к ЕКР, учитывая его хорошие отношения с руководством польской партии «Право и Справедливость» (ПиС). Против присоединения выступили «Шведские демократы» из-за антиукраинской позиции Орбана и угрожали выйти из партии. Лидер АЕКР Д. Мелони (Италия) отложила решение указанного вопроса до завершения евровыборов¹⁰. Переговоры Орбана и Мелони не привели к успеху, и Орбан предложил ряду партий-членов Иид создать в ЕП новую группу «Патриоты за Европу» (ПзЕ)¹¹. 30 июня 2024 г. был подписан Патриотический манифест для европейского будущего, основными положениями которого были: больше суверенитета странам – членам ЕС; ужесточение борьбы с нелегальной миграцией; пересмотр Зеленого пакета, к которому присоединилась Датская народная партия и Латвия на первом месте. В результате в ЕП была сформирована новая группа ПзЕ, которая состояла из 84 ДЕП и стала третьей по численности. Группа позиционировала себя как основная оппозиция альянсу еврооптимистов (ЕНП, ПАСД, ОЕ и 3–ЕСА), но в то же время заявила себя не настолько радикально евроскептической, как ее предшественница Иид.

Более того, АдГ предложила создать еще одну более радикальную оппозиционную группу «Европа суверенных наций» (ЕСН), в которую также вошли ДЕП из Польши, Литвы и других стран. Данная группа состоит из 25 ДЕП и относится к самой малочисленной в ЕП Х созыва¹². Ее сопредседатели – Р. Ауст (АдГ) и С. Тишка (Новая надежда, Польша). Партии, входящие в Европу суверенных наций, заявили о создании новой общеевропейской партии с аналогичным названием, председателем которой избран А. Селл (АдГ)¹³.

Широкое представительство стран – членов БСМ оказалось и в руководстве других парламентских групп. Лидером ведущей ЕНП вновь стал представитель Германии М. Вебер, а его заместителями – А. Халицкий (Польша) и Т. Тобе (Швеция)¹⁴. Заместителями руководителя Сид были избраны Г. Бишофф (Германия), Е. Хейлануомма (Финляндия) и Е. Фридзон (Швеция)¹⁵. Сопредседателем ЕКР стал Й. Брудзинский (Польша), а членами бюро – С. Тунккинен (Финляндия), А. Белан (Польша), В. Томашевски (Литва), Р. Зиле (Латвия), К. Шторм (Дания), Я. Мэдисон (Эстония)¹⁶. Заместителями председателя ОЕ были утверждены И. Иджабс (Латвия) и М. Леккегор (Дания)¹⁷. В 3–ЕСА одним из сопредседателей была избрана Т. Рейнте (Германия), а ее заместителями – бывший

¹⁰ Müller M. (2024) European Parliament seat projection (February 2024): EPP extends lead, far-right surge slowed down // Foederalist.eu. 29.02.2024. (<https://www.foederalist.eu/2024/02/ep-seat-projection-february-2024.html>).

¹¹ Hungary's Orban moves to form new EU parliament group. 30.06.2024. (<https://timesofindia.indiatimes.com/world/europe/hungarys-orban-moves-to-form-new-eu-parliament-group/articleshow/111379448.cms>).

¹² Germany's AfD and extremist allies set up second EU parliament far-right group. 11.07.2024. (<https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/11/germany-afd-extremist-allies-set-up-second-eu-parliament-far-right-group>).

¹³ Application for recognition as European political party. 26.08.2024. (https://appf.europa.eu/cmsdata/288207/Application%20letter_ESN_with%20arrival%20stamp_Redacted.pdf).

¹⁴ Presidency. (<https://www.eppgroup.eu/who-we-are/our-presidency>).

¹⁵ Our president & bureau. (<https://www.socialistsanddemocrats.eu/who-we-are/our-president-and-bureau/bureau>).

¹⁶ Who we are. (<https://ecrgroup.eu/ecr>).

¹⁷ Group structure. (<https://www.reneweuropegroup.eu/about-us/group-structure>).

гражданин России М. Лагодинский (Германия) и К. Петер-Хансен (Дания). В ОЕЛ–ЛЗС пост сопредседателя занял М. Ширдеван (Германия), а членами бюро стали Л. Андерссон (Финляндия), П. Клаузен (Дания), О. Демирель и С. Эвердинг (оба – Германия), Х. Гедин и Ю. Шёстедт (оба – Швеция)¹⁸. В ПзЕ одним из членом бюро был избран А. Вистисен (Дания)¹⁹.

Таким образом, представители БСМ заметно укрепили свои позиции в руководстве всех парламентских групп ЕП, причем в пяти они являются председателями (ЕНП) или сопредседателями (ЕКР, 3–ЕСА, ОЕЛ–ЛЗС, ЕСН). Помимо традиционно широкого представительства Германии на указанных постах все более заметную роль начинают играть и представители Дании, Польши и Швеции.

Наиболее заметное усиление роли и влияния стран – членов БСМ на деятельность ЕП связано с расширением их представительства в его руководстве. Они заняли пять из четырнадцати позиций вице-президентов ЕП: С. Верхейн (Германия, ЕНП), Е. Копач (Польша, ЕНП), К. Барли (Германия Сид), К. Шальдемсе (Дания, Сид) и Р. Зиле (Латвия, ЕКР)²⁰. Seriously расширилось представительство стран – членов БСМ в руководстве 20-ти комитетов и 4-х подкомитетов ЕП, которые играют ключевую роль в подготовке законопроектов и иных документов по соответствующим отраслям.

Председателем Комитета по иностранным делам остался Д. Маккалистер (Германия, ЕНП), а его вторым заместителем стал У. Паэт (Эстония, ОЕ). Председателем Подкомитета по безопасности и обороне была избрана М. А. Штрак-Циммерман (Германия, ОЕ), а ее четвертым заместителем – Р. Террас (Эстония, ЕНП). В Комитете по правам человека должность второго заместителя руководителя перешла к Л. Кохуту (Польша, ЕНП). Заместителями главы Комитета по развитию стали: первым – И. Лёвин (Швеция, 3–ЕСА), вторым – А. Аль-Сахлани (Швеция, ОЕ), третьим – Х. Бентель (Германия, ЕНП) и четвертым – Р. Бедронь (Польша, Сид). Комитет по внешней торговле возглавил Б. Ланге (Германия, Сид), а его третьим заместителем стала К. Карлсбро (Швеция, ОЕ). Заместителями председателя Комитета по бюджету были избраны: первым – М. Холмейер (Германия, ЕНП), третьим – Я. Левандовски (Польша, ЕНП). Пост председателя Комитета по бюджетному контролю достался Н. Хербст (Германия, ЕНП). Первым заместителем председателя Комитета по экономическим и валютным вопросам был избран Д. Безелагер (Германия, 3–ЕСА). Заместителями председателями Подкомитета по налоговым вопросам стали: первым – М. Петер-Хансен (Дания, 3–ЕСА), третьим – М. Форбер (Германия, ЕНП), четвертым – М. Экке (Германия (Сид)). Комитет по социальным вопросам возглавила Л. Андерсен (Финляндия, ОЕЛ–ЛЗС), а ее заместителями стали: первым – Й. Даниэльссон (Швеция, Сид), вторым – Я. Марчулайтис-Вальчак (Польша, ЕНП), третьим – К. Лангенсипен (Германия, 3–ЕСА). Главой Подкомитета по общественному здравоохранению был избран А. Ярубас (Польша, ЕНП), а его вторым заместителем – С. Боссе (Дания, ОЕ). Председателем Комитета по промышленности, исследованиям и энергетике был одобрен Б. Будка (Польша, ЕНП). Председателем Комитета по внутреннему рынку и защите прав потребителей была избрана А. Каваццини (Германия, 3–ЕСА), а ее заместителями стали: первым – К. Долешаль (Германия, ЕНП), четвертым – К. Гасюк-Пихович (Польша, ЕНП). Первым заместителем главы Комитета по транспорту и туризму назначен бывший евро-

¹⁸ Bureau. (<https://left.eu/bureau>).

¹⁹ Patriots for Europe become the third largest group in the European Parliament. 08.07.2024. (<https://agenparl.eu/2024/07/08/patriots-for-europe-become-the-third-largest-group-in-the-european-parliament>).

²⁰ Parliament's new Bureau elected. 10.07.2024. (<https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240710IPR22814/parliament-s-new-bureau-elected>).

комиссар В. Синкявичус (Литва, 3–ЕСА). Вторым заместителем председателя Комитета по сельскому хозяйству и развитию сельских районов был избран Н. Линс (Германия, ЕНП). В Комитете по рыболовству четвертым заместителем стала Д. Польфьерд (Швеция, ЕНП). Главой Комитета по культуре и образованию избрана Н. Риль (Германия, 3–ЕСА). Первым заместителем председателя Комитета по правовым вопросам стала М. Уолсманн (Германия, ЕНП). Комитет по конституционным вопросам возглавил С. Симон (Германия, ЕНП), а его первым заместителем стала Г. Бишофф (Германия, Сид). Первым заместителем председателя Комитета по правам женщин и гендерному равенству был одобрен Д. Жалимас (Литва). Пост главы комитета по петициям перешел к Б. Ржонке (Польша), а его третьим заместителем стал Н. Ушаков (Латвия).

Следовательно, страны – члены БСМ представляют 10 из 24-х руководителей комитетов и подкомитетов: 7 – Германия, 2 – Польша и 1 – Финляндия. Из 96-ти постов заместителей этих председателей: 10 – первых заместителей (5 – Германия, по 2 – Литва и Швеция, 1 – Дания); 6 – вторых заместителей (2 – Польша и по 1 – Германия, Дания, Швеция, Эстония); 6 – третьих заместителей (3 – Германия и по 1 – Латвия, Польша, Швеция); 5 – четвертых заместителей (2 – Польша и по 1 – Германия, Швеция, Эстония). В то же время 6 постов заместителей комитетов и подкомитетов остаются пока вакантными. Необходимо подчеркнуть, что они будут руководить комитетами по международным делам, по обороне и безопасности, внешней торговле, которые напрямую связаны с внешней политикой, что не сулит никакого ослабления сложившейся у ЕП антироссийской позиции²¹.

Окончательный состав ЕК будет сформирован в конце ноября–начале декабря 2024 г. Известно, что посты председателя ЕК и верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности (заместитель Председателя ЕК) заняли У. фон дер Ляйен (Германия, ЕНП) и К. Каллас (Эстония, АЛДЕ), соответственно. Таким образом, две женщины будут во многом определять позицию ЕС в отношении России, включая санкционную политику. У. фон дер Ляйен за прошедшие пять лет открыто продемонстрировала свою последовательную позицию по поддержке Украины и усилению давления на Россию²².

К. Каллас, будучи депутатом ЕП в период с 2014 по 2019 гг., была заместителем председателя делегации в Комитете по парламентскому сотрудничеству ЕС–Украина и занимала откровенно проукраинскую позицию. В 2018 г. она возглавила либеральную Партию реформ Эстонии, которая под ее руководством выиграла прошедшие в марте 2019 г. парламентские выборы в этой стране. Однако К. Каллас не смогла сформировать правительство, и ее партия вынуждена была уйти в оппозицию. В январе 2021 г. после правительственного кризиса Партия реформ вновь получила право сформировать правительство, и К. Каллас заняла пост премьер-министра Эстонии, который занимала до середины июля 2024 г. После начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. правительство Эстонии одним из первых в Европе оказало поддержку Украине, направив ей в конце февраля 2022 г. противотанковые ракеты. Вскоре Каллас обратилась к руководству ЕС с требованием ввести санкции в отношении России за признание Донецкой и Луганской народных республик. Эстония также приняла 124 000 украинских беженцев, из которых 77 000 остались в стране [Гуселетов 2023б]. Следовательно, ждать от нового руководства ЕК какого-либо ослабления давления на Россию не стоит.

²¹ Committee Chairs and Vice-Chairs elected. 23.07.2024. (<https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240722IPR22991/committee-chairs-and-vice-chairs-elected>).

²² Бавырин Д. В России опасно недооценивают Урсулу фон дер Ляйен. 09.03.2023. (<https://vz.ru/politics/2023/3/9/1202269.html>).

Другие представители стран – членов БСМ также могут занять посты в ЕК. По данным издания POLITICO Europe, исполнительный вице-председатель ЕК, отвечающий за вопросы торговли, В. Домбровскис (Латвия, АЛДЕ) может занять должность еврокомиссара, отвечающего за экономику. Он считается активным сторонником Украины. Ожидается, что В. Домбровскис будет настаивать на предоставлении ей нового кредита в размере 50 млрд евро²³.

Д. Йоргенсен (Дания, ПЕС), который возглавлял датское министерство, отвечающее за сотрудничество в целях развития и глобальную климатическую политику, станет еврокомиссаром по энергетике и жилищному строительству. В сентябре 2023 г. Йоргенсен на Генеральной Ассамблее ООН подтвердил поддержку «всех значимых усилий по прекращению агрессии России против Украины», включая Формулу мира президента Украины В. Зеленского²⁴.

А. Кубилюс (Литва, ЕНП), бывший депутат ЕП (2019–2024) и премьер-министр Литвы (1999–2000 и 2008–2012), активно поддерживал Украину и предложил план, согласно которому западные страны будут выделять ей 0,25% ВВП. Он также призвал использовать все замороженные российские активы на восстановление Украины. А. Кубилюс должен занять пост еврокомиссара по безопасности, оборонной промышленности и космосу и уже выступил с инициативой выделить ей 100 млрд евро в следующем семилетнем бюджете ЕС, что составляет почти 10% расходов в бюджете Евросоюза²⁵.

П. Серафин (Польша, ЕНП), бывший посол Польши при ЕС (2023–2024) и глава кабинета Президента Европейского союза (2014–2020), скорее всего займет пост еврокомиссара по бюджету и государственному управлению. В вопросе отношений с Россией он, с большей долей вероятности, будет последовательным проводником политики Д. Туска, убежденного сторонника поддержки Украины и укрепления обороноспособности ЕС.

Х. Вирккунен (Финляндия, ЕНП), бывший депутат ЕП (2014–2019), может стать исполнительным заместителем председателя ЕК по технологическому суверенитету, безопасности и демократии, т.е. руководителем А. Кубилюса. Ранее она не занималась внешнеполитическими вопросами. Учитывая, что в последнее время Финляндия заняла жесткую антироссийскую позицию, вряд ли стоит ожидать от Вирккунен иной точки зрения в этом вопросе.

Д. Розуолл (Швеция, ЕНП), бывший министр по делам Европейского союза и сотрудничеству стран Северной Европы (2022–2024), должна будет занять пост еврокомиссара по вопросам окружающей среды²⁶.

Выводы

Анализ деятельности представителей стран – членов БСМ в органах исполнительной и представительной власти Евросоюза в период с 2019 по 2024 гг. показал, что произошло заметное усиление их влияния на политику ЕС в отношении России в условиях украин-

²³ Sorigi G., Faggionato G. Veteran Dombrovskis as EU economy boss will reassure Germany. 17.09.2024. (<https://www.politico.eu/article/latvian-veteran-valdis-dombrovskis-eu-economy-commissioner-germany-spending-rules>).

²⁴ Denmark. His Excellency Dan Jørgensen Minister for Development Cooperation and Global Climate Policy. 21.09.2023. (<https://gadebate.un.org/en/78/denmark>).

²⁵ Barigazzi J. Lau S. Defense commissioner nominee floats turning EU into war-weapons storehouse to deter Putin. 25.09.2024. (<https://www.politico.eu/article/the-eu-mulls-becoming-a-storehouse-of-weapons-of-war-says-defense-commissioner-nominee>).

²⁶ The great Commission puzzle: Who we think will get each portfolio. 09.09.2024. (<https://www.politico.eu/article/great-commission-eu-council-parliament-ursula-von-der-leyen/>).

ского кризиса. Особое воздействие оказывали представители Германии, которые возглавляли Еврокомиссию (У. фон дер Ляйен), входили в руководство Европарламента и отвечали за выработку международной политики, а также руководили ведущей парламентской группой Европейской народной партии (М. Вебер). Более того, в эти годы заметно возросла роль представителей Польши и стран Балтии, представители которых заняли три поста вице-спикеров ЕП, а еврокомиссар К. Симсон (Эстония) была одним из активнейших сторонников усиления санкционного давления на Россию. В то же время влияние пророссийских политических сил в Латвии, которые долгие годы были представлены в Сейме, резко сократилось, в том числе и на европейском уровне.

По результатам выборов в Европарламент 2024 г. указанные тенденции заметно усилились. В новом составе ЕП представители БСМ возглавляют 5 из 8-ми парламентских групп, причем и проевропейских (ЕНП и 3–ЕСА), и евроскептических (ЕКР, ОЕЗ–ЛЗС и ЕСН). Они заняли 5 из 14-ти постов вице-президентов ЕП, а также возглавляют 10 из 24-х его комитетов и подкомитетов, включая те, которые определяют внешнюю политику: по международным делам, по обороне и безопасности, по внешней торговле. Следовательно, не стоит ожидать какого-либо ослабления антироссийской позиции ЕП.

Представители БСМ – глава ЕК У. фон дер Ляйен (Германия) и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и вопросам безопасности К. Каллас (Эстония) явно ужесточают позиции по российскому вопросу. Вполне вероятно, что в ЕК усилится положение представителей БСМ, которые смогут занять важные посты по вопросам: технологического суверенитета, безопасности и демократии (Х. Вирккунен, Финляндия); безопасности, оборонной промышленности и космосу (А. Кубилюс, Литва); бюджета и государственного управления (П. Серафин, Польша).

Вместе с тем, настроенная на разумное сотрудничество с Россией парламентская группа «Патриоты за Европу», в которой ведущие роли играют партии «Фидес» (Венгрия), «Национальное объединение» (Франция) и «Лига» (Италия), а также группа «Европа суверенных наций», основу которой составляют депутаты от партии «Альтернатива для Германии», были отстранены от распределения руководящих постов в ЕП и не имеют реальных возможностей оказывать влияние на формирование и практическую политику ЕС на российском направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белов В.Б. (2023) Фрагментация немецкого партийно-политического ландшафта // Доклады Института Европы. № 408. http://dx.doi.org/10.15211/report22024_408. EDN: YBCECS
- Belov V.B. (2023) Fragmentation of the German party and political scenario. *Reports of the Institute of Europe*, no. 408, pp. 14–29. http://dx.doi.org/10.15211/report22024_408, EDN: YBCECS (In Russ.)
- Белов В.Б. (2024) Выборы в Саксонии и Тюрингии – проверка устойчивости партийно-политической системы Германии. *Аналитические записки Института Европы РАН*. Выпуск 3. № 19(351). С. 27–34. <http://doi.org/10.15211/analytics31920242734>, EDN: ULQQPO
- Belov V.B. (2024) Elections in Saxony and Thuringia – testing the sustainability of the Germany's party-political system. *Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. no. 19(351). Issue 3. Pp. 27–34. <http://doi.org/10.15211/analytics31920242734>, EDN: ULQQPO (In Russ.)
- Гуселетов Б.П. (2023а) Русские партии Латвии потеряли поддержку местных избирателей: причины и последствия (к итогам латвийских парламентских выборов 2022 г.). *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2023. № 1. С. 91–106. <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2023-1-91-106>

Guseletov B.P. (2023a) Russian parties of Latvia have lost the support of local voters. Causes and consequences (to the results of the Latvian parliamentary elections in 2022). *RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*. no. 1, pp. 91–106, <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2023-1-91-106> (In Russ.)

Гуселетов Б.П. (2023б) Парламентские выборы в Эстонии: победа либералов и поражение консерваторов // *PolitBook*. № 3. С. 180–194.

Guseletov B.P. (2023b) Estonian parliamentary elections: liberal victory and conservative defeat. *PolitBook*. no. 3. Pp. 180–194. (In Russ.)

Гуселетов Б. П. (2022) Общеευропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М.: Институт Европы РАН. 196 с. https://doi.org/10.15211/report22022_388, EDN: JMTRKQ

Guseletov B. P. (2022) *Obsheevropejskie partii v XXI veke: stanovlenie, razvitiie, perspektivy* [European parties in the XXI century: formation, development, prospects]. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 196 p. https://doi.org/10.15211/report22022_388, EDN: JMTRKQ (In Russ.)

Плевако Н.С. (2023а) Парламентские выборы 2023 г. в Финляндии // Аналитические записки Института Европы РАН. Выпуск 2. № 9(306). С. 18–24. <http://doi.org/10.15211/analytics2920231824>, EDN: TDCCFB

Plevako N.S. (2023a) Parliamentary elections 2023 in Finland. *Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. no. 9(306). Issue 2. Pp. 18–24. <http://doi.org/10.15211/analytics2920231824>, EDN: TDCCFB (In Russ.)

Плевако Н.С. (2023б) Проблемы вступления Швеции в НАТО // Аналитические записки Института Европы РАН. Выпуск 1. № 1(298). С. 5–10. <http://doi.org/10.15211/analytics1120230510>, EDN: PSNRYC.

Plevako N.S. (2023b) Problems of Sweden's accession to NATO. *Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. no. 1(298). Issue 1. Pp. 5–10. <http://doi.org/10.15211/analytics1120230510>, EDN: PSNRYC (In Russ.)

Bismuth R. (2023) The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law // *Groupe d'études géopolitiques*. no. 5. 15.09.2024. (<https://geopolitique.eu/en/articles/the-new-frontiers-of-european-sanctions-and-the-grey-areas-of-international-law/>).

Blockmans S. (2020) Why the EU needs a geopolitical Commission // *Centre for European Policy Studies*. 15.09.2024. (<https://www.ceps.eu/why-the-eu-needs-a-geopolitical-commission/>).

Dudzińska K. Baltic States and Germany Tighten Relations in the Context of Zeitenwende // *The Polish Institute of International Affairs*. 15.09.2024. (<https://pism.pl/publications/baltic-states-and-germany-tighten-relations-in-the-context-of-zeitenwende>).

Joannin P. (2024) Nouveaux équilibres politiques en Europe à un an des élections européennes // *Fondation Robert Schuman*. 15.09.2024. (<https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0673-nouveaux-equilibres-politiques-en-europe-a-un-an-des-elections-europeennes>).

Hagemann S. (2020) Politics and Diplomacy: Lessons from Donald Tusk's Time as President of the European Council // *European Journal of International Law*. Vol. 31. Issue 3. Pp. 1105–1112. <https://doi.org/10.1093/ejil/chaa079>

Mudde C. (2019) The 2019 EU Elections: Moving the Center // *Journal of Democracy*. Vol. 30. Issue 4. Pp. 20–34. <https://doi.org/10.1353/jod.2019.0066>

Информация об авторе

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований, Институт Европы РАН. Адрес: 125993, Россия, Москва, ул. Моховая, 11/3. E-mail: bguseletov@mail.ru

About the author

Boris P. Guseletov, Doctor of Sciences (Political Sciences), Chief Research Fellow at the Department of Social and Political Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: Mokhovaya St., 11/3, Moscow, 125993, Russia. E-mail: bguseletov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.09.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 30.09.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 341.24

DOI: 10.31857/S0869049924050036
EDN: JUVHOM

Оригинальная статья / Original article

Ахиллесова пята ЕС: инициатива по трансграничному углеродному налогу

© С.А. РОГИНКО

Рогинко Сергей Анатольевич, Институт Европы РАН (Москва, Россия), Финансовый Университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), roginko@bk.ru. ORCID: 0000- 0003-2094-9259

Проведен системный анализ вопросов уязвимости инициативы ЕС по трансграничному углеродному налогу (СВАМ). Выявлена связь между СВАМ и Европейской системой торговли выбросами, включая схему распределения бесплатных разрешений. Показана роль СВАМ как нового источника доходов ЕС, меняющего баланс сил между Еврокомиссией и странами – членами ЕС. Сформулированы вывод о влиянии этих доходов на характер действий ЕС в мировом сообществе и рекомендации относительно контрмер по результативному противодействию инициативе ЕС СВАМ, в том числе включению этого вопроса в повестку БРИКС.

Ключевые слова: Европейский зеленый курс, Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС (СВАМ), Европейская система торговли выбросами (EU ETS), выбросы парниковых газов, Европейские разрешения на выбросы (EUA), БРИКС, группа BASIC, Парижское соглашение, РКИК ООН, углеродный след, утечка углерода

Цитирование: Рогинко С.А. (2024) Ахиллесова пята ЕС: инициатива по трансграничному углеродному налогу //Общественные науки и современность. № 5. С. 34–44. DOI: 10.31857/S0869049924050036, EDN: JUVHOM

Achilles' Heel of the EU: the Initiative on a Cross-border Carbon Tax

© S. ROGINKO

Sergey A. Roginko, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), roginko@bk.ru. ORCID: 0000- 0003-2094-9259

Abstract. A systemic analysis of the vulnerability of the EU initiative on a cross-border carbon tax (CBAT) is conducted. The connection between CBAT and the European Emissions Trading System, including the scheme for the distribution of free permits, is revealed. The role of CBAM as a new source of EU revenue, changing the balance of power between the European Commission and EU member states, is shown. A conclusion is formulated on the impact of these revenues on the nature of the EU's behavior in the global community and recommendations are made on countermeasures to effectively counter the EU initiative CBAT, including the inclusion of this issue in the BRICS agenda.

Keywords: European Green Course, EU CBAM (Carbon Border Adjustment Mechanism), European Emissions Trading System (EU ETS), greenhouse gas emissions, European Emission Allowances (EUA), BRICS, BASIC Group, Paris Agreement, UNFCCC, carbon footprint, carbon leakage

Citation: Roginko S.A. (2024) Achilles' Heel of the EU: the Initiative on a Cross-border Carbon Tax. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 34–44. DOI: 10.31857/S0869049924050036, EDN: JUVNHOM (In Russ.)

1 октября 2023 г. случилось то, чего опасались экспортеры многих стран за пределами ЕС: начал действовать так называемый Пограничный корректирующий углеродный механизм Евросоюза (EU CBAM – Carbon Border Adjustment Mechanism). Речь идет о введении под климатическим предлогом пограничного углеродного налога, который отразится на экспорте продукции первого и второго переделов (черная металлургия, цементная и алюминиевая промышленность, минеральные удобрения, водород) [Damsté, Banks 2024]. Ставка налога принята на уровне цен на Европейские разрешения на выбросы парниковых газов (EUA); тем самым своей внутренней цене на углерод ЕС в одностороннем порядке навязывает экстерриториальный статус.

В 2026 г. намечено расширить список налогооблагаемых товаров; под риск попадают нефть, СПГ, медь и другие цветные металлы, продукция основной химии и нефтехимии, бумага и целлюлоза; по данным экспертов Всемирного Экономического Форума, Европарламент обозначил намерение включить в 2026 г. в СВАМ пластмассы, продукцию химической промышленности, а к 2030 г. всех секторов, охваченных Европейской системой торговли выбросами – EU ETS [Monkelbaan, Figures, 2022]. В настоящее время проходит пилотная фаза СВАМ, в рамках которой от поставщиков требуют ежеквартальную отчетность по углеродному следу поставляемой в ЕС продукции. Дата введения собственно налога – 1 января 2026 г.

С точки зрения экономики эта инициатива ЕС представляет собой масштабную угрозу не только для экспортных отраслей стран БРИКС и Глобального Юга – недовольство в той или иной мере проявляют и Соединенные Штаты, и Япония, и Южная Корея, и ряд других стран. И это неудивительно: геополитически СВАМ – уникальный прецедент правового нигилизма, подрывающий основы мирового порядка, имея в виду как правила торговли, зафиксированные в нормах ВТО, так и глобальные усилия в области климата, регулируемые положениями РКИК ООН и Парижского соглашения. Нельзя сказать, что в ЕС совсем не понимали, на какие риски идут, вводя меру, которая бьет все рекорды непопулярности в мировом сообществе. Однако, судя по всему, у Евросоюза просто не было выбора.

Аттракцион неслышанной щедрости

Впервые в качестве своего официального курса ЕС презентовал CBAM в декабре 2019 г. в составе «Европейского зеленого курса» (European Green Deal), в соответствии с которым предусматривалась возможность введения «пограничного корректирующего углеродного механизма». «Европейский зеленый курс» поставил новую амбициозную цель по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 г. Вместо первоначально объявленных по линии Парижского соглашения обязательств (NDC – Nationally Determined Contribution) снизить выбросы на 40% по отношению к 1990 г. Евросоюз наметил их уменьшение на 55%.

Нельзя не отметить неординарную сложность поставленной задачи, особенно если учесть, что к 2020 г. сокращение выбросов в ЕС по линии Киотского протокола составило 24%, причем в зачет шли все результаты, достигнутые за 30 лет начиная с 1990 г. Иначе говоря, среднее ежегодное снижение эмиссии не превышало 0,8% в год; новые цели требуют дополнительно сократить выбросы на 31% за 10 лет – в среднем 3,1% в год. Темпы сокращения планируют повысить почти в 4 раза, хотя за предыдущий период практически исчерпан потенциал так называемых *low hanging fruit* – мер, обеспечивающих наибольший эффект и наиболее доступных по цене.

Остается один путь – заставить промышленность идти на более дорогостоящие решения; способ для этого известен: повысить цену на углерод, в данном случае – на EUA в рамках Европейской системы торговли выбросами (EU ETS), которая охватывает промышленность и энергетику стран ЕС. С этой задачей ЕС в последние годы справляется успешно, разогнав цену с 25 евро/т. CO₂ в 2020 г. до 86 евро в 2023 г. В 2024 и 2025 гг. ожидается повышение цены на EUA, соответственно, до 96 и 104 евро/т. CO₂¹, а после 2026 г., по прогнозу исследовательского центра Kleinman Center for Energy Policy, она может вырасти до 163 евро/т. CO₂ [Ambec 2024].

Вряд ли можно предъявить претензии к подобному курсу ЕС: он вполне соответствует заложенному в РКИК ООН и Парижское соглашение принципу общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей (CBDR-RC, от англ. – Common but Differentiated Responsibility and Respective Capabilities). В соответствии с ним каждая сторона вправе определять состав климатических мер в зависимости от своей внутренней социально-экономической ситуации. Однако внедрение (и рост) цены на углерод вызывает нежелательные последствия: растут издержки производителей и, соответственно, падает конкурентоспособность продукции.

Средство от этой опасности промышленники Евросоюза изобрели давно – это бесплатные разрешения (EUA), мера поддержки промышленного сектора, столкнувшегося с необходимостью платить за выбросы CO₂ в рамках ETS. Масштаб бесплатного распределения квот впечатляет: оно распространяется на 95% промышленных выбросов в ЕС (и это при том, что по умолчанию методом распределения EUA считается продажа с аукциона)².

Бонусы от бесплатных разрешений не исчерпываются хеджированием рисков углеродных платежей в рамках ETS; многие компании сумели заработать на продаже этих раз-

¹ Forecast average carbon permit prices under the European Union Emissions Trading System (EU-ETS) from 2023 to 2025, by trading system © Statista 2024. (<https://www.statista.com/statistics/1401657/forecast-average-carbon-price-eu-emissions-trading-system/>).

² Tamellini L. Polluting for free during a climate crisis: Update of the EU ETS free allocation rules. Carbon Market Watch, December 22, 2023. (<https://carbonmarketwatch.org/2023/12/22/polluting-for-free-during-a-climate-crisis-update-of-the-eu-ets-free-allocation-rules/>).

решений. Вплоть до 2016 г. промышленные компании неизменно получали больше бесплатных квот, чем их подтвержденные выбросы, и даже в 2020, 2021 и 2022 гг. бесплатные квоты покрывали соответственно 104,5, 89,5 и 94,7% выбросов парниковых газов³. Продавая излишки квот, только в период с 2008 по 2019 г. промышленность ЕС получила доходы на углеродном рынке ЕС в размере 50 млрд евро⁴. Выдающихся результатов на этом рынке достигли сталелитейные компании: например, Arcelor Mittal за тот же период заработала 3,7 млрд евро⁵.

Разумеется, такое положение возмущало «зеленых» политиков и НПО, но до поры до времени атаки на свои интересы промышленники успешно отбивали, пользуясь редкой по эффективности аргументацией, а какой – будет показано ниже.

Неуловимая утечка углерода

Что такое утечка углерода (carbon leakage), нетрудно понять на примере действий ЕС в последние годы: это рост выбросов парниковых газов в одной стране, вызванный мерами или политикой другой страны. Например, отказ ЕС от российского трубопроводного газа и переход на СПГ с более высоким углеродным следом провоцирует дополнительные выбросы в странах-производителях СПГ и у перевозчиков. Другой пример: лихорадочная погоня ЕС за СПГ по всему миру вызвала небывалый рост цен на него, сделавший этот вид топлива недоступным для ряда небогатых стран Азии, которым пришлось перейти на уголь, увеличивая выбросы.

Посыл европейских промышленников, использовавших термин «утечка углерода», был несколько иным: Евросоюзу отводилась роль не виновника утечки, а, наоборот, главного борца с ней. Основной довод промышленного лобби – угроза перемещения предприятий в развивающиеся страны в случае роста издержек, вызванного ценами на углерод. Такой нехитрый шантаж возымел успех: политики ЕС решили, что отрасли промышленности подвержены риску утечки углерода, и предоставили им до 100% (и более) квот на выбросы CO₂ бесплатно.

Разумеется, не стоит упрощать картину: немалую роль сыграли амбиции ЕС, провозгласившего себя климатическим лидером. И амплуа борца с утечкой углерода вписывалось в эти амбиции в полной мере. Имела значение и сама схема бесплатных разрешений: она гармонично сочетала возможности чиновника – распределителя бесплатного ресурса, и получателя, продающего этот ресурс за немалые деньги. Именно поэтому схема бесплатных разрешений стала своего рода должжителем климатической политики ЕС.

Понятно, что эта схема не стимулировала промышленников к снижению выбросов, поскольку с новыми повышенными обязательствами «Европейского зеленого курса» она плохо совместима. Без масштабных сокращений промышленных выбросов в Еврокомиссии не усматривали возможности выполнить свои обязательства по Парижскому соглашению, тем более что ЕС именно на промышленность теперь делает особую ставку. По замыслу еврочиновников производственная сфера должна стать основным драйвером

³ Scott E., Tamellini L. Settling the bill: Who must pay for their emissions? Carbon Market Watch, December 7, 2023. (<https://carbonmarketwatch.org/2023/12/07/settling-the-bill-who-must-pay-for-their-emissions/>).

⁴ Ibid.

⁵ Tamellini L. Polluting for free during a climate crisis: Update of the EU ETS free allocation rules. Carbon Market Watch, December 22, 2023. (<https://carbonmarketwatch.org/2023/12/22/polluting-for-free-during-a-climate-crisis-update-of-the-eu-ets-free-allocation-rules/>).

процесса, в ней планируется сократить выбросы на 62% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г.⁶, а значит, неизбежна отмена бесплатных разрешений.

В итоге Брюссель оказался в цугцванге: отмена бесплатных разрешений грозила крахом промышленности, а их сохранение – провалом в выполнении обязательств по Парижскому соглашению и утратой репутации климатического лидера. Поэтому окончательный дизайн механизма, утвержденный Европейским советом, определял СВАМ, помимо прочего, как механизм замещения бесплатных разрешений [Bellora, Fontagné 2023]. В споре между реальной экономикой и климатической идеологией победу одержала последняя. Решение о постепенной отмене бесплатных разрешений принято, и в случае его выполнения бесплатные EUA будут окончательно выведены из практики ETS. Отказ от бесплатных EUA должен быть начат в 2026 г. и завершен к 2034 г. (табл. 1).

Таблица 1

**График снижения доли бесплатных EUA
в объеме выбросов промышленности ЕС в 2026–2034 гг., %**

Table 1

**Graph of the decline in the share of free EUA in various EU
industrial sectors in 2026–2034, %**

Год	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034
Доля	97,5	95,0	90,0	77,5	51,5	39,0	26,5	14,0	0,0

Источник: *European Parliament approves EU Emission Trading System reform and new EU Carbon Border Adjustment Mechanism. EY Global, 20 Apr 2023. https://www.ey.com/en_gl/technical/tax-alerts/european-parliament-approves-eu-emission-trading-system-reform-a*

Source: *European Parliament approves EU Emission Trading System reform and new EU Carbon Border Adjustment Mechanism. EY Global, 20 Apr 2023. https://www.ey.com/en_gl/technical/tax-alerts/european-parliament-approves-eu-emission-trading-system-reform-a*

Оставалось только придумать, что же делать с промышленностью и ее издержками, которые будут гарантированно расти. Разумеется, в реальной экономике существует ряд способов снизить промышленные выбросы, в частности, за счет масштабных централизованных инвестиций в низкоуглеродные технологии. Однако идеологи Евросоюза решили проблему падающей конкурентоспособности промышленности по-своему: они не придумали ничего лучше, чем переложить растущие издержки на конкурентов. Импортную продукцию обложили углеродным налогом в виде Пограничного корректирующего углеродного механизма ЕС (СВАМ) и уравнивали таким образом углеродную нагрузку предприятий ЕС и предприятий стран-экспортеров.

Чисто технически введение СВАМ и отказ от бесплатных разрешений Евросоюз преподносит как синхронизированные меры, темпы введения которых привязаны друг к другу: платежи в рамках СВАМ за импорт должны уменьшаться на ту долю, какую бесплатные разрешения составляют в общем объеме разрешений, используемых компаниями стран ЕС при производстве аналогичной продукции. Как показано в таблице 1, поэтапный отказ от

⁶ European Parliament approves EU Emission Trading System reform and new EU Carbon Border Adjustment Mechanism. EY Global, 20 Apr 2023. (https://www.ey.com/en_gl/tax-alerts/european-parliament-approves-eu-emission-trading-system-reform-a#:~:text=Free%20allowances%20under%20the%20EU,CBAM%20certificates%20will%20be%20required).

бесплатных разрешений сначала будет происходить медленно, а к концу периода ускорится; предполагается, что это будет напрямую соответствовать поэтапному внедрению СВАМ. В итоге в течение переходного периода СВАМ обещают применять только к той части выбросов, которые не подлежат бесплатному распределению в рамках EU ETS (рис. 1).

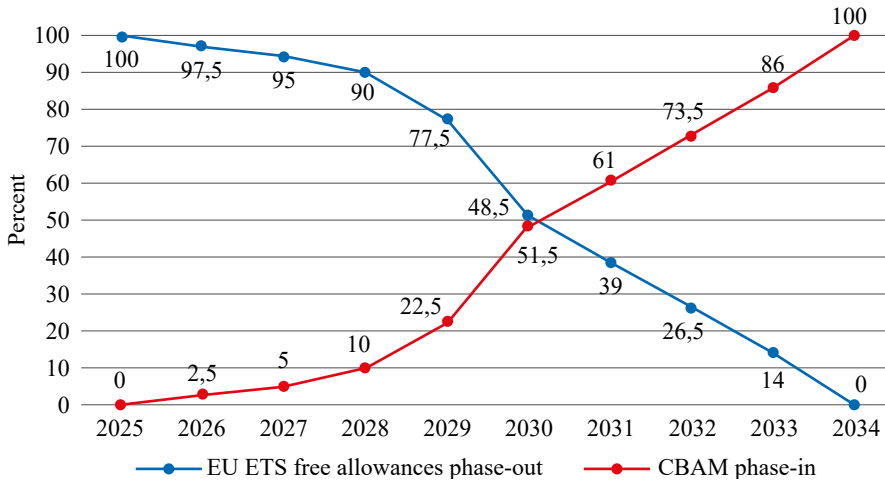

Рисунок 1. График вывода из оборота бесплатных EUA в системе EU ETS и введения налогообложения на импортную продукцию в механизме СВАМ в объеме выбросов промышленности ЕС в 2026–2034 гг., % (синяя линия – вывод из оборота бесплатных EUA; красная линия – введение налогообложения в механизме СВАМ)

Figure 1. Schedule for the withdrawal of free EUAs from the EU ETS and the introduction of taxation on imported products in the CBAM in the volume of EU industrial emissions in 2026–2034, %

Источник: *EU adopts landmark ETS reforms and new policies to meet 2030 target. International Carbon Action Partnership, May 03, 2023.* <https://icapcarbonaction.com/en/news/eu-adopts-landmark-ets-reforms-and-new-policies-meet-2030-target>

Source: *EU adopts landmark ETS reforms and new policies to meet 2030 target. International Carbon Action Partnership, May 03, 2023.* <https://icapcarbonaction.com/en/news/eu-adopts-landmark-ets-reforms-and-new-policies-meet-2030-target>

Можно, конечно, усомниться в возможности синхронизировать два механизма; ведь речь идет не только о стоимостных объемах исключаемых EAU и вводимых для взимания платежей в рамках СВАМ. Адекватной синхронизация может быть только при условии применения указанных механизмов к одним и тем же товарным группам. Если же, например, бесплатных EUA лишают цементную промышленность, а СВАМ вводят по отношению к производству стали, то говорить о равной нагрузке не приходится. В то же время точно отрегулировать нагрузку, распределив ее по товарным группам, будет сверхсложно, особенно в условиях волатильности рынков продукции, входящей в списки СВАМ. Тут необходимы навыки планирования и тонкой настройки большого количества управляющих контуров, в чем Евросоюз (если смотреть на его стиль управления в ситуации коронавируса и энергетического кризиса) не силен. Таким образом, не исключено, что синхронизация носит имитационный характер и рассчитана на то, чтобы создать у торговых партнеров ЕС иллюзию продуманности механизма ввода СВАМ и не допустить протестов по этому поводу.

Однако протесты обоснованы другими соображениями, а именно: СВAM нелегитимен как таковой в рамках действующих установлений международного права. Нормы ВТО не допускают дискриминации импорта по экологическим мотивам, а принцип CBRD⁷ исключает любое навязывание правил климатической политики суверенным государствам. Евросоюз пошел на прямое нарушение этих норм, но, понимая, что предъявить мировому сообществу такую меру, как СВAM без какого-либо связного объяснения невозможно, Брюссель выдвинул аргументацию, частью которой стали отказ от бесплатных EUA и его синхронизация с вводом СВAM. Тут даже руководство ЕС поняло, что сохранить бесплатные EUA для своих производителей и одновременно ввести углеродные платежи для зарубежных производителей не получится. Поэтому указанные меры были презентованы как средство борьбы с утечкой углерода.

Утечка углерода стала основой аргументации ЕС по введению СВAM для внешней аудитории, выступая уже в новой роли: из инструмента защиты промышленности от климатических новаций Брюсселя она превратилась в орудие навязывания миру углеродных платежей за импорт. Если раньше промышленники пугали Еврокомиссию переводом своих производств в страны «третьего мира», то сейчас Еврокомиссия наводит страх на другие страны, рисуя перспективу утечки углерода вследствие перевода европейских предприятий в другие страны.

Кстати, эти страны совсем не страшит подобная перспектива, скорее наоборот, и в последнее время это подтверждает ускоренная релокация мощностей ведущих корпораций ЕС за пределы Евросоюза. Правда, в списке адресатов фигурируют в основном Китай и США, чему есть ряд причин – от известного Закона США о снижении инфляции (Inflation Reduction Act) до превращения Европы в регион энергетической бедности вследствие специфики энергетической политики, проводимой ЕС в последние годы. Увеличение углеродных платежей в число этих причин пока не входит. Главное, эффект от утечки углерода никак нельзя признать негативным с точки зрения глобальных выбросов парниковых газов. Его, скорее, можно определить как нейтральный, поскольку перемещение производств из страны в страну приводит к увеличению локальных выбросов, но не глобальных (при сохранении технологий и оборудования их объемы не меняются в зависимости от локации), и это вызывает как минимум сомнения в чистоте намерений ЕС.

Оснований для подобных сомнений добавляет и опыт переноса предприятий энергоемких отраслей европейскими компаниями в прошлом начиная с 1970-х гг., что было вызвано соображениями экономии на рабочей силе и на природоохранных мероприятиях, к парниковым газам отношения не имеющим. Если учесть этот опыт, то уместно задать вопрос: а почему в Брюсселе настаивают на равенстве только углеродных издержек, а, скажем, не на равенстве зарплат или нормативов защиты окружающей среды от промышленных выбросов? Формально с точки зрения Целей устойчивого развития ООН у цели № 13 (борьба с изменением климата) нет никаких преимуществ по отношению к целям № 1, № 2 и № 8 (ликвидация нищеты и голода, достойная работа) и к набору чисто экологических целей (№ 6, № 14 и № 15). Почему-то Евросоюз не проявляет рвения в вопросе о равенстве зарплат персонала предприятий в ЕС и однопрофильных предприятий за его пределами, и это заставляет задуматься о дополнительных мотивах, о которых будет сказано ниже.

⁷ Принцип CBRD – это понятие «общей, но дифференцированной ответственности», которое используется в контексте изменения климата.

Аттракцион неслыханной жадности

Дополнительные мотивы лежат на поверхности и, как ни банально, сводятся к деньгам. Еврокомиссия твердо вознамерилась превратить СВМ в крупнейший источник своих доходов. Ожидаемый их объем – 80 млрд евро в год к 2040 г.⁸ Много это или мало, можно понять, сопоставив данную сумму с объемами других видов доходов ЕС, главные из которых – отчисления от валового национального дохода (ВНД) стран (GNI-based resource) и импортные пошлины на товары, ввозимые в ЕС. Отчисления от ВНД – крупнейшая доходная статья, формирующая около 70% бюджета ЕС (116 млрд евро в 2021 г.); доля пошлин от импорта составляет 13% (около 20 млрд евро)⁹.

Если приплюсовать доходы от СВМ к поступлениям от импортных пошлин (взимаемых также Евросоюзом), то структура доходов ЕС меняется радикально: доля доходов собственно ЕС становится примерно равной доле отчислений стран. Для Брюсселя появление нового источника доходов, сопоставимых со взносами стран, означает усиление независимости ЕС от правительств входящих в него государств. Еврокомиссия становится самостоятельным игроком с колоссальными доходами, которыми она сможет распоряжаться, влияя на политику и политических деятелей европейских государств. Особенно просто это проделать с многочисленными малыми странами ЕС, которыми Брюссель в открытую манипулирует, соблазняя мелкими подачками. Еврокомиссия оказывает давление и на крупные страны Старой Европы, купируя их попытки выйти за рамки определяемой Брюсселем линии. Когда же суммы распределяемых доходов возрастут на порядок, давление может пропорционально возрасти, и тогда вопрос о том, кто и кем в Евросоюзе управляет, встанет особенно остро.

Однако возможности, которые обеспечивает СВМ для ЕС, еще шире: безнаказанно введя на импортные товары новую (по сути) пошлину, Евросоюз получит шанс взять реванш по еще одной линии – таможенной. Известно, что ЕС (ЕЭС) изначально был создан как таможенный союз с понятным функционалом: развитие собственных отраслей экономики за частоколом заградительных пошлин. Смысл ЕС как таможенного союза обнулила в 1960–1990-е гг. серия глобальных торговых переговоров по линии ГАТТ–ВТО. Итогом этой серии – от «раунда Кеннеди» до Уругвайского раунда – стало радикальное снижение таможенных тарифов к началу нулевых годов, ударившее по доходам ЕС.

Растущим бюджетом Евросоюз может распорядиться и за своими пределами, формируя клиентулу среди стран Глобального Юга, конкурируя прежде всего с Китаем и Россией. Пока, по выражению отечественного политолога Т.В. Бордачева, «руководительница Еврокомиссии... представляет себя крупным геополитиком и непрерывно несет нелепицу о растущих глобальных амбициях ЕС»¹⁰. Однако колоссальные доходы могут изменить ситуацию, рост амбиций станет реальностью, и мир столкнется с новым Евросоюзом, на порядок более жестким и агрессивным. Не стоит забывать и о простых земных радостях:

⁸ EU Carbon Border Adjustment Mechanism to raise \$80B per year by 2040. S&P Global Commodity Insights, Feb. 24, 2023. (<https://www.spglobal.com/esg/insights/featured/special-editorial/eu-carbon-border-adjustment-mechanism-to-raise-80b-per-year-by-2040>).

⁹ Weigel C.P., Mengden A. Examining the EU Corporate Own Resources Proposal: Implications and Challenges. Tax Foundation, July 7, 2023. (<https://taxfoundation.org/blog/eu-own-resources-proposal/#:~:text=The%20GNI%2Dbased%20resource%20is,percent%20of%20the%20Union's%20budget>).

¹⁰ Бордачев Т. Может ли развалиться Евросоюз. Взгляд, 25 января 2024. (<https://vz.ru/opinions/2024/1/25/1250121.html>).

возможность распределять доходы таких размеров – приятный бонус для любого бюрократа (вспомним хотя бы историю У. фон дер Ляйен с закупкой вакцин от коронавируса). Очевидно, что в схеме СВМ коллективные и личные интересы ведущих деятелей Евросоюза сплелись в тугой узел, который распутать невозможно. Но, может быть, его удастся разрубить?

Ответ на этот вопрос можно найти в недавнем прошлом: нынешняя попытка использовать пограничный налог для ЕС – не первая. Впервые на аналогичную меру Евросоюз решился в 2012 г., выбрав в качестве объекта его применения гражданскую авиацию. Предполагалось с 2012 г. включить в EU ETS зарубежные авиакомпании, выполняющие рейсы в аэропорты стран ЕС. Финансовые условия схемы были сходны с СВМ: перевозчики должны были покупать Европейские разрешения на выбросы парниковых газов (EUA) за каждый полет, выполненный в европейский аэропорт, на основе существующих цен на EUA. Этот налог Евросоюз ввел в действие в одностороннем порядке, определив зарубежным авиакомпаниям лимиты выбросов в тоннах CO₂ на 2012 и 2013 гг. При этом протесты оппонентов игнорировались, а неготовность к диалогу превышала все цивилизованные нормы. Авиакомпании США, по своей национальной привычке надеясь на судебное разбирательство, не учли, что оно проходило в Европейском суде. Вердикт был предсказуем: суд признал за ЕС право вводить подобный сбор, проигнорировав положения Чикагской конвенции и правила ВТО.

Понадобились неординарные меры воздействия, чтобы заставить ЕС отказаться от уже введенного налога. В частности, Конгресс США принял закон, запрещающий американским авиакомпаниям платить ЕС за выбросы CO₂; прозвучали угрозы ограничить полеты европейских перевозчиков со стороны России и Индии. Решающий удар нанес Китай, заблокировав заказ на покупку большой партии самолетов у компании Airbus¹¹. В итоге вопрос об углеродных платежах за выбросы гражданской авиации был снят с повестки ЕС и передан в Международную организацию гражданской авиации (ИКАО), внедрившую систему углеродной торговли CORSIA, которая в настоящее время проходит пилотную фазу.

Некоторые выводы

Какие уроки следует извлечь из недавнего опыта? Их несколько.

1. Можно заставить Евросоюз отказаться от уже введенного пограничного углеродного налога, прецедент есть.
2. Сделать это цивилизованным путем, с опорой на нормы международного права или судебные процедуры, в европейской юрисдикции не удастся.
3. Отказ от углеродного налога возможен только под сильнейшим давлением ведущих мировых держав с использованием всех средств противодействия.

Следует учесть, что в 2021–2013 гг. Евросоюз пошел на нарушение норм цивилизованного международного диалога из-за частного вопроса – углеродного налогообложения одного конкретного сектора. По вопросу СВМ сопротивление ЕС будет значительно сильнее: на кону совсем другие ставки. Фактически СВМ превратился в ахиллесову пяту Евросоюза: отменив его, ЕС будет вынужден сохранить бесплатные EUA для промышленности, что ставит под угрозу выполнение обязательств по Парижскому соглашению. Учи-

¹¹ Бажан А.И., Рогинко С.А. Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС: статус, риски и возможный ответ // Аналитические записки Института Европы РАН. 2020. № 44. С. 2–3. (<https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/10122020-2>).

тывая, что климатическая повестка, по сути, – доминанта внутренней и внешней политики ЕС, расставание с привычной ролью «климатического лидера» для ЕС – беспрецедентный удар. Руководство Еврокомиссии оказалось на грани концептуального банкротства при сохранении всех рисков для экономики, стремительно теряющей конкурентоспособность.

Как с этой точки зрения оценить меры, предпринимаемые основными потенциальными донорами СВМ – Китаем, Индией, Бразилией и другими? Пока это такие, безусловно, важные действия, как публичная критика высшим руководством этих стран инициативы ЕС СВМ, демарши на международных площадках (ВТО и глобальные климатические переговоры по линии РКИК ООН и Парижского соглашения). К этим инициативам присоединяются и другие игроки: Саудовская Аравия, Казахстан, Аргентина, Парагвай, Уругвай, объединения BASIC и БРИКС. Все они однозначно определяют СВМ как дискриминационную меру, противоречащую правилам ВТО и соглашениям в рамках ООН.

Однако эти шаги, при всей их очевидной необходимости, вряд ли можно считать достаточными. На них не последовало никакой серьезной реакции со стороны ЕС, который по-прежнему уповает на борьбу с утечкой углерода. Более того, пример ЕС оказался заразительным: в декабре 2023 г. правительство Великобритании объявило о введении собственного СВМ в 2027 г. [Zhang, Winters 2024]. Адекватным ответом, как показывает опыт недавнего прошлого, могли бы быть скоординированные акции ряда стран, ставящие под угрозу экономическую безопасность ЕС. Площадок для такой координации не так уж много, и в качестве одной из самых перспективных можно рассматривать БРИКС, которая в своем расширенном составе включает экспортеров, уже включенных либо намеченных к включению в объединение. Постановка вопроса о СВМ в БРИКС может положить начало этой работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ambec S. (2024) Plugging Carbon Leaks with the European Union's New Policy. *Kleinman Center for Energy Policy*. August 26, 2024. (<https://kleinmanenergy.upenn.edu/research/publications/plugging-carbon-leaks-with-the-european-unions-new-policy/>).

Bellora C., Fontagné L. (2023) EU in search of a Carbon Border Adjustment Mechanism. *Energy Economics*, vol. 123, July 2023. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0140988323001718>).

Damsté C., Banks J. (2024) The EU Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM): Implications for supply chains. *PwC*, February 27, 2024. (<https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/esg-tax/cbam-supply-chain-imperatives.html>).

Monkelbaan J., Figures T. (2022) CBAM: What you need to know about the new EU decarbonization incentive. *The World Economic Forum*, Dec. 19, 2022. (<https://www.weforum.org/stories/2022/12/cbam-the-new-eu-decarbonization-incentive-and-what-you-need-to-know/>).

Zhang D., Winters L.A. (2024) The revenue potential of phasing out the free allowances received by UK CBAM sectors. *Center for Inclusive Trade Politics*, CITP, 12 April 2024. (<https://citp.ac.uk/publications/the-revenue-potential-of-phasing-out-the-free-allowances-received-by-uk-cbam-sectors>).

Информация об авторе

Рогинко Сергей Анатольевич, кандидат экономических наук, руководитель Центра окружающей среды и развития Института Европы РАН, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая улица, 11/3. E-mail: roginco@bk.ru

About the author

Sergey A. Roginko, Candidate of Sciences (Economics), Head, Environment & Development Center, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: Mokhovaya street, 11/3, Moscow, 125009, Russia. E-mail: roginco@bk.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 07.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.10.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 94(47)

DOI: 10.31857/S0869049924050046
EDN: JUTGKS

Оригинальная статья / Original article

Инструментализация прошлого в современной политике исторической памяти в Латвии

© М.В. КИРЧАНОВ

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), maksym_kyrchanoff@hotmail.com. ORCID: 0000-0003-3819-3103

Цель исследования – анализ инструментализации истории как элемента политической культуры, используемого для легитимации элит и консолидации идентичности. Новизна подхода связана с изучением актуального этапа в развитии исторической политики Латвии. Показано, что интеллектуальное сообщество Латвии вносит второстепенный вклад в трансформацию мемориальной культуры, основными же агентами исторической политики стали представители элит, чье утилитарное понимание прошлого стимулирует политически и идеологически мотивированное использование истории, которая интегрирована в пространство политической культуры и националистический дискурс.

Ключевые слова: Латвия, коллективная память, интеллектуалы, инструментализация истории, мемориальная культура, политика, войны памяти

Цитирование: Кирчанов М.В. (2024) Инструментализация прошлого в современной политике исторической памяти в Латвии // Общественные науки и современность. № 5. С. 45–59. DOI: 10.31857/S0869049924050046, EDN: JUTGKS

Instrumentalization of the Past in Modern Policy of Historical Memory in Latvia

© M. KIRCHANOFF

Maksym V. Kirchanoff, Voronezh State University (Voronezh, Russia), maksym_kirchanoff@hotmail.com.
ORCID: 0000-0003-3819-3103

Abstract. The aim of the study is to analyze the instrumentalization of history as an element of political culture used to legitimize elites and consolidate identity. The novelty of the approach is associated with the study of the current stage in the development of historical policy in Latvia. It is shown that the intellectual community of Latvia makes a secondary contribution to the transformation of memorial culture, while the main agents of historical policy have become representatives of the elites, whose utilitarian understanding of the past stimulates politically and ideologically motivated usage of history, which is integrated into the space of political culture and nationalistic discourse.

Keywords: Latvia, collective memory, intellectuals, instrumentalization of history, politics, memorial culture, memory wars

Citation: Kirchanov M.V. (2024) Instrumentalization of the Past in Modern Policy of Historical Memory in Latvia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 45–59. DOI: 10.31857/S0869049924050046, EDN: JUTGKS (In Russ.)

В современном мире история постепенно утрачивает функции исключительно академической науки, превращаясь в важный мобилизационный ресурс, активно используемый правящими элитами. Политически и идеологически мотивированное обращение к истории характерно для большинства современных обществ. Исследователи коллективной исторической памяти подчеркивают, что «с древних времен люди прибегали к памяти о прошлом для борьбы с разрушительным течением времени, подтверждая солидарность, основанную на общем происхождении; санкционируя власть; легитимируя стремление к построению нации на основе общего прошлого» [Florescano 2012, 21].

Подобные манипуляции фактами прошлого в научной литературе известны как историческая политика, мемориальная политика или политика памяти. Формы функционирования и развития исторической политики в современном мире различны, но, как правило, это периодическое или эпизодическое использование элитами и разного рода общественными и политическими активистами исторических фактов для решения тех или иных идеологических задач. Фактически речь идет об инструментализации истории, т.е. о ее политическом использовании [Landinez 2022, 31]. Не стала исключением из этой универсальной логики развития современных обществ и Латвийская Республика, которая восстановила свой государственный и политический суверенитет в начале 1990-х гг.

В центре внимания в данном случае – инструментализация истории в современной Латвии как универсальная стратегия решения политических проблем. Такая постановка вопроса предполагает изучение особенностей инструментализации истории политическими элитами; анализ тенденций институционализации исторической политики и ее интеграции в государственный механизм; выявление перспектив и возможных сценариев развития мемориальной культуры как формы исторической памяти, возникающей при активном участии элит в инструментализации истории.

Методология и историография

Методологически исследование основано на достижениях междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении исторической политики [MacMillan 2009]. Предполагается, что историческую политику следует воспринимать как форму многочисленных дискурсивных практик функционирования исторического знания в современном обществе. Вместе с тем тенденция инструментализации истории политическими элитами влечет за собой утрату суверенитета исторической наукой [MacMillan 2008], которая постепенно превращается в один из инструментов решения тех или иных идеологических задач.

Современная политика исторической коллективной памяти, конструируемая элитами и другими агентами мемориальной культуры, стала предметом исследования междисциплинарной историографии [Cubitt 2013], так как современный анализ тактик, практик и стратегий формирования представлений о прошлом невозможен только в рамках исторической науки. Предложено несколько интерпретационных моделей для объяснения как механизмов изменения исторической памяти, так и факторов, на нее влияющих.

Сейчас историческая политика направлена одновременно на достижение двух целей. Политику памяти активно используют для консолидации политической, гражданской, этнической и культурной идентичности, чтобы усилить нацию как воображаемое политическое сообщество [Neustadt, May 1988]. Манипуляции с фактами исторического прошлого имеют исключительно политическое и утилитарное значение: в обществе, где элиты активно проводят подобную политику, могут быть сформированы уникальные изобретенные традиции [Farrell-Banks 2022], связанные с использованием прошлого и исторического опыта в публичном пространстве.

Современные историки вынуждены не только признать наличие тенденций к политизации и идеологизации представлений о прошлом, но и констатировать кризис как исторической науки, так и того академического сообщества, к которому они принадлежат [Karner 2013], что стало следствием политизации и идеологизации исторического знания [Зверев 2020]. Растет понимание того, что историю как науку используют в большей мере не для изучения прошлого, но для оправдания политически и идеологически мотивированной ее эксплуатации [Olick 2016]. История меняет сферы и пространства своего бытования, выходя за рамки академических исследований, внедряясь в публичные практики и манипулятивные стратегии.

Примечательно, что подобные практики и стратегии реализуют не профессиональные историки, а агенты, свободные от ограничений академической этики, что фактически делает инструментализацию истории неизбежной [Chrostowska, Ingram 2017]. Политизацию и идеологизацию коллективных представлений о прошлом стимулируют кризисные тенденции в традициях как формирования, так и ретрансляции представлений о прошлом в современном обществе [Cohen 2009]. История, которая утрачивает академическое измерение, более не нуждается в относительно стабильных аналитических конструкциях. Современное общество потребления воспроизводит исторические нарративы, и «историческое» ассимилируется «нарративным», превращаясь в один из компонентов идентичности.

Не стала исключением из подобной логики и современная Латвийская Республика, политика правящих элит которой изобилует примерами политических манипуляций историй. Следствие этого – формирование уникальной исторической мемориальной культуры – изобретенной традиции, которую активно используют одновременно для актуализации, визуализации и консолидации латвийской политической и гражданской нации как воображаемого сообщества.

Одной из основ предпринятого исследования стали принципы, предложенные в рамках перформативного поворота в современной междисциплинарной историографии, потому что история – важная форма и стратегия самопозиционирования элит и формирования образа власти.

Историческая политика фактически представляет собой общественно санкционированные и относительно одобряемые попытки идеологически и политически мотивированной интерпретации истории [Barash 2016], что содействует формированию, консолидации и развитию идентичностей этнических наций и политических сообществ [Rieff 2017]. Историческая политика в этом случае выступает в роли инструмента, что позволяет исследователям констатировать тенденцию инструментализации истории, в рамках которой последняя постепенно утрачивает атрибуты академического знания, превращаясь в один из компонентов утилитарной политической культуры.

Историческая политика в современной Латвийской Республике

В последние десятилетия для исторической политики в Латвии был характерен целый ряд системных особенностей.

Во-первых, последовательно внедрялось представление о стране как жертве двух авторитарных режимов – советского и немецкого.

Во-вторых, политика памяти в Латвии, в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, не была институционализирована, и едва ли не единственной институцией, вовлеченной в формирование мемориальной культуры, оказался Музей оккупации.

В-третьих, значительная роль в проведении исторической политики и формировании мемориальной культуры принадлежит латышскому национализму, что существенно отличает политику памяти Латвии от аналогичных форм политической активности в ЕС и сближает ее с центральноевропейскими и балканскими версиями политически мотивированного пересмотра прошлого.

В-четвертых, политика памяти в Латвии активно использует исторический ресурс путем его мифологизации – как положительной, так и отрицательной. Например, позитивно мифологизирован опыт независимой Первой Республики, в то время как история Латвийской ССР и ее наследие стали объектом негативной мифологизации; советские нарративы востребованы для формирования образов политического и идеологического «Другого», несмотря на то, что СССР не существует в качестве политического субъекта с 1991 г. В этом смысле историческая политика в Латвии не только актуализирует свою зависимость от идеологической конъюнктуры и корпоративной памяти элит, но и фактически направлена на решение задач политической консолидации общества, как в тех странах ЕС, где этнический национализм уступил свои позиции гражданскому.

В-пятых, историческая политика в современной Латвии пребывает в ситуации институциональной неопределенности в отношении акторов, вовлеченных в нее [Кирчанов 2023]. С одной стороны, важные участники политики памяти – политические элиты. Например, президент регулярно в публичных выступлениях актуализирует исторический опыт страны, апеллируя к коллективным мемориальным травмам, связанным с мифологемами, которые включают образ «советской оккупации» и связанные с ней нарративные конструкции. Поэтому историческая политика предстает как форма нарративной активности элит, а используемые в ее рамках конструкции из политических клише мутировали в идеологемы и мифологемы. С другой стороны, Музей оккупации играет свою роль в формировании мемориальной культуры, актуализируя именно опыт коллективной травмы. Музей в большей степени может быть определен в качестве актора второго плана, так как

он не формирует память, а артикулирует и визуализирует видение прошлого, предложенное другими участниками процесса. Вместе с тем акторы, сопоставимые с институтами памяти, например, в Польше или на Украине, в современной Латвии пока отсутствуют, но тенденция к их появлению с 2022 г. стала более заметной.

В-шестых, историческая политика играла до недавнего времени исключительно вспомогательную роль, не имела самостоятельного значения. Поэтому основные дискуссии относительно прошлого протекали в академическом сообществе. В этот процесс была втянута Комиссия историков (И. Фелдманис, А.Странга, И. Бутулис, К. Кангерис, Э. Екобсонс, В. Ноллендорфс, Д. Блейере, У. Нейбургс, М. Вестерманис, А. Зунда, А. Ивановс, В. Щербинскис, М. Минтаурс, А. Лерхис), созданная в 1998 г. Формально действуя в рамках академической историографии, фактически она стала субъектом исторической политики и внесла существенный вклад в формирование, развитие и консолидацию официальной версии мемориальной культуры, содействуя интеграции истории в ряд мобилизационных ресурсов элит. Именно Комиссия создала такую версию прошлого, которую активно продвигали как политические элиты, так и общественные активисты в Латвии.

С 2020-х гг. в мемориальной политике современной Латвии стали заметны новые тенденции, связанные со стремлением политических элит инструментализировать прошлое, чтобы обеспечить им необходимый уровень легитимации. Единая дефиниция инструментализации в историографии отсутствует. Однако она может включать «широко распространенный феномен правительственной коммеморативной политики, предусматривающей создание исторических комиссий и институтов, законодательное регулирование политизированных интерпретаций исторических событий, создание новых музеев национальной травмы, участие в международных конфликтах по поводу интерпретации истории, спонсирование учебников истории для школ, учреждение новых дней национального поминовения» [Gaunt, Lane 2020, 9]. Все эти элементы заметны в латышской исторической политике и формируемой в результате ее проведения мемориальной культуре, что указывает на высокий уровень инструментализации истории.

Комментируя особенности инструментализации истории и ее использования для решения политических и идеологических задач, украинский историк Г.В. Касьянов подчеркивает, что большая склонность к использованию именно таких методов проработки прошлого характерна для стран Восточной Европы¹. Политические процессы начала 2020-х гг., связанные с изменениями на международной арене, и усиление региональных конфликтов привели к осознанию правящими элитами Латвийской Республики той важной роли, которую потенциально может играть история в решении политических задач гетерогенного и фрагментированного по языковому и национальному признаку латвийского общества.

Углубление военно-идеологической конфронтации в мире привело к росту озабоченности относительно возможности использования истории как эффективного символического, мобилизационного и политического ресурса. История оказалась втянута в политику, в идеологические и политические манипуляции. В 2023 г., анализируя актуальное для начала 2020-х гг. использование истории в общественном дискурсе Латвии, автор предположил наличие тенденций одновременно большей инструментализации исторического прошлого и институционализации исторической политики. Этот вывод был основан на очевидных усилиях властей по последовательному демонтажу советского

¹ Kasianov G. Questions of the past are heavily instrumentalized. (<https://www.unibas.ch/en/News-Events/News/Uni-People/Questions-of-the-past-are-heavily-instrumentalized.html>).

исторического и культурного наследия, с одной стороны, и инициативах, с которыми в начале 2023 г. выступил президент Латвийской Республики Эгилс Левитс – с другой. Он говорил о необходимости создать специализированный институт исторической памяти, подобный учреждениям, действующим в других странах Центральной и Восточной Европы.

Усиление тенденции инструментализации прошлого политическими элитами свидетельствует об активизации использования истории как важного мобилизационного и легитимационного ресурса.

Инструментализация исторической памяти в современной Латвии

С первой половины 2020-х гг. политические элиты Латвии заметно вовлечены в историческую политику и инструментализацию истории, цель которых – политическая консолидация и мобилизация общества. В марте 2023 г. президент страны Э. Левитс подчеркнул важность коллективной исторической памяти для латвийской государственности и латышской нации, указав, что именно «национальная память не является статичным свидетелем истории, находясь в постоянном диалоге с меняющимся миром»².

С представителями политической элиты солидарно и академическое сообщество. Например, историк М. Минтаурс полагает, что «история – это не математика, и мы вряд ли окажемся в ситуации, когда сможем собрать представителей двух противоположных взглядов за одним столом, а затем дать им возможность или позволить им высказаться, а потом, сложив их взгляды вместе, найти истину, которая теоретически находится где-то посередине... история – это не математика... мы не можем взять сумму сумм и среднее арифметическое, заявив, что оно и есть правда о прошлом»³. Несмотря на скептические настроения среди академических и университетских интеллектуалов относительно использования истории в политике памяти, тенденции к инструментализации прошлого и его использования в качестве символического мобилизационного и легитимационного ресурса в Латвии на протяжении 2023–2024 гг. усилились. Это стало особенно заметно в январе 2023 г., когда было предложено создать новое специализированное учреждение – Латвийский институт исторической памяти и демократического образования (Latvijas Vēsturiskās atmiņasun demokrātiskās izglītības institūts). Эту идею, вероятно, следует интерпретировать через призму роста популярности правого популизма в мире. Как указывает каталонский политический эксперт Ж. Вакер, «популисты воспринимают правительство как выражение общей воли, что позволяет им отвергать баланс сил и противовесы институтов гражданского общества»⁴, создавая свои институты, в большей степени сфокусированные не на развитии концептов «гражданское общество» и «политическая нация», а на манипулировании, в том числе историей. Создание института поддержал президент Латвии⁵, который отметил, что «это может быть

² Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

³ Mintauris M. Vēsture nav matemātika un nevaram no summas izvilkēt vidējo aritmētisko. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/monopols/martins-mintauris-vesture-nav-matematika-un-nevaram-no-summas-izv.a189061/>).

⁴ Vaquer J. Nacional-populisme al poder. (<https://revistaidees.cat/nacional-populisme-al-poder-les-consequencies-en-materia-de-drets-fonamentals/>).

⁵ Levits rosina Latvijā veidot jaunu institūciju. (<https://jauns.lv/raksts/zinas/539678-levits-rosina-latvija-veidot-jaunu-instituciju>).

отдельный институт или другое институциональное образование... у нас есть много хороших людей, которые делают это на энтузиазме, но это общенациональная задача... соседние страны уже давно сделали это»⁶.

Озабоченность элит относительно задач инструментализации истории в современной Латвии – следствие роста понимания того факта, что национальное государство постепенно утрачивает черты универсальности, хотя прежде «аксиома государственного суверенитета оказывала столь мощное влияние на воображение XX века, что стала универсальной формой политического порядка. С тех пор чары ослабли: и государство, и нация были демистифицированы и поставлены под сомнение»⁷. В результате элиты были вынуждены активно инструментализировать прошлое, унифицированное и кодифицированное в форме национальной истории, конструирование которой протекало в националистической системе координат.

Первые призывы к созданию Латвийского института исторической памяти и демократического образования прозвучали в апреле 2022 г., появились отклики на них академического и интеллектуального сообществ. Среди первых, кто сформулировал относительно консолидированную точку зрения профессионального исторического сообщества, оказался историк В. Ноллендорфс, который, руководствуясь лозунгом «Истории никогда не бывает слишком много», предложил внести серьезные коррективы в политику, направленную на представленность и визуализацию истории в публичном и общественном пространствах. По его мнению, «латвийское государство не спешит сохранять, беречь и укреплять свою историческую память»⁸. Выполнение этой задачи маловероятно без интеграции истории в манипулятивный аппарат государственной политики, интеграции, которая воспринимается в Латвии как эффективная форма противостояния «внешним вызовам», прежде всего со стороны России.

В марте 2023 г. Э. Левитс констатировал ситуацию войн памяти, подчеркнув, что латышское видение истории в Европе менее заметно, чем российское, так как России, по его мнению, «удалось запечатлеть в памяти Европы искаженные исторические нарративы о Второй мировой войне и победе над нацизмом, а также другие факты, искаженные в свете российской идеологии»⁹. Историческая политика России стимулирует обеспокоенность и даже политические фобии латвийских элит, что вынуждает их предпринимать усилия по дальнейшей инструментализации прошлого.

Инструментализация истории: pro et contra

Тенденции последовательной инструментализации истории и утилитарного восприятия прошлого находят непонимание со стороны отдельных представителей академического сообщества. Например, М. Минтаурс полагает, что «не только часто цитируемые и критикуемые политики, но и достаточно большая часть латвийского общества смотрит

⁶ Patiesības ministrija? (<https://www.lsm.lv/raksts/kultura/kulturtelpa/patiesibas-ministrija-vesturnieku-vidukritize-levita-iniciativu-veidot-latvijas-vesturiskas-atminas-institutu.a492889/>).

⁷ Keating M. Reivindicació de la sobirania. (<https://revistaidees.cat/reivindicacio-de-la-sobirania-estats-nacions-i-autodeterminacio-en-el-context-europeu/>).

⁸ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

⁹ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runas-nacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

на историческую науку как на пособие, собирающее материал главным образом в целях пропаганды... в восприятии общества историк – это человек, у которого можно запросить информацию о том, как все происходило на самом деле в прошлом, и использовать этот материал... никто не может отменить этот подход, но он становится опасным, когда начинает доминировать»¹⁰.

Несколькими годами ранее на опасность такого понимания истории указывали и некоторые американские интеллектуалы, которые подчеркивали, что «в неумелых руках исторические события могут быть использованы для того, чтобы, казалось бы, извлечь уроки и найти решения явно неразрешимых современных проблем. Это – “инструментализация” истории... история может вводить в заблуждение, а ее так называемые “уроки” оказываются контрпродуктивными, если их контекст не понят должным образом»¹¹. Подобные опасения, связанные с последовательной идеологизацией истории современными политическими элитами, как правило, игнорируют, так как курс на инструментализацию прошлого стал общей тенденцией в публичном пространстве. В рамках такой модели инструментализации агенты политики памяти в современной Латвии не оригинальны, так как практикуемый ими подход «заключается в том, чтобы относиться к прошлому как к источнику коллективной национальной идентичности и ценностей, таких как героизм или жертвенность» [Törnquist-Plewa 2020, 17], символический потенциал которых активно используют агенты мемориальной политики.

Несмотря на критику со стороны академического сообщества, агенты мемориальной культуры предлагают проводить политику, направленную на усиление идентичности на основе ценностей «независимости, демократии, латышского языка и принадлежности к европейскому культурному пространству... свободы, равенства, солидарности, справедливости, ответственности перед будущими поколениями и трудовой этики... а также осуждения тоталитарных – коммунистического и нацистского – режимов»¹². Апелляция к Европе как общему культурному пространству не уникальна: аналогичные тенденции ментального самокартирования и отождествления себя с Европой [Geremek 2009], только несколько раньше, отмечались у интеллектуалов из других центрально- и восточноевропейских стран, что нередко сопровождалось ростом гражданского и снижением этнического национализма. При этом формируемая в рамках исторической политики мемориальная культура становилась менее зависимой от идеологических манипуляций, что делало ее не столь подверженной инструментализации. В Латвии этого не произошло, история сохранила свое значение как пространство политической и идеологической конфронтации, превратившись в форму интеллектуальной активности, одинаково подверженную идеологизации и инструментализации.

Латвийскому институту исторической памяти и демократического образования, как подчеркивает В. Ноллендорфс, предстоит «обеспечивать историческую идентичность и целостность нации и государства, что является не только академической задачей, но в значительной степени национальной задачей, тесно связанной со статьями Консти-

¹⁰ Mintauris M. Vēsture tiek pārrakstīta, jo citādi skatāmies uz jau zināmām lietām. ([https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skataamies-uz.a174412/](https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skataamies-uz-a174412/)).

¹¹ Davies H. The Instrumentalisation of History. (<https://thestrategybridge.org/the-bridge/2014/9/30/the-instrumentalisation-of-history>).

¹² Valsts prezidents rosina veidot Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūtu. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/348113-valsts-prezidents-rosina-veidot-latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-institutu-2023>).

туции и идеями, выраженными в ее преамбуле»¹³. Бремя решения аналогичных задач Э. Левитс в 2023 г. возлагал на «историков, энтузиастов истории и деятелей культуры, которые на протяжении многих лет помогают нашему обществу понять движение национального сопротивления и его значение в нашей государственности»¹⁴, что указывало на склонность элит воспринимать прошлое исключительно утилитарно. Польский историк Т.Т. Концевич предостерегает от «своеобразного (неправильного) понимания политической инструментализации истории», что, по его мнению, служит «важным предостережением против односторонних партийных исторических дебатов, поскольку они влияют на то, как мы помним прошлое и видим себя сегодня»¹⁵. Напротив, в латышской политике памяти принята иная логика: политизация прошлого через инструментализацию истории выступает как путь именно к «правильному» видению истории. Последняя в такой интерпретации бытует почти исключительно в идеологической системе координат, центральным компонентом которой становится не этнический, а политический национализм, основанный на критике коммунизма и отрицании советского наследия как идеологически чуждого.

Латышская мемориальная культура, вероятно, относится к числу тех, где проработка прошлого имеет место, но не содействует преодолению коллективных травм, а наоборот, стимулирует их воспроизводство в памяти¹⁶. В результате история подчинена логике той политической рациональности, которую исповедуют элиты, понимающие, что «история не является чисто субъективным занятием, где все нарративы о прошлом одинаково хороши, что объективность нельзя найти в некритическом принятии приукрашенных образов прошлого. Историки достаточно часто предупреждают политиков, чтобы они были очень осторожны, заявляя об объективности» [Wiersma 2009, 15]. Однако эту мысль игнорируют, особенно если восприятие прошлого в рамках исторической политики подчинено задачам инструментализации истории и ее превращения в политический ресурс.

По мнению Э. Левитса, несмотря на то что «с восстановлением независимости латышский народ восстановил контроль над своим прошлым», а «преступления и несправедливости советской и нацистской оккупации вышли на первый план нового исторического сознания»¹⁷, в Латвии так и не сложилась единая историческая политика. Европейские интеллектуалы указывают на «различие между памятью и историей», а также на связь и различия между историей и политикой, подчеркивая важность «критического самоанализа и мирных дебатов, в равной степени необходимых для историков и политических сообществ» [Hassner 2009, 71].

В современном латышском социуме подобный подход непопулярен, историю воспринимают преимущественно через призму политизированной этничности, что соз-

¹³ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

¹⁴ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

¹⁵ Koncewicz T.T. Remembering as Pacting between Past, Present and Future. (<https://verfassungsblog.de/remembering-as-pacting-between-past-present-and-future/>).

¹⁶ Gutbrod H. Book Review – Constructions and Instrumentalizations of the Past. (<https://www.globalpolicyjournal.com/blog/04/11/2021/book-review-constructions-and-instrumentalizations-past-comparative-study-memory>).

¹⁷ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

дает крайне благоприятные условия для ее инструментализации. Поэтому, по мнению В. Ноллендорфса, необходима направляемая инструментализация исторического знания с использованием достижений «социальной памяти, литературы, устной истории, политологии, культурной антропологии и других дисциплин, которые помогают понять как процессы, создавшие латвийскую нацию и государство, так и те, что были направлены на их уничтожение»¹⁸.

В такой ситуации формировалось обновленное восприятие прошлого как «единой истории нашего сопротивления, нашей стойкой национальной воли, которую мы должны продолжать реализовывать и которую мы должны знать, как рассказать»¹⁹. Фактически речь идет о стремлении элит контролировать не только коллективные представления о прошлом, но и механизмы их функционирования и передачи на уровне общества. В. Ноллендорфс указал на ограниченность эффекта, достигнутого Комиссией историков (с чем солидарны и другие авторы²⁰), подчеркнув, что ее выводы в большей степени отражают развитие истории как академической дисциплины и, несмотря на активное распространение ее трудов в учебных заведениях Латвийской Республики, имеют ограниченный эффект на формирование коллективной памяти и исторического самосознания.

Публичная история как форма инструментализации прошлого

Ситуация, которая сложилась с восприятием истории в общественном пространстве, непосредственно связана с попытками ее последовательной инструментализации. Как полагают эксперты, «цель демократического сообщества должна заключаться в том, чтобы обеспечить себе пространство для обсуждения того, как адаптироваться к сложностям, пространство для обсуждения того, какие меры необходимо принять для реагирования»²¹. Однако современные правящие элиты склонны следовать иному подходу, реагируя на внутренние и внешние вызовы с использованием символических ресурсов, создавая новые специализированные институты. Формирование коллективных представлений о прошлом происходит в настоящий момент, что актуализирует интересы различных социальных и политических групп [Florescano 2012, 97]. Идеологические предпочтения элит, которые принимают политические решения, определяют мемориальную культуру общества.

По мнению В. Ноллендорфса, история как наука должна занять более заметное положение в обществе, поскольку трансформация академической истории в публичную может способствовать консолидации идентичности и укреплению государственности. На важность именно публичной истории указывал и президент Латвии Э. Левитс, который подчеркивал, что «публичная история основана на академической истории, но это не одно и то же. Нам недостаточно академической истории. Нам необходима передача результатов академической истории через историческую коммуникацию в публичную историю. Публичная

¹⁸ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

¹⁹ Levits E. Ja ir griba, varam atbrīvoties no padomju koloniālās vēstures lūžņiem. (<https://lvportals.lv/viedokli/349950-ja-ir-griba-varam-atbrivoties-no-padomju-kolonialas-vestures-luznkiem-2023>).

²⁰ Levits padzina Vēsturnieku Komisiju, bet tagad, cenšoties krāt punktus palikšanai prezidenta amatā, aicina dibināt jaunu vēstures institūtu. (<https://puaro.lv/politika/levits-padzina-vesturnieku-komisiju-bet-tagad-censties-krat-punktus-paliksanaiprezidenta-amata-aicina-dibinat-jaunu-vestures-institutu/>).

²¹ Velasco Figueras G. Governar la complexitat: un assaig sobre les democràcies en temps excepcionals. (<https://revistaidees.cat/governar-la-complexitat-un-assaig-sobre-les-democracies-en-temps-excepcionals/>).

история – это разделяемое обществом восприятие истории... Публичная история необходима обществу, чтобы оно могло понять себя, осознать свою идентичность»²².

Трансформация истории в публичную существенным образом влияет на историческую память, содействуя не только ее большей представленности в общественных пространствах, но и фактически позволяет тем, кто «стремится использовать историю, реализовать или навязать свое восприятие правды и истины, свою позицию относительно исторических фактов, свое собственное историческое идеологическое видение»²³, делать это более эффективно. В этом отношении латышские политики и интеллектуалы в сравнении с их балтийскими соседями действуют с явным отставанием. Литовский историк Ч. Лауринавичюс в конце 2000-х гг. указывал на опасность ситуации, когда «предвзятые интерпретации истории вызывают моральный и интеллектуальный дискомфорт, а также усиливают чувство незащищенности. Тем не менее оставлять историю историкам – нереалистичная альтернатива. Невозможно абстрагировать общественную жизнь от истории, как невозможно отнять у общества память. Главный вопрос заключается в следующем: что такое культура памяти и куда она движется?» [Laurinavičius 2009, 124]. Если мемориальная культура сфокусирована на достижении компромисса и формировании консенсусной формы коллективной исторической памяти, то политика и история могут сохранить автономию в общественных пространствах. Если же история подчинена политической логике, то ее инструментализация практически неизбежна.

Комментируя противоречия в исторической политике Латвии в предшествующие годы, В. Ноллендорфс указывает на наличие «спорных исторических тем, которых немало в нашей сложной истории»²⁴. Он, в частности, выделяет проблемы, связанные с Холокостом на территории Латвии. В целом современная историческая политика все в большей степени актуализирует свой практико-ориентированный характер, а история становится все более институционализированной, что стимулируют внешнеполитические опасения правящих элит²⁵.

В этой ситуации власти Латвии начинают имитировать политические практики и стратегии, которые в XX в. активно использовали левые авторитарные режимы. Как подчеркивает А. Сидера Галларт, элиты «знают, как воспользоваться инструментами, предлагаемыми левыми мыслителями, и по-новому интерпретируют теории для защиты антигалиитарных, расистских и ультранационалистических позиций. Присвоение определенной риторики и эстетики левых стало оружием, которое позволило крайне правым успешно вести борьбу за культурную гегемонию, особенно среди молодежи и людей, которые чувствуют себя исключенными из системы»²⁶, для которых

²² Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runat-nacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stasit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

²³ Tamez Rodríguez Ó. El Uso político y social de la historia. (<https://estudiospoliticos.org/el-uso-politico-y-social-de-la-historia/>).

²⁴ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

²⁵ Valsts prezidenta Edgara Rinkēviča uzruna Komunistiskā genocīda upuru piemiņas dienas pasākumā pie padomju okupācijas upuru piemiņas memoriāla “Vēstures taktila”. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-edgara-rinkevica-uzruna-komunistiska-genocida-upuru-pieminas-dienas-pasakuma-pie-padomju-okupacijas-upuru-pieminas-memoriala-vestures-taktila>).

²⁶ Sidera Gallart A. Nous uniformes per a velles estratègies. (<https://revistaidees.cat/nous-uniformes-per-a-velles-estrategies/>).

апелляции к истории как символически значимому измерению национальной идентичности особенно важны. Именно поэтому В. Ноллендорфс указывал на необходимость более активно использовать историю для решения политических задач. Именно поэтому, по его мнению, следует создать Латвийский институт исторической памяти и исторического образования, который «будет целенаправленно создавать историю латышского народа и государства на основе исследований историков»²⁷. Таким образом, академическое сообщество фактически становится участником формирования исторической политики.

В. Ноллендорфс перечисляет задачи, которые, по его мнению, следует поставить перед новым институтом. Важнейшие из них он определяет следующим образом: «проводить и поддерживать научные исследования о Латвии как национальном, демократическом и правовом государстве и ее истории с целью создания, поддержания и распространения привлекательных, убедительных, последовательных и свободных от иностранных, враждебных и вводящих в заблуждение нарративов об истории Латвии»²⁸. Президент Латвии Э. Левитс подчеркнул, что «основной целью института будет распространение публичной истории», поскольку следует внести «вклад в демократическое воспитание общества, в формирование гражданского сознания», что требует «создания национально объединяющего пространства памяти»²⁹.

Старые нарративы в ожидании институционализации

Если в предшествующие годы в рамках исторической политики современной Латвии пересмотру подвергались более ранние интерпретации прошлого и мифологемы, призванные консолидировать латвийское общество, то в начале 2020-х гг. стало очевидно, что подобная модель мемориальной культуры недостаточно эффективна в качестве санкционированной государством реакции на альтернативные версии памяти. Именно поэтому был сделан выбор в пользу последовательной инструментализации истории в интересах правящих политических элит, связанных прежде всего с национально ориентированной эмиграцией. Например, бывшие президенты В. Вике-Фрейберга, Э. Левитс и представители интеллектуального сообщества (В. Ноллендорфс) связаны с различными ветвями латышского зарубежья, склонными выстраивать историю в национальной системе координат, сочетая этнический национализм с идеологической критикой коммунизма и советского наследия.

В современной Латвийской Республике заметна тенденция прямого вмешательства представителей политического класса в формирование исторических мифологем. Происходит постепенная интеграция исторического знания в идеологический дискурс в качестве одного из элементов современной политической культуры. В этой ситуации интеллектуалы и профессиональные историки, которые ранее определяли основные векторы и стратегии функционирования исторической памяти и мемориальной культуры, оказались на второстепенных ролях.

²⁷ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitiba-instituts-ideja-un-vajadziba>).

²⁸ Ibid.

²⁹ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runa-nacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

Несмотря на социально-культурную мутацию восприятия истории, в современной Латвии неизменны основные нарративы, призванные описывать формы исторической памяти. В качестве основы, системообразующего фактора исторической политики, как и ранее, выступает национализм, подчеркивающий особенности этнического миропонимания. Однако если прежде историческая политика воспринималась как один из символических ресурсов политической культуры и идентичности, обеспечивающих национальную мобилизацию и легитимацию, то в последние годы наиболее актуальной формой проработки прошлого стала явная инструментализация истории, ее зависимость от воли правящих элит.

Нарративные конструкции типа «советская оккупация» и «советский авторитаризм» способствуют виктимизации Латвии как государства-жертвы внешних сил. Несмотря на неизменность основных тем исторической политики, трансформируются ее структура и форма в направлении большей инструментализации истории. Если прежде для мемориальной культуры было характерно противостояние концептов этнического и гражданского национализма, то в последние годы более заметна тенденция консолидации основных идеологем политики памяти.

Подводя итоги, следует обратить внимание на ряд факторов, которые существенным образом влияют на историческую политику в Латвии.

Основная тенденция развития исторической политики – инструментализация исторической памяти путем ее непосредственного подчинения тем целям, которые стоят перед современными правящими политическими элитами Латвийской Республики. Однако как таковое содержание политики памяти остается неизменным, что порождает своего рода мемориальную конфронтацию, представленную не только «войной памяти», но и «войной памятников». К 2023 г. последствия такой исторической политики стали особенно заметны в публичном пространстве: усилия, направленные на демонтаж советского монументального культурного наследия, привели к ликвидации не только его, но и тех монументальных форм, которые в большей или меньшей степени соотносились именно с латышской национальной идентичностью и исторической памятью.

Историческая политика в современной Латвии пребывает в состоянии институционального оформления. К настоящему времени правящий класс осознал, что история слишком важна, чтобы оставлять ее на откуп профессиональным историкам, имея в виду ее значение как политического и идеологического инструмента мобилизации масс и легитимации существующего политического режима. Со своей стороны историки признают, что политика крайне важна для истории, поскольку именно от воли и расположения политических элит зависит то, как будет развиваться академическая историческая наука, поставляющая кадры для проведения исторической политики и формирования мемориальной культуры. В результате между академическим историческим сообществом и политическими элитами возникли отношения взаимозависимости и идеологического и политического симбиоза, которые в условиях институционализации политики памяти будут определять основные векторы развития мемориальной культуры в Латвии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зверев К. (2020) Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 163–177.
- Zverev K. (2020) State historical policy in modern Latvia. *Problemy natsionalnoi strategii*, no. 1, pp. 163–177. (In Russ.)
- Кирчанов М.В. (2023) Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг. // Общественные науки и современность. № 3. С. 94–108.
<https://doi.org/10.31857/S0869049923030073>
- Kirchanov M.V. (2023) Historical politics and memorial culture in Latvia in the early 2020s. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 94–108. <https://doi.org/10.31857/S0869049923030073> (In Russ.)
- Barash J.A. (2016) *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago: University of Chicago Press. 280 p.
- Chrostowska S.D., Ingram J. (2017) eds. *Political Uses of Utopia: New Marxist, Anarchist, and Radical Democratic Perspectives*. N.Y.: Columbia University Press. 376 p.
- Cohen G. (2009) ed. *Political Uses of Memory*. London: Rivers Oram Press. 128 p.
- Cubitt G. (2013) *History and Memory*. Manchester: Manchester University Press. 273 p.
- Farrell-Banks D. (2022) *Affect and Belonging in Political Uses of the Past*. London–N.Y.: Routledge. 190 p.
- Florescano E. (2012) *La función social de la Historia*. México: FCE.
- Gaunt D., Lane T. (2020) Introduction. *Constructions and Instrumentalization of the Past* / Ekman J., Gaunt D., Lane T., Törnquist-Plewa B. (2020) eds. *Constructions and Instrumentalization of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region*. Södertörn: Centre for Baltic and East European Studies – Södertörn University, pp. 9–14.
- Geremek B. (2009) *Common Memory and European Identity* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 31–42.
- Hassner P. (2009) *Beyond History and Politics. The Need for Conceptual and Ethical Dialogue* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 71–80.
- Karner Ch. (2013) *The Use and Abuse of Memory: Interpreting World War II in Contemporary European Politics*. London–N.Y.: Routledge. 290 p.
- Landinez D. (2022) El uso político de la historia. Una aproximación al discurso de la Revolución mexicana. *Polisemia*, vol. 18, no. 34, pp. 30–47.
- Laurinavičius Č. (2009) *The Interpretation of the Soviet Union's History: The Baltic Dimension* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 121–127.
- MacMillan M. (2008) *The Uses and Abuses of History*. London: Viking. 208 p.
- MacMillan M. (2009) *Dangerous Games: The Uses and Abuses of History*. N.Y.: Modern Library. 208 p.
- Neustadt R.E., May E.R. (1988) *Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers*. N.Y.: Free Press. 352 p.
- Olick J.K. (2016) *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago: University of Chicago Press. 496 p.
- Rieff D. (2017) *In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies*. New Haven: Yale University Press. 160 p.
- Törnquist-Plewa B. (2020) *Background. Eastern and Central Europe as a Region of Memory. Some Common Traits* / Ekman J., Gaunt D., Lane T., Törnquist-Plewa B. (2020) eds. *Constructions and Instru-*

mentalization of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region. Södertörn: Centre for Baltic and East European Studies – Södertörn University, pp. 15–22.

Wiersma J.M. (2009) *Politics of the Past: The Use and Abuse of History* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 15–28.

Информация об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет. Адрес: 394000, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1. E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

About the author

Maksym V. Kirchanoff, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University. Address: Universitetskaya sq., 1, Voronezh, 394000, Russia. E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 09.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.04.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 06.06.2024

МЕДИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ MEDIA STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Эстетика идентичности и историческая тема в экранных искусствах

© А.Л. АНДРЕЕВ, Т.В. КУЗНЕЦОВА

Андреев Андрей Леонидович, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Национальный исследовательский университет МЭИ (Москва, Россия), Sympathy_06@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1692-573X

Кузнецова Татьяна Викторовна, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), 89163805403@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8062-8495

Статья посвящена роли искусства в формировании исторического самосознания как основы российской идентичности. В аналитический аппарат теории идентичности предложено ввести новое понятие – «эстетика идентичности», которое позволяет раскрыть неисследованные аспекты идентичности, связанные с эмоционально-образной стороной социального мышления. Под этим углом зрения рассмотрена тематика российской экранной продукции, отмечены как ее творческие достижения, так и определенная ограниченность диапазона. В частности, утверждается, что российское кино сравнительно мало сделало для художественного осмысления эпохи, завершившей существование императорской России. Дефицит качественной экранной продукции, представляющей зрителю эстетически содержательные образы России периода поздней империи, связан с инерцией некоторых идеологически тенденциозных стереотипов советского времени. Несмотря на немалые достижения пореформенной и предреволюционной России, несмотря на значительный эстетический потенциал российской жизни того времени, запечатленной в живописи и художественной фотографии, современный экран пока пребывает в поисках эстетического ключа к этому важному периоду. Обоснован вывод, согласно которому без всестороннего освоения художественным мышлением эпохи поздней империи сложно рассчитывать на возникновение эстетической эмпатии, необходимой для понимания внутренней связанности российской истории и формирования полноценного чувства безусловной сопричастности ей.

Ключевые слова: идентичность, эстетика идентичности, эстетическая эмпатия, историческое самосознание, история, искусство, экранные искусства

Цитирование: Андреев А.Л., Кузнецова Т.В. (2024) Эстетика идентичности и историческая тема в экранных искусствах // Общественные науки и современность. № 5. С. 60–71. DOI: 10.31857/S0869049924050051, EDN: JUTARH

Aesthetics of Identity and Historical Themes in Screen Arts

© A. ANDREEV, T. KUZNETSOVA

Andrey L. Andreev, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, National Research University of the Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russia), Sympathy_06@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1692-573X

Tatiana V. Kuznetsova, Lomonosov Moscow State University, 89163805403@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8062-8495

Abstract. The article is devoted to the role of art in the formation of historical self-awareness as the basis of Russian identity. It is proposed to introduce a new concept into the analytical apparatus of the theory of identity – “aesthetics of identity”, which allows revealing unexplored aspects of identity associated with the emotional and figurative side of social thinking. From this angle, the subject matter of Russian screen production is considered, both its creative achievements and a certain limitation of the thematic range are noted. In particular, it is argued that Russian cinema has done relatively little for the artistic understanding of the era that ended the existence of imperial Russia. The deficit of high-quality screen products that present the viewer with aesthetically meaningful images of Russia during the late empire is associated with the inertia of some ideologically tendentious stereotypes of the Soviet era. Despite the considerable achievements of post-reform and pre-revolutionary Russia, despite the significant aesthetic potential of Russian life of that time, captured in painting and art photography, the modern screen is still in search of an aesthetic key to this important period. The conclusion is substantiated that without a comprehensive mastery of the artistic thinking of the era of the late empire, it is difficult to expect the emergence of aesthetic empathy, necessary for understanding the internal coherence of all Russian history and the formation of a full-fledged sense of unconditional involvement in it.

Keywords: identity, aesthetics of identity, aesthetic empathy, history, self-awareness, art, screen arts

Citation: Andreev A., Kuznetsova T. (2024) Aesthetics of Identity and Historical Themes in Screen Arts. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 60–71. DOI: 10.31857/S0869049924050051, EDN: JUTARH (In Russ.)

В современных условиях особое значение для развития социальной теории и социальной прогностики приобретает проблематика идентичности. И это понятно, ибо именно здесь следует искать ключи к пониманию социального поведения. В российской социологической литературе можно найти работы по гражданской, культурной, языковой, этнической, религиозной, профессиональной, экономической и даже цифровой идентичности. Следует, однако, обратить внимание на то, что в большинстве случаев исследование содержательных характеристик идентичности ограничено ее вербализуемыми семантическими компонентами. Между тем в формировании смысловых матриц идентичности немалое значение имеет искусство. На наш взгляд, логично поставить вопрос об эстетической составляющей идентичности. По аналогии с эстетикой повседневности, эстетикой моды, эстетикой телесности, эстетикой спорта и т.п. можно говорить и об *эстетике идентичности*. Этот термин, как и другие словосочетания со словом «эстетика», может иметь два основных значения. Во-первых, это совокупность неких эстетически значимых ассоциаций, устойчиво связанных с той или иной идентичностью: скажем, золотые купола православных храмов давно уже стали идентифицирующим символом «вечной России», подобно тому, как шпили готических соборов и характерные рыцарские шлемы с

закрытым забралом символически отсылают нас к образам «старой Европы». Во-вторых, под эстетикой идентичности можно понимать особый тематический раздел эстетики как науки, описывающий и исследующий такого рода ассоциации.

Идентичность и художественные нарративы

Особую роль в формировании идентичности и ее образных репрезентаций играют художественные нарративы – вначале литература, театр, а позднее кинематограф и другие экранные искусства. Такое формирование происходит по разным направлениям и разными способами: посредством обращения к социальной тематике, демонстрации и закрепления в эстетическом сознании определенных стилевых канонов, типизации характеров и генерализации чувственных образов до уровня общественно значимых идей.

Нарастающее усложнение социальной жизни создало условия для возникновения характерного для эпохи постмодерна феномена плюрализма идентичностей, когда индивид одновременно или попеременно солидаризируется с различными социальными и социально-демографическими группами, этническими, территориальными, конфессиональными и гражданскими общностями, политическими течениями, субкультурами, а также профессиональными сообществами и сообществами по призванию. Одновременно – что совершенно логично – возникает социальный запрос на формирование интегрирующих смыслов и поддерживающих их образов, переживаний и ассоциаций, способных связывать различные идентификации «Я» с теми или иными «Мы». И здесь исключительно важную роль играет искусство с его способностью живой репрезентации образов, формирующих исторический фундамент идентичности. Особенно важно, что в создаваемой искусством эстетической реальности прошлое предстает в виде «как бы настоящего» – в модальности протекающих перед нашим взором событий («запечатленное время», по Тарковскому). Эстетические формы репрезентации прошлого в настоящем вариативны и отражают жанровое многообразие художественного творчества: это может быть и стилистически приближающееся к хронике повествование, и эпос, и философская притча с историческими аллюзиями, и беллетризованная биография, и реалистическая картина нравов на фоне событий той или иной эпохи. Однако во всех случаях именно средства художественно-эстетической выразительности предстают в качестве одного из основных инструментов особого рода социальной деятельности, которую можно назвать коллективным созданием смыслов [Флигстин, Макдам 2022]. Как отмечают в ходе опросов россияне, знакомые едва ли не каждому любимые экранные произведения и созданные в них исторические образы играют очень важную роль в национальной консолидации и формировании эмоциональной основы гражданской солидарности.

Образы истории в общественном сознании

Отметим, что российское общество ясно осознает экзистенциальное значение исторических представлений как основы идентичности. По данным социологических опросов, 90% наших сограждан в той или иной мере проявляют интерес к истории своей Родины, тогда как об отсутствии такого интереса заявили всего 9%¹. Следует особо подчеркнуть, что главный источник массовых представлений об истории, как обнаружено в ходе социологических исследований, – отнюдь не школьные или вузовские учебники, а кино

¹ Аналитический обзор ВЦИОМ. 27.03.2023.

и телевидение [Историческое сознание... 2022]. В первую очередь это художественные фильмы и телесериалы на историческую тему (их считают главным источником исторических представлений примерно 45% наших сограждан) и исторические документальные фильмы (на них указали около 40% опрошенных). Как не вспомнить в этой связи о хрестоматийной, но по-прежнему очень важной и актуальной проблеме социальной ответственности художника, а также о сложной, неоднозначной, но тем не менее неустранимой связи искусства и политики.

Какие же исторические фильмы произвели наибольшее впечатление на россиян и особенно запомнились? В ходе исследования, проведенного в 2020 г. Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, данный вопрос задавали в открытой форме. Отвечая на него, участники опроса назвали почти 320 кинофильмов и телесериалов. Все же картина предпочтений у 80% респондентов оказалась довольно размытой. Конкретные фильмы, на которых было бы сосредоточено внимание большинства, выделить непросто; это относится даже к культовым произведениям, вроде сериала «Семнадцать мгновений весны» (его упомянули в своих анкетах только 2,6% опрошенных). Тем не менее обращает на себя внимание бесспорное преобладание в списке предпочтений российских кинозрителей именно отечественных произведений. Зарубежная кинопродукция составила лишь около 10% списка, что, безусловно, вполне определенно характеризует предпочтения наших сограждан, по крайней мере применительно к эстетическому освоению исторической темы. Условный первый приз в этом негласном смотре самых популярных кинолент следовало бы отдать картине «Война и мир» (1965–1967 гг., режиссер С.Ф. Бондарчук). И это вполне объяснимо: здесь значимость изображенной эпохи, исторически точное отображение ее реалий, глубина философской мысли автора романа в сочетании с мастерством режиссера обеспечивают мощнейший синергетический эффект. На второе и третье места в списке зрительских симпатий практически на равных (4,2–4,3% голосов) вышли киноленты о Петре I и экранизация С.И. Ростоцким повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие».

Среди запомнившихся фильмов россияне особенно часто упоминали киноленты о Великой Отечественной войне. Они составили не менее пятой части определенного по результатам опроса списка. Это еще раз подтверждает тот факт, что подвиг советского народа в этой войне стал опорным элементом российской идентичности и занял центральное место в коллективной исторической памяти. В то же время тема Октябрьской революции и Гражданской войны, игравшая в советскую эпоху не менее важную роль, отходит на второй план. Названия соответствующих фильмов составили всего 6–7% списка любимых россиянами кинолент. Среди них явный лидер – «Тихий Дон» С.А. Герасимова, другие картины упоминались редко. Очень заметно практически полное равнодушие к так называемой кинолениниане. Несомненно, наши сограждане и сегодня считают Ленина великим историческим деятелем, но среди множества фильмов, где воссоздан его образ, участники проведенного в 2020 г. всероссийского опроса назвали только один – «Ленин в октябре», да и то вспомнили о нем всего несколько респондентов (не более 0,1% от общей их численности).

Если оставить в стороне тему Великой Отечественной войны, советская эпоха привлекает внимание российской аудитории, с одной стороны, благодаря кинолентам, запечатлевшим драматические эпизоды истории страны («Вечный зов», «Холодное лето 1953 года», «Утомленные солнцем», «Московская сага», «Зулейха открывает глаза», «Прощание с Матерой» и др.), а с другой – благодаря экранизациям биографий значительных личностей советского времени (Г.К. Жуков, С.П. Королев, Ю.А. Гагарин, Е.А. Фурцева, М.Л. Миль, И.В. Сталин, М.Т. Калашников и др.). Вошли в наш список и несколько авантюрно-детек-

тивных и «афганских» фильмов. Отметим, что из числа оптимистических, лирических и комедийно-лирических кинообразов советской эпохи в памяти закрепилось немного. Причем все «позитивные» кинокартины того времени, за исключением по-прежнему популярных «Офицеров», занимают место лишь на периферии зрительских интересов.

Эстетизация истории в кинематографе

В противоположность этой тенденции в последнее время возник явный интерес российских кинематографистов к романтической эстетизации отдельных периодов истории императорской России. Наряду с темой петровских преобразований, которую начиная с довоенного фильма режиссера В.М. Петрова «Петр Первый» разрабатывали и в советское время, в сценарный репертуар российского кино активно входят сюжеты из жизни и правления великих российских императриц XVIII в. – Елизаветы Петровны и Екатерины II. Здесь надо заметить: данная тенденция резонирует с настроениями киноаудитории, что подтверждает реакция наших респондентов на документальный телепроект «Романовы», который по рейтингу популярности занял место сразу вслед за выявленной в ходе нашего опроса тройкой лидеров отечественного исторического кино.

В свое время искусство, а в особенности искусство кино, сыграло решающую роль в формировании советской идентичности на уровне массового сознания. Именно искусство конструировало наглядные чувственные образы социальной реальности формирующегося нового мира, психологически не менее убедительные, чем реальность как таковая; используя оружие сатиры и оперируя в спектре эстетически непривлекательного и отталкивающего, искусство способствовало разрушению старых социальных моделей. Взамен экран, сцена, литературные произведения предлагали новые ценностные ориентиры и образцы поведения. В каком-то смысле искусство занималось «скрещиванием» утопии и действительности [Зябликов 2022], и создаваемые художественным воображением идеализации становились ориентирами и образцами для современников, определяя публично одобряемые черты их социальной самоидентификации.

Говорят, что советское искусство находилось под идейно-политическим контролем и следовало указаниям партийных инстанций. С этим не поспоришь, но это лишь одна сторона правды. Ведь «инстанции» и их указания в свою очередь претерпевали немалые, подчас коренные, изменения, особенно заметные с середины 1930-х гг. В чем причины этих изменений? Конечно, имели значение причудливые изгибы политической ситуации, логика борьбы как внутри страны, так и на международной арене. Однако только ли в этом дело? Никто ведь глубоко не исследовал, как, скажем, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова или «Тихий Дон» М.А. Шолохова повлияли на мировоззрение И.В. Сталина, почему-то защитившего их от огульной рапповской критики, видевшей в этих произведениях «неприкрытую апологию белогвардейщины».

История на кино- и телеэкране

Переломным моментам в ходе истории неизменно сопутствует смена или, по крайней мере, реконструкция идентичностей. На протяжении семидесятилетней истории советского государства такие смены/реконструкции происходили несколько раз; при этом искусство, в особенности искусство экрана, благодаря своим специфическим возможностям всякий раз вносило огромный вклад в эстетическое оформление соответствующих идентичностям «картин мира», включая интерпретацию ключевых событий отечественной истории и создание выразительных образов исторических деятелей. Становление

постсоветской России ожидаемо породило новый запрос на художественное воссоздание смыслов и образов, задающих как историческое, так и геополитическое измерение ее идентичности. Как и в какой мере удовлетворяется эта общественная потребность?

На исторические темы (включая недавнюю историю) снимают очень много фильмов. Список исторических экранных произведений, созданных после 1991 г., насчитывает не одну сотню названий. Некоторые из них стали заметными событиями в культурной жизни страны, были отмечены зрителями и кинематографическими наградами, стали довольно популярными («Адмирал», «Ликвидация», «Оттепель», «Легенда № 17»). Были и такие, которые вызвали немалый интерес у зарубежных медиакомпаний («Екатерина»).

Поток кинопродукции отчетливо делится на два полноводных русла: с одной стороны, это фильмы, предназначенные для кинопроката, с другой – телефильмы и телесериалы. Эти два экранных формата различны и по условиям восприятия, и по хронотопам событийных рядов, что существенно влияет на их соотношение в метрике реального исторического времени. Поэтому поэтика указанных форматов обнаруживает тенденцию к нарастающему расхождению. Сериал, обладающий значительно большим временем для развертывания сюжета, тяготеет к эстетике неспешных многоплановых экспозиций, обстоятельному рассказу о событиях, включая воспроизведение контекста, развитие побочных линий, проработку мотиваций и причинно-следственных связей. Соответственно, в этом случае история предстает многоплановой, а драматургия у вдумчивого и талантливого автора может сближаться с процессуальной логикой истории (или, по крайней мере, с нашим пониманием этой логики). Что касается прокатных фильмов, продолжительность которых ограничена, то в современных условиях кинопроизводства и кинодистрибуции проще действовать в рамках иной эстетической парадигмы, которая отражает не столько логику процессов, сколько логику нанизывания эпизодов. Содержательная связь между отдельными эпизодами имитирующего историю сценарного действия может даже быть лишь пунктирной – важнее быстрый импринтинг впечатлений.

Когда речь идет об исторических нарративах, создающих эстетически окрашенную коллективную картину мира, действуют оба способа репрезентации истории. Однако они работают неодинаково, создавая разноплановые социокультурные послания, воздействуя на разные аспекты идентичности. Скажем, телевидение в последние годы порадовало зрителя целым рядом добротных экранизированных биографий выдающихся россиян, которые составили своего рода галерею исторических портретов: «Жуков», «Брежнев», «Фурцева», «Шалапин», «Вертинский», «Утесов», «Орлова и Александров», «Петр Лещенко. Всё, что было...», «Раневская», «Магомаев», «Людмила» и др. С достаточным основанием к удачным можно отнести и крупные творческие работы, темой которых стала сложная игра политических сил, определивших некоторые ключевые моменты в становлении российской государственности («София», «Годунов», «Петр Первый. Завещание»). Напротив, «большое кино» в последнее время добивалось наиболее впечатляющих результатов в художественном воплощении героических эпизодов, а также подпитывающих чувство национальной гордости взлетов и вершинных достижений, для отображения которых достаточно короткого времени («Двадцать восемь панфиловцев», «Девятаев», «Собибор», «Праведник», «Движение вверх» и т.п.).

Эстетизация истории и историческая правда

Надо сказать, что для советского исторического кино всегда было характерно стремление к верности историческим деталям, нередко доходившее до скрупулезного воспроизведения событий. Если, допустим, казачья посадка отличалась от общекавалерийской, то

именно так, по-казачьи, и никак иначе, должны были у С.А. Герасимова держаться в седле герои «Тихого Дона». И мундирный прибор у них должен в точности соответствовать тому, какой был установлен именно для данного казачьего войска. В этом заключалось одно из важных условий соответствия художественной правды правде исторической.

Вторжение иностранного капитала и иностранных вкусов в отечественную киноотрасль в конце перестройки и в начале гайдаровских реформ едва не разрушило эту традицию (наряженные в соломенные канотье казаки и простоволосые замужние казачки в городских платьях – своего рода апофеоз внеисторичности и дурного вкуса), но, к счастью, этой тенденции удалось противостоять. Более того, в последнее время можно говорить о дальнейшем развитии отечественной традиции художественной правды, в частности, о формировании тенденции к эстетизации русского народного и государственного быта, включая Московскую Русь, которая, надо признать, привлекла к себе внимание только в последние годы. Следует напомнить прекрасно воссозданные интерьеры во многих российских исторических сериалах последних лет, замечательные работы некоторых художников по костюмам, в особенности Н. Салтыковой («София», «Грозный», «Годунов», «Романовы», «Шалапин» и др.). Эти работы естественным образом вызывают эмоцию незаинтересованного любования, которую И. Кант считал главным признаком эстетического восприятия.

Тенденция эстетизации способствует более глубокому, чем это было характерно для советского времени, пониманию природы российской государственности и государственной идентичности, пониманию, которое приобрело смысловую связь с контекстами культуры и цивилизационным измерением истории. Для примера сравним образ Ивана Грозного в трактовке С.М. Эйзенштейна и на современном российском экране. С одной стороны – величественный образ демиурга нового великого царства, с другой – сложная ренессансная личность, в которой макиавеллизм и склонность к тирании противоречиво уживается с фаустовским началом, а образованность и искреннее увлечение просвещением – с характерным для титанизма эпохи Возрождения оргиастическим эпикурейством [Цыркун 2009]. Надо заметить, что любование по самой природе своей – неторопливый процесс, медленная эстетика.

Здесь возникает серьезная проблема различий в поколенческих субкультурах – различий, которые могут перерасти в социокультурные разрывы. Социологические исследования показывают, что российская молодежь, по крайней мере до 25–26 лет, воспринимает как историю, так и будущее России несколько иначе, чем среднее и старшее поколение [Андреев, Андреев, Слободенюк 2022]. По пересечении указанного возрастного порога межпоколенческие различия сглаживаются, но для самой младшей возрастной когорты они очень актуальны. Это касается и особенностей эстетического восприятия: нетрудно заметить, что медленная эстетика молодежи не подходит, и не секрет, что исторические сериалы смотрят в подавляющем большинстве телезрители старшего поколения. Возникает общественно значимая социокультурная проблема, требующая решения, в том числе путем поиска новых художественно-эстетических форматов, которые позволили бы сблизить опыт разных поколений на общей основе исторической правды. Есть, однако, сомнения в том, что эта задача достаточно ясно осознана и тем самым в полной мере подготовлена для творческой разработки.

Не обращаясь к данной проблеме во всей ее полноте и противоречивой сложности, отметим один ее важный аспект – необходимость возможно более полно использовать эстетический потенциал многовековой русской истории и, соответственно, преодолеть застарелую ее дезэстетизацию, которая не обошла и художественную практику. Об этом в свое время писал Н.М. Карамзин: «Говорят, что наша история сама по себе менее дру-

гих занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Русских, но и чужестранцев...» [Карамзин 1984].

Призыв знаменитого историка не остался неслышанным: с конца 1820-х гг. на основе принципа народности происходит становление русского исторического романа, формируются так называемый русско-византийский и вслед за ним неорусский стиль в архитектуре, а несколько позже приходит пора расцвета русской исторической живописи и оперы. Безусловно, советская эпоха внесла свой вклад в художественную разработку исторической темы и конструирование исторически обоснованной идентичности. Та модель идентичности, которую эстетически оформляло советское искусство, имела достаточно солидную историческую составляющую с опорой на разработанную советскими марксистами концепцию развития России начиная с Киевской Руси. Надо заметить, что советская идентичность, имея под собой некоторое общее основание, отнюдь не была единообразной; ее дифференциация часто проявлялась именно как различия в эстетической маркировке тех или иных жизненных стилей, эпох и исторических персонажей. Скажем, в деревенской прозе или в фильмах В.М. Шукшина эстетически маркированы иные смысловые аспекты идентичности, чем в городском романе, и уж тем более в программной литгазетовской статье А.Н. Яковлева «Против антиисторизма» 1972 г.

Советский исторический нарратив и российская идентичность

За несколько десятилетий совместное влияние школы, экрана, литературных произведений, а также монументального искусства прочно закрепило в общественном сознании образы и понятия советского исторического нарратива в различных его вариантах. По сути, они и сегодня во многом определяют культурно-психологический фон современной российской идентичности и парадигмы национального самосознания. Однако в какой мере такое положение вещей соответствует вектору развития России как государства-цивилизации?

Этот вопрос не преследует цель подвергнуть советскую реконструкцию хода истории разоблачительной критике. В конце концов любое отражение действительности в мышлении неполно и не охватывает всего ее многообразия, а социальные и исторические представления подвержены, кроме того, не всегда вполне осознаваемым идеологическим искажениям, и советский нарратив в этом отношении отнюдь не исключение. Вопрос в другом – в сопряжении концептуальных схем, выстраиваемых мышлением, в формировании активной исторической субъектности и соответствующей идентичности. Говоря проще, речь идет о понимании интегральной сути момента и вытекающем отсюда целеполагании, которое задает, помимо прочего, эстетические установки и общий вектор творческой деятельности.

Понятно, что тенденции, определяющие интегральную социально-историческую ситуацию, сегодня совсем иные, чем в советское время, не исключая и его завершающего периода. Вскоре после самоликвидации СССР и советского блока известный американский политический аналитик С. Хантингтон предсказал смещение фронта политических противоречий и социальных конфликтов к линиям, разделяющим различные цивилизации. Идентичность на уровне цивилизации становится все более важной [Хантингтон 1994]. И хотя главная мысль Хантингтона о грядущем тотальном конфликте цивилизаций оказалась чересчур прямолинейной, дальнейший ход событий показал, что цивилизационные различия действительно начинают играть ведущую роль в архитектонике формирующе-

гося на наших глазах будущего. Видимо, следует смягчить предложенную Хантингтоном формулировку: речь должна идти не о конфликте, а о *самоопределении* цивилизаций, включая их функциональную специализацию [Андреев 2015].

Похоже, российские политические элиты методом проб и ошибок пришли к аналогичным выводам. Во всяком случае в последнее время мы наблюдаем целый ряд последовательных шагов, направленных на укрепление российской идентичности, причем не только как непосредственного стихийного чувства, но и в форме понимания исторически определенных особенностей России как государства-цивилизации. В частности, с 2023/2024 учебного года в вузах страны был существенно расширен курс истории и введен новый учебный предмет «Основы российской государственности». Благодаря популярным масштабным выставочным проектам (Исторические парки «Россия – моя история», Международная выставка-форум «Россия» и др.) активно формируется и наглядно-образный компонент идентичности. Использование в экспозициях произведений изобразительного искусства наделяет выставочные форматы яркой и выразительной эстетической составляющей. Тем не менее это все же эстетика статичных образов, а для того, чтобы одушевить и раскрасить событийно-процессуальную сторону истории, нужна эстетика действия, то есть прежде всего театр и кино, а также другие экранные искусства.

Однако экранные искусства довольно сильно отстают от изменения общественного интереса. Да, в эстетике исторического фильма в последние четверть века наметился заметный прогресс, расширился тематический и жанровый диапазон исторических фильмов и телесериалов, хотя остались значительные лакуны. Они охватывают ключевой для понимания всей новейшей российской истории период, когда в России началось формирование индустриального общества, а сама она превращалась в своего рода несущую конструкцию евразийского геополитического пространства (хартленд). Конечно, представить в художественных образах золотой век Елизаветы или Екатерины, снять романтическое кино о фаворитах великих императриц – задача в чисто эстетическом плане более простая, а с точки зрения привлечения массового зрителя более благодарная, чем художественно осмыслить, к примеру, деятельность Николая I или Александра III. Еще сложнее становится задача, когда речь идет о последнем российском императоре Николае II – фигуре внешне, конечно же, не столь импозантной, как его отец и прадед, но в то же время, на наш взгляд, не только психологически весьма интересной, но и объективно недооцененной. Достаточно сказать, что именно при нем Россия, наряду с США, стала мировым лидером по темпам развития системы образования (как, впрочем, и по ее качественным характеристикам) [The Transformation... 1982, 12–18]. Безусловно, в образах императорской России последних десятилетий ее существования можно найти предмет эстетического любования: вспомним, к примеру, какое сильное эмоциональное впечатление на великого В.И. Сурикова произвел богатырски величественный облик Александра III. Исключительный эмоциональный отклик вызывали неорусский стиль, эстетика всероссийских художественно-промышленных выставок, воспетое на полотнах Б.М. Кустодиева и фотографиях С.М. Прокудина-Горского широкое многоцветье народной жизни. Все это огромный, но лишь эпизодически используемый в наших экранных произведениях эстетический ресурс, позволяющий объемно, стереоскопически представить себе реальную российскую повседневность последних десятилетий существования империи.

Мы видим здесь социокультурную проблему, причины которой было бы полезно понять. Очевидно, что немалую роль в данном случае играет инерция стереотипов, сформированных в русле официально принятой в советское время трактовки отечественной истории. Николай I? Ну, понятно: «Николай Палкин», «царь с зимними глазами», безжалостно расправился с такими светлыми, романтическими молодыми людьми – дека-

бристами, а заодно ещё с петрашевцами и Тарасом Шевченко, пытался соблазнить жену Пушкина и едва ли не сам подстроил его роковую дуэль, насаждал шагистику и шпицрутены, преследовал свободомыслие, из жизни же ушел, потерпев сокрушительное поражение в Крыму. Александр II? Да, провел уже назревшие реформы, но как бы нехотя, да и основную выгоду от этого получили только помещики. Александр III? Ограниченный субъект, националист и реакционер («контрреформы» и т.д.). О Николае II и говорить нечего – ничтожная личность, только и знал, что стрелять по воронам, а страну упустил. Примерно в том же духе, за единичными исключениями, оценивался и вклад государственных деятелей России XIX – начала XX в. Между тем обаяние империи последних десятилетий ее существования – объективный факт, и, как ни парадоксально, ее привлекательный образ даже трансформировался в значимый фактор мягкой силы СССР. Известный польский историк русской философии А. Валицкий, хорошо знакомый с англоязычной интеллектуальной средой, отмечал, что почти для всего принимавшего активное участие в идеологических битвах холодной войны старшего поколения западных советологов было характерно своеобразное ретроспективное русофильство, которое выражалось в стремлении освободить историческую Россию от коммунизма [Переписка... 2022]. Вопрос об эстетическом восприятии «обаяния империи» И.В. Сталиным и некоторыми его соратниками пока открыт.

Вместе с тем изображение истории пореформенной, предреволюционной, да и послеоктябрьской России осложнено крайней противоречивостью происходивших в то время социальных процессов, противоречивостью, которая в конечном счете приняла трагический характер. В данном случае возникает ситуация, когда этически и эстетически привлекательными могут быть разные (а порой и все) стороны трагических конфликтов, и потому к ней совершенно не подходят одномерные оценки противоборствующих сил, тем более что и фронты противостояния постоянно менялись. Представить такую сотканную из подвижных противоречий реальность, не погрешив против исторической и художественной правды, можно, видимо, только дистанцируясь от пронизанной трагическими противоречиями реальности. Речь идет о возрождении традиций масштабного эпического реализма, примеры которого дает творчество классиков отечественного кино – С.А. Герасимова, С.Ф. Бондарчука, Г.Л. Рошаля. Заметим, кстати, что потенциал этого метода художественного осмысления остро проблемных исторических явлений и событий подтверждает опыт современного китайского кино – в особенности творчество одного из самых известных китайских кинорежиссеров Фэн Сяогана.

Ныне, по крайней мере в «респектабельной» части интеллектуального пространства, сформированный в советское время образ старой России стал восприниматься как анахронизм. Да и в массовом сознании явно намечился пересмотр вклада последних российских императоров в развитие страны – их роль оценивают не ниже, чем советских лидеров, не исключая В.И. Ленина [Историческое сознание... 2022]. Однако одно дело отринуть очевидно тенденциозные стереотипы и совсем другое – создать в противовес им совершенно новый по эстетической модальности образ. Для этого нужно преодолеть психологический барьер, что требует не только неординарных творческих усилий, но и интеллектуальной смелости, поскольку в преодолении привычного часто срабатывает некое внутреннее торможение, провоцирующее неуверенность в себе.

Пока в экранных искусствах, театре, а в значительной степени и художественной литературе (если только не принимать во внимание литературные биографии из серии ЖЗЛ) этот барьер все еще не преодолен, что препятствует художественному освоению истории Российского государства-цивилизации как целостного процесса, этапы которого связаны отнюдь не только логикой диалектического снятия определенного качества (от тезиса к

антитезису), но и логикой преемственности (наличие такого типа связи, кажется, не в полной мере осознавали Гегель и Маркс). Без такого освоения отечественной истории на всем ее протяжении, без эстетической эмпатии, которая распространялась бы и на противоречивый период поздней империи, трудно в полной мере рассчитывать на формирование чувства сопричастности стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андреев А.Л. (2015) Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 139–147.
- Andreev A.L. (2015) Specialization of civilizations and attractors of world development. *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no. 1, pp. 139–147.
- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. (2022) Представления россиян о будущем России // *Социологические исследования*. № 10. С. 49–61.
- Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. (2022) Representations of Russians about the future of Russia. *Socis*, no. 10, pp. 49–61.
- Зябликов А.В. (2022) Формирование советской идентичности средствами отечественного кинематографа в 1920-е – 50-е гг.: к постановке проблемы // *Вестник Костромского государственного университета*. Т. 28. № 3. С. 52–62.
- Zyablikov A.V. (2022) The formation of Soviet identity by means of domestic cinema in the 1920s – 50s: towards the formulation of the problem. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 28, no. 3, pp. 52–62.
- Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (2022). М.: Весь мир. 248 с.
- Istoricheskoe soznanie rossiyan: ocenki proshlogo, pamyat', simvoly* [The historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols] (2022). M.: Ves mir. 248 p.
- Карамзин Н.М. (1984) Письма русского путешественника. Л.: Наука. 718 с.
- Karamzin N.M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka. 718 p.
- Переписка Анджея Валицкого и М.А. Маслина (2022) // *Историко-философский альманах*. Вып. 7. М.: Изд. Воробьев А.В. С. 159–200.
- Perepiska Andzheya Valickogo i M.A. Maslina [Correspondence of Andrzej Walicki and M.A. Maslin] (2022). In: *Historical and philosophical Almanah*. Is. 7. Moscow: Ed. Vorobyov A.V. Pp. 159–200.
- Флигстин Н., Макадам Д. (2022) Теория полей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 462 с.
- Fligstin N., Makadam D. (2022) *Teoria poley* [Theory of fields]. Moscow: Vysshaya Shkola ekonomiki. 462 p.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций? // *Полис*. Политические исследования. № 1. С. 33–48.
- Huntington S. (1994) Clash of Civilizations? *Polis*, no. 1, pp. 33–48.
- Цыркун С. (2009) «Очень приятно, царь». «Иван Грозный», режиссёр Андрей А. Эшпай // *Искусство кино*. № 5. (<https://old.kinoart.ru/archive/2009/05/n5-article9>).
- Tsyркun S. (2009) “Very nice, tsar”. “Ivan the Terrible”, directed by Andrey A. Eshpai. *Iskusstvo kino*, no. 5. (<https://old.kinoart.ru/archive/2009/05/n5-article9>).
- The Transformation of Higher Learning. 1860–1930* (1982) / Ed. by K. Jarausch. Stuttgart: Klett-Cotta. 375 p.

Информация об авторах

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор НИУ МЭИ. Адрес: Россия, 109544, Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1. E-mail: Sympathy_06@mail.ru

Кузнецова Татьяна Викторовна, доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Россия, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корпус 4. E-mail: 89163805403@mail.ru

About the authors

Andrey L. Andreev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center in Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, National Research University, Moscow Power Engineering Institute. Address: Building 1, B. Andronyevskaya, 5, Moscow, 109544, Russia. E-mail: Sympathy_06@mail.ru

Tatyana V. Kuznetsova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Philosophical Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University. Address: Building 4, Lomonosov prospect, 27, Moscow, 119234, Russia. E-mail: 89163805403@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.01.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 01.08.2024

УДК 32.019.51

DOI: 10.31857/S0869049924050061
EDN: JUSYEV

Оригинальная статья / Original article

Детективные сюжеты кроссмедийных нарративов политических новостей («дело Скрипалей»)

© Н.К. РАДИНА, М.О. АНДРИЯНОВА

Радина Надежда Константиновна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, (Нижний Новгород, Россия), rasv@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-8336-1044

Андриянова Мария Олеговна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия), marya.andrijanowa@yandex.ru

Исследование посвящено детективным нарративам российских и британских СМИ о «деле Скрипалей». В качестве методологической основы используется понимание политических новостей в контексте теории повестки дня, трактовка массмедийного дискурса как кроссмедийного нарратива и фрейм литературного детектива (для анализа кейса шпионского детектива). Цель – охарактеризовать особенности фреймирования кроссмедийных детективов о политических событиях в СМИ России и Великобритании и нарративную форму медиавоздействия. Материалы исследования – 1510 русскоязычных текстов и 588 англоязычных текстов, идентифицированных по ключевым словам (март–декабрь 2018 г.). В качестве инструмента анализа использована частотность словоупотреблений. Показано, что в российских СМИ доминирует ставка на документальность, а британские массмедиа излагают новостные нарративы, согласующиеся с фреймами литературных шпионских детективов. Сделан вывод, что медиафрейминг, используемый британскими СМИ, активизирует литературную рецепцию читателя политических новостей, вовлекает в шпионскую историю. Подчеркнуто, что в информационной конкуренции российских и зарубежных СМИ российским массмедиа необходимо выработать такие стратегии производства новостных нарративов, которые, не теряя документальности, оказались бы более привлекательными в сравнительном контексте.

Ключевые слова: массмедиа, российские СМИ, британские СМИ, политические новости, пропаганда, медиафрейминг, кроссмедийный нарратив, фрейм детектива

Цитирование: Радина Н.К., Андриянова М.О. (2024) Детективные сюжеты кроссмедийных нарративов политических новостей («дело Скрипалей») // Общественные науки и современность. № 5. С. 72–85. DOI: 10.31857/S0869049924050061, EDN: JUSYEV

Detective Stories of Cross-media Narratives of Political News (the “Skripal case”)

© N. RADINA, M. ANDRIYANOVA

Nadezhda K. Radina, Department for General and Social Psychology, Faculty of Social Sciences; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University (Nizhny Novgorod, Russia), rasv@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-8336-1044

Maria O. Andriyanova, Faculty of Humanities at the National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russia), marya.andrijanowa@yandex.ru

Abstract. The study analyzes detective narratives in Russian and British media about the “Skripal case.” The methodological basis is the understanding of political news in the context of agenda theory, the interpretation of mass media discourse as a cross-media narrative and the frame of a literary detective (to analyze the case of a spy detective story). The aim is to characterize the framing features of cross-media detective stories about political events in the media of Russia and the UK and the narrative form of media influence. The research materials included 1,510 Russian-language texts and 588 English-language texts identified by keywords from March to December 2018. The frequency of word usage was applied as an analysis tool. As a result, it was found that the Russian media is dominated by a focus on “documentary”, while the British mass media present news narratives consistent with the frames of literary spy detective stories. It is concluded that media framing used by the British media activates literary reception, the imagination of the reader of political news, and involves him/her in the spy story. It is emphasized that in the information competition of Russian and foreign media, Russian mass media need to develop strategies for the production of news narratives which could be more attractive in a comparative context without losing factuality and connection with reality.

Keywords: mass media, Russia, media, UK, political news, propaganda, media framing, cross-media narrative, detective frame

Citation: Radina N.K., Andriyanova M.O. (2024) Detective Stories of Cross-media Narratives of Political News (the “Skripal case”). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 72–85. DOI: 10.31857/S0869049924050061, EDN: JUSYEV (In Russ.)

Ресурсы массмедиа как инструмента в управлении большими группами, массами являются ключевым фактором жизнедеятельности демократического общества. Если авторитарные режимы, используя принуждение физическим насилием, имеют широкую линейку инструментов воздействия на население, при демократических режимах необходимо профессионально владеть меньшим количеством инструментов, опираясь на убеждение, а не силовое принуждение [Alves 2014], то есть «брать не числом, а умением».

Цифровизация медиа, технологически изменившая массмедийный ландшафт, не только сформировала «новые медиа» (блоги, социальные сети и т.п.), но и изменила «старые»: в настоящее время все печатные СМИ, как правило, имеют цифровые площадки, формируют смешанные стратегии донесения информации до читателей. Изменились формы медийного информирования, а вместе с этим система понятий для означивания новой реальности. К. Молони представляет новые понятия, характеризующие изменения медийного пространства, в виде формул [Moloney 2014]:

- мультимедиа – одна история, много форм, один канал;
- кроссмедиа – одна история, много каналов;
- трансмедиа – один мир историй, много историй, много форм, много каналов.

Изменились требования к характеру информационного воздействия. В исследованиях и в информационной практике в отношении медийного материала все чаще используют термин «нарратив» для обозначения целенаправленной аффективной формы общения. Нарративы содержат истории, акторов, сцены для воспроизводства культурной самобытности сообщества, «конструируют реальность» [Maggs, Chabay 2022] и состоят из трех компонентов: (1) сообщения, передаваемого посредством повествования, истории; (2) особенностей подачи материала (как рассказывают, о чем умалчивают), (3) силы резонанса и значимости, которую нарративы занимают в представлениях получателей [Helgeson, Glynn, Chabay 2022]. Нарративы вообще и медийные нарративы в частности в исследованиях предстают как материал для репрезентации идентичности индивидов и групп [Heersmink 2020], поэтому они не просто информируют читателей медиа, а «работают» на поле мы-идентичности общества.

Медийные новостные нарративы: медиафрейминг и литературная рецепция

Ежедневные новости в СМИ изменили представление о новостях как о чем-то случайном, трансформировали восприятие новостей в контексте профессиональных компетенций журналиста, сформировали правила создания новостей [Алгави, Кадырова, Рахторгуева 2017]. Новости стали очередным инструментом конструирования окружающей реальности и в этом контексте – инструментом пропаганды. Опираясь на модель Хермана–Хомского в понимании пропаганды [Pedro-Carajana, Broudy, Klaehn 2018], производство новостей в медиа можно рассматривать как способ развлечения и отвлечения от политической активности, как способ предложить интерпретацию реальности, объединяющую общество в консенсусе, предотвратить социальные кризисы и недовольство [Радина 2023].

С точки зрения действенности пропаганды в СМИ создается не просто новостной дискурс как языковое пространство коммуникации (продукт речевой деятельности и тематический коммуникативный контекст) [Добросклонская 2017], а непрерывно производятся новостные нарративы (истории), способные интегрироваться в идентичность получателей новостей и формировать их картину мира (отвлекать или мобилизовать в контексте политических задач).

В обзорных статьях о медиаисследованиях нарративный подход («сторителлинг» – рассказывание историй) и медиафрейминг рассматривают как независимые способы медиавоздействия [Сарна 2020], однако, по сути, любая история (любое повествование) выстраивается по особым правилам, то есть имеет в основе некую схему (фрейм), создается по правилам фреймирования истории. В литературоведении фреймирование находится в исследовательском фокусе, когда речь заходит о правилах создания литературных произведений различных жанров, например, детективов [Флистова 2007]. Таким образом, литературный детектив можно рассматривать и с точки зрения нарративного подхода (как историю о преступлении и наказании), а также в контексте фрейм-анализа – как художественный текст, созданный по определенным правилам.

Детективы, однако, не только литературные истории. Новостные СМИ практически без остановки создают медийные нарративы о расследованиях, преступлениях, шпионских скандалах. Фигурантами медийных детективов в разное время становились известные лица, так или иначе связанные с политикой: журналист Дж. Ассанж, семья Скрипалей (С. Скрипаль – бывший сотрудник ГРУ), бывший сотрудник ЦРУ Э. Сноуден, экс-президент Франции Н. Саркози, экс-президент США Д. Трамп и т.д. При этом медийные детективы в СМИ – это типичные кросс-медийные нарративы, когда история о расследовании оказывается распределенной и во времени, и по различным медиа.

Читатели медиа, вовлеченные в наблюдение за тем, как разворачивается история медийного расследования и повествования, включены в литературную рецепцию – феномен, объясняющий, как читатель интерпретирует и понимает читаемый художественный текст [Эко 2005]. Знакомый с фреймом детектива по художественной литературе получатель новостей считывает и интерпретирует новости-детективы, ищет дополнительную информацию, создавая в воображении (на основе реальных событий из новостей) художественный образ «реальной политики». Можно предположить, что захватывающее фантазию получателя новостей изложение детективного повествования является идеальным продуктом в контексте медиа-пропаганды, поскольку, создавая воображаемую реальность политических драм, СМИ трансформируют героев детективов (как бы превращая реальных людей в литературных персонажей).

Цель данной статьи – охарактеризовать особенности фреймирования кроссмедийных детективов о политических событиях в СМИ России и Великобритании, а также обсудить возможный потенциал нарративной формы кроссмедийного медиавоздействия.

Методы и методология исследования

В качестве политических новостей в данном исследовании понимаются тематические публикации, касающиеся любых аспектов политической жизни (внутриполитической или внешнеполитической), которые СМИ считают наиболее значимыми на момент их обнародования в контексте теории «установления повестки дня» [Гуо, Тьен, МакКомбс 2019]. Убедительность политических новостей достигается путем обращения к нарративной форме, то есть к созданию «медийных историй» о событиях в новостях.

Проведение сравнительного анализа при изучении медийных детективов предполагает выбор истории (нарратива), равноценно представленного в медийном дискурсе изучаемых стран. Для данного исследования (СМИ России и Великобритании) таким медийным нарративом стала история «отравления» семьи Скрипалей (Сергея, бывшего разведчика, и его дочери Юлии). Поскольку изучаемая детективная история распределена во времени и представлена на различных медиаплощадках, «история Скрипалей» служит примером кроссмедийного нарратива (детектива), а артикулированный статус «бывшего разведчика» как героя нарратива реконструирует внешнеполитический дискурс публикаций.

Инцидент, который вошел в массмедиа-историю как «дело Скрипалей», произошел 4 марта 2018 г. в Солсбери (Великобритания). Согласно версии британского следствия, бывший разведчик ГРУ, осужденный в РФ за государственную измену, полковник С. Скрипаль и его дочь Ю. Скрипаль подверглись воздействию нервно-паралитического вещества класса «Новичок»¹.

Теоретическая рамка исследования – фрейм-анализ в литературоведческом изложении (то есть как фрейм-анализ детективного повествования) [Ермоленко 2015, Лесков 2005]. Фрейм литературного детектива является фрейм-сценарием, то есть содержит ролевой подфрейм и событийный подфрейм. Слоты ролевого подфрейма: сыщик, преступник, жертва и свидетель. Слоты событийного подфрейма: преступление, тайна, расследование и наказание [Флистова 2007].

Поскольку изучаемый кроссмедийный детектив репрезентирует расследование преступления, совершенного в отношении бывшего российского разведчика на Западе, при анализе материала принимались во внимание литературные каноны, связанные с шпионскими

¹ Евросоюз продлил санкции против россиян по «делу Скрипалей» // Известия. 14 октября 2019. (<https://iz.ru/931884/2019-10-14/evrosoiuz-prodlil-sanktcii-protiv-rossiian-po-delu-skripalei>).

детективами в художественной литературе, а именно акцент на образе политического врага (известного до расследования), заостренная этическая поляризация («мы» – хорошие, «они» – плохие) и обязательная победа над врагом («хэппи-энд») [Норец 2013].

Материалом исследования стали тексты массмедиа, доступные в цифровом формате в сети Интернет:

- русскоязычных российских цифровых и гибридных СМИ (1510 текстов, 371173 слов, 3079427 знаков), из 122 медиаисточников («Вечерние ведомости», «Москва–Баку.ru», «РБК Лента новостей», «РосБалт», «Татар-информ», «Aif.ru» и др.: коллекция текстов на основе ключевого слова «Скрипаль»);

- англоязычных британских цифровых и гибридных СМИ (588 текстов, 680363 слов, 4100613 знаков) из 41 медиаисточника («The Guardian», «CNBC», «Economist», «Global News» и др., коллекция текстов на основе ключевого слова «Skripal») за период с марта по декабрь 2018 г.

Инструменты сбора и анализа эмпирики – методы корпусной лингвистики, в качестве основного инструмента анализа применялась частотность словоупотреблений с использованием индекса *ipm* (Instances per Million – количество употреблений на миллион слов), на базе программного обеспечения Python, AntConc и Microsoft Office Excel.

Исследование, опирающееся на методы компьютерной лингвистики, было спланировано в русле количественного подхода. Так, для анализа использовалось не любое упоминание какого-либо факта в тексте, а исключительно распространенное упоминание, то есть в качестве материала для анализа выступали лексемы, обладающие высокими показателями *ipm* (высокий *ipm* указывает на то, что частотная лексема встречается в доминирующем большинстве текстов).

В ходе исследования на основе программного обеспечения AntConc в массиве текстов (две коллекции текстов – русскоязычная и англоязычная, сформированные на основе ключевого слова «Скрипаль»/«Skripal») была подсчитана частотность всех лексем (частотность словоупотребления). Далее анализировались только лексемы с частотностью *ipm* выше значений, представленных в НКРЯ² (Национальный корпус русского языка). Среди частотных лексем в каждой коллекции были отобраны те, которые соответствовали элементам ролевого подфрейма (сыщик, преступник, жертва и свидетель) и событийного подфрейма (преступление, тайна, расследование и наказание). Результаты классификации представлены в сравнительных таблицах и проанализированы.

Было высказано предположение, что российские и британские СМИ, создавая детективные нарративы, могут воспроизводить литературный канон детектива, то есть в кросс-медийных нарративах (как в российских, так и британских СМИ) при помощи инструментов корпусной лингвистики можно идентифицировать релевантный лингвистический материал и реконструировать фрейм-сценарий литературного детектива (с ролевым и событийным подфреймами).

Детектив о Скрипалях в российских и британских массмедиа

Литературный канон детектива, прежде всего непосредственно фрейм детектива, и в ролевой, и в событийной логике, на первый взгляд, механистично отражает преступление и расследование с точки зрения социальной реальности. Преступник, жертва, свидетель и сыщик – набор основных ролей в социальном фрейме преступления и в писательском детек-

² Национальный корпус русского языка: (<https://ruscorpora.ru/>).

тиве. Однако событийная логика отличает социальный фрейм от литературного канона в художественной литературе. Для социального фрейма событийный подфрейм – преступление, расследование и наказание, а литературный событийный подфрейм детектива включает как обязательный компонент еще и «тайну» (конкретизированную в описании психологии преступника, его мотивов и особенностях планирования преступления) [Флистова 2007].

Таким образом, согласно литературному фрейму, событийная канва детектива должна выстраиваться в логике: преступление – тайна – расследование – наказание. Что касается кроссмедийных нарративов в России и Великобритании, то литературный фрейм детектива российские массмедиа воспроизводили условно (документальность истории в российских СМИ больше соответствовала не литературному детективу, а описанию полицейского расследования).

Слот «Преступление», который раскрывал события, связанные с покушением (через «отравление») на семью бывшего разведчика Скрипаля, для российских СМИ включал тексты за март (с 5 марта по 12 апреля 695 публикаций о покушении). Британские СМИ собственно о покушении писали в первой половине марта (с 5 по 14 марта 97 публикаций о покушении), а во второй половине марта перешли к обвинениям, не подкрепленным расследованием (с 15 марта по 23 мая 228 публикаций с обвинениями до расследования).

Активность в обвинениях до расследования со стороны британских медиа раскрывала медийные действия с обсуждением мотивации и интереса Российской Федерации к данному «отравлению» (британские СМИ использовали факт покушения для реконструкции образа коварного врага в лице России), отражая такой слот литературного детектива, как «Тайна».

Слот «Расследование» представлен российскими публикациями о всех этапах расследования (собственно о расследовании с 13 апреля по 1 июля 388 публикаций; о показаниях свидетелей с начала июля до начала сентября – 177 публикаций и 208 статей с начала сентября до начала декабря о подозреваемых). В британских СМИ с конца мая до начала декабря расследование представлено в 240 публикациях (116 текстов вообще о расследовании и 124 текста конкретно о подозреваемых-отравителях – российских гражданах А. Петрове и Р. Боширове).

Слот «Наказание» в изучаемой версии медийного детектива как самостоятельный слот представлен не был, поскольку обвинение и наказание российскому государству британская сторона вынесла до окончания расследования: летом 2018 г. в России и в Великобритании появились публикации, разъясняющие, что по итогам «дела Скрипалей» против РФ со стороны США и Великобритании были введены санкции. Иначе говоря, в медийном детективном нарративе слот «Наказание» был наложен на слот «Расследование» (наказание объявлено до окончания расследования). Позднее, в 2019 г., пакеты санкций обновлялись и дополнялись, а их мишенью стало российское государство в целом.

Подобная этическая поляризация и лишение презумпции невиновности обвиняемой стороны свидетельствует в пользу предположения, что «дело Скрипалей» (преимущественно в британских массмедиа) представлено по лекалам фрейма литературного детектива, точнее – шпионского детектива, характеризующегося этической поляризацией и реконструкцией образа врага.

Поскольку ролевой подфрейм для фрейма литературного детектива составляет важную часть общего фрейма, были реконструированы ролевые подфреймы на материалах российских и британских СМИ согласно списку возможных ролей в детективе (с учетом частотности словоупотреблений в текстах возможных претендентов на исполнение той или иной роли ролевого подфрейма). Логически они были объединены с этапами, поскольку в реальной жизни у слотов литературного фрейма детектива присутствует временная логика (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Реконструкция ролевого подфрейма в кроссмедийных нарративах-детektивах
на основе частотности словоупотреблений (ipm)**

Table 1

**Reconstruction of the role subframe in cross-media detective narratives
based on the frequency of word usage (ipm)**

Слоты и этапы	Российские массмедиа	Британские массмедиа
«Преступление»	Юлия [Скрипаль] (ipm 6345), Сергей [Скрипаль] (ipm 6328), британские [власти]/ [власти] Великобритании (ipm 1047), Российское [государство] (ipm 655), двоюродная [сестра] (ipm 393)	sergei [skripal] (ipm 1098), [theresa] may (ipm 996), [skripal] daughter (ipm 826), russian [state] (ipm 596), british [government] (ipm 212)
«Тайна»	–	sergei [skripal] (ipm 791), [theresa] may (ipm 754), yulia [skripal] (ipm 505), russian [state] (ipm 337), british [government] (ipm 274)
«Расследование» с элементами «наказания»	Сергей [Скрипаль] (ipm 5568), [Петров] и [Боширов] (ipm 4316), Виктория [Скрипаль] (ipm 2843), [дочь] Юлия (ipm 1912), британские [власти]/британская [сторона] (ipm 2145), Российское [государство] (ipm 961) [Владимир] Путин (ipm 491)	[sergei] skripal (ipm 988), [theresa] may (ipm 850), russian [state] (ipm 573), [alexander] petrov (ipm 498), [theresa] may (ipm 481), skripal daughter (ipm 443), [ruslan] boshirov (ipm 407), [charlie] rowley (ipm 318)

Источник: *составлено авторами*

Source: *compiled by the authors*

Анализ частотности словоупотреблений в разделенной на слоты/этапы коллекции текстов показывает, что основные роли в литературном детективе: преступник, жертва, свидетель, сыщик – в кроссмедийных детективах были представлены, однако не повторяют буквально логику художественных произведений.

Жертва «отравления» (точнее жертвы – С. Скрипаль и его дочь Юлия) наиболее активно фигурировали на этапе описания факта преступления (слот «Преступление»): Юлия [Скрипаль] (ipm 6345), Сергей [Скрипаль] (ipm 6328) в российских медиа и sergei [skripal] (ipm 1098), [skripal] daughter (ipm 826) – в британских.

На роль свидетелей в российских и британских СМИ были «назначены» разные лица. В российских СМИ «свидетелем» выступила родственница С. Скрипаля (представитель семьи), находящаяся на территории РФ: двоюродная [сестра] (ipm 393) (слот «Преступление»), Виктория [Скрипаль] (ipm 2843) (слот «Расследование»). Виктория как член семьи Скрипалей была доступна российским СМИ, однако находилась в России и фактически не была свидетелем «отравления». В британских СМИ свидетелями выступали выжившие «случайные жертвы» другого отравления ([charlie] rowley (ipm 318), слот «Расследование»). Фактически роли «свидетель» и «жертва» были смешаны, что придавало достоверности суждениям свидетелей независимо от того, что речь шла о другом преступлении.

Роль преступника также по-разному была разыграна в российских и британских кроссмедийных нарративах. В российских СМИ транслировалась версия с обвинением А. Петрова и Р. Боширова (лица со статусом то ли туристов, то ли разведчиков: [Петров] и [Боширов] (ipm 4316) (слот «Расследование»: примечательно, что эти две фигуры всегда представлялись в связке). В британских СМИ А. Петров и Р. Боширов фигурировали как

исполнители преступления, но также активно обвинялась «преступная российская сторона» как организатор преступления.

Роль сыщика в российских и британских СМИ была расписана по-разному, однако и в британских, и в российских СМИ шло расследование (что, например, обусловило активное включение в нарратив фигуры псевдосвидетелей в британских и представителя семьи Виктории Скрипаль в российских СМИ), то есть на роль сыщика претендовали сами массмедиа. Именно СМИ после собственных расследований опубликовали «подлинные имена» подозреваемых в «отравлении».

Кроме того, в кроссмедийном нарративе фигурировала роль обвинителя – нетипичная для литературного детектива. Эта роль особенно активно была представлена в историях британских СМИ (обвинения в адрес России звучали с британской стороны, кроме того, премьер-министр Великобритании в 2018 г. Тереза Мэй выступала за санкции в адрес РФ до окончания расследования). В российских СМИ обвинения опровергали, звучали претензии к Великобритании, скрывающей факты, выявленные при расследовании дела Скрипалей.

Таким образом, ролевой список литературного детектива в ключевых позициях (преступник, жертва, свидетель, сыщик) вполне угадывается в детективном кроссмедийном нарративе российских и британских СМИ, при этом роль сыщика (ведущего расследование) отчасти выполняют непосредственно СМИ. В то же время отличия между российскими и британскими медиа просматриваются в особенностях конструирования роли: российские массмедиа пытаются привлечь факты (например, в отсутствие доступа к материалам следствия привлекают родственников жертвы на территории России), а британские СМИ творят, конструируют повороты сюжета, опираясь в большей степени на фантазию, нежели факты (в роли свидетелей оказались жертвы другого преступления, которое СМИ без доказательств связали с «делом Скрипалей»). Нетипичной характеристикой фрейма детектива кроссмедийного нарратива (с точки зрения фрейма литературного детектива) является плавающая позиция слота «Наказание»: российское государство было обвинено до завершения расследования и «наказано» санкциями на этапе расследования. Кроме того, российские СМИ активнее британских транслировали версию с россиянами А. Петровым и Р. Бошировым в качестве подозреваемых (ipm у данных лексем в российском дискурсе значительно выше, что также трактуется в пользу поиска фактологичности), а в британских акцентирована фигура премьер-министра Терезы Мэй, поддерживающей санкции против России из-за «дела Скрипалей».

Событийный подфрейм задает логику описания событий преступления, расследования и наказания. Как и в случае с ролевым подфреймом, были выделены наиболее частотные лексемы, описывающие событийную канву детектива в российских и британских СМИ (табл. 2).

Согласно частотным лексемам, в российских СМИ обсуждалось место преступления в Солсбери (ipm 3508), орудие преступления (нервно-паралитическое [вещество]) (ipm 800), характер преступления: [были] отравлены (ipm 1386), состояние пострадавших (критическое [состояние]) (ipm 884). Эти ключевые элементы слота «Преступление» давали привычное представление о начале детектива – собственно о свершившемся преступлении.

Слот и этап «Расследование», согласно частотным лексемам в российских текстах, вновь реконструировал ситуацию преступления, а также содержал элементы, раскрывающие активность свидетелей (видеообращение [Юлии]) (ipm 905), [категорически] отрицает (ipm 1407), заранее написанный [текст] (ipm 583), а также последствия ([международный] скандал (ipm 607)). Таким образом, событийная канва российской версии детективного нарратива буквально повторяла события реального расследования.

Реконструкция событийного подфрейма в кроссмедийных нарративах-детektивах
на основе частотности словоупотреблений (ipm)

Table 2

Reconstruction of the event subframe in cross-media detective narratives
based on the frequency of word usage (ipm)

Слоты и этапы	Российские массмедиа	Британские массмедиа
«Преступление»	[в] солсбери (ipm 3508), нервно-паралитическое [вещество] (ipm 800), [были] отравлены (ipm 1386), критическое [состояние] (ipm 884)	chemical [weapons] (ipm 723), [alexander] litvinenko (ipm 459), [national] security (ipm 332), [counter] terrorism (ipm 306)
«Тайна»		chemical [weapons] (ipm 1498), nerve [agent attack] (ipm 432), russian [diplomats] (ipm 402), salisbury [attack] (ipm 380)
«Расследование» с элементами «Наказания»	[в] Солсбери (ipm 4401), [были] отравлены (ipm 2122), [категорически] отрицает (ipm 1407), видеообращение [Юлии] (ipm 905), [международный] скандал (ipm 607), заранее написанный [текст] (ipm 583)	[military] intelligence (ipm 772), chemical [weapons] (ipm 697), [two] suspects (ipm 340), [counter] terrorism (ipm 273), [organized] crime (ipm 249), novichok [poisoning] (ipm 240); wiltshire [police] (ipm 184)

Источник: *составлено авторами*
Source: *compiled by the authors*

В британских СМИ событийные элементы слотов реконструировали иное семантическое пространство. На этапе описания преступления (моделирование слота «Преступление») был реконструирован контекст, определены связи с отравлением (экс-сотрудника КГБ и ФСБ РФ Александра Литвиненко ([alexander] litvinenko (ipm 459), принципиально иначе был означен сам инцидент – как покушение на национальную безопасность Великобритании ([national] security (ipm 332) и государственный терроризм ([counter] terrorism (ipm 306) со стороны России (не обычное покушение на убийство). Нагнетая напряжение, в событийный контекст были включены «российские дипломаты» (russian [diplomats] (ipm 402), реконструирована ситуация нападения с химическим оружием (chemical [weapons] (ipm 1498), nerve [agent attack] (ipm 432). «Покушение» в британском нарративе стало частью эпической истории с героями – от пенсионеров в парке до чиновников, дипломатов и членов королевской семьи Великобритании.

Присутствие «Тайны» в британской версии нарратива мы связали с высокой частотностью в описаниях «атаки» с использованием неизвестного (таинственного) химического оружия, с частотным упоминанием российских дипломатов (как контекст «виновности» России). В русскоязычных текстах предложенная британцами история отражена без сохранения ярких деталей: российская сторона словно опровергает навет, но не предлагает свою версию детектива.

Этап, связанный с расследованием, и формальный слот «Расследование» наполнены элементами, типичными для шпионского детектива: поддерживается контекст терроризма со стороны РФ ([counter] terrorism (ipm 273), а именно использование химического оружия (chemical [weapons] (ipm 697), novichok [poisoning] (ipm 240) против Великобритании, контекст работы военной разведки ([military] intelligence (ipm 772) и полиции (wiltshire [police] (ipm 184), которая вышла на двух подозреваемых ([two] suspects (ipm 340).

Если российские массмедиа шли в фарватере документального детектива, следили за фактами, пытались создавать новостные события (например, обращаясь к участию родственников семьи бывшего разведчика), то британские СМИ конструировали параллельную реальность, не корреспондирующую с фактами, представляли историю сражения Великобритании с фантастическим террористическим государством, не просто детектив, а эпическую историю борьбы и победы.

На первый взгляд, и российские, и британские медиа, создавая детективную историю, как бы ориентируются на правила детектива, однако британский кроссмедийный детективный нарратив раскрывается именно как настоящее литературное произведение.

Обсуждение результатов: использование детективных сюжетов в массмедиа

В настоящее время интерес к медийным нарративам возрастает как в российском социо-гуманитарном поле [Качанов 2021, Шестеркина, Исмаилов 2019], так и среди зарубежных исследователей [Helgeson, Glynn, Chabay 2022, McCann, Sienkiewicz, Zard 2023], включая интерес к медийным нарративам по следам преступлений [Алгави, Волкова, Кадырова, Расторгуева 2019, Радина, Иakupova 2022]. В то же время понимание того, как формируются и существуют медийные нарративы, пока не отражает множество вопросов об их влиянии на читателей. Инструменты компьютерной лингвистики в изучении медийных нарративов используют, как правило, в контексте предметного поля компьютерной лингвистики [Stern, Tuckett, Smith, Nyman 2018], не определяя закономерностей с точки зрения социальной коммуникации. Однако кроссмедийные нарративы (современные носители ключевых общественных идей) невозможно продуктивно изучать вне методов компьютерной лингвистики – иначе не собрать релевантный эмпирический материал, распределенный по множеству медиа. Качественные методы в изучении массмедиа позволяют точно рассмотреть определенную проблему, однако не дают информацию о горизонтах медиакommunikации. Таким образом, медиаисследователям необходимо догонять опережающую социальную реальность, формировать междисциплинарные исследовательские команды, компетентные как в проблемах коммуникаций, так и в современных лингвистических методах.

Значимая проблема – восприятие читателями кроссмедийных нарративов. Получая из разных медиаисточников согласованную информацию, читатели медиа пропускают ее через индивидуальные матрицы литературной рецепции, увлекаются сюжетами новостей, вовлекаются в новостной мир как мир художественного вымысла. По-прежнему открытым остается вопрос относительно возможностей провокации литературной рецепции при погружении читателей в новостной нарратив. Медиапропаганда нуждается в управлении общественным мнением через конструирование нарративов, а следовательно, и в оценке продуктивности воздействия.

Результаты представленного исследования позволяют сравнить стратегии создания кроссмедийных нарративов о преступлениях (кроссмедийных детективных нарративов), используемые СМИ России и Великобритании. Как видим, это принципиально разные стратегии медиавоздействия.

В российских СМИ доминирует ставка на документальность и буквальное цитирование: значительное количество медийных площадок (в данном исследовании российских медийных площадок – 122, британских – 41) транслируют новости как пересказ фактов из других новостных источников. При этом стихийный кроссмедийный детективный нарратив отчасти строится по канонам литературного фрейма детектива, где СМИ выполняют роль сыщика: используют родственников жертв «отравления» (находящихся на момент преступления не в

Великобритании, а в России) и конструируют «объективность» с опорой на факты. Однако следование литературному канону в российских массмедиа – условное и схематичное. Высокие показатели ipm (Instances per Million – количество употреблений на миллион слов) для частотной лексики в изучаемых текстах свидетельствуют о единстве используемых языковых штампов. Кроссмедийный детективный нарратив российских СМИ претендует на фактологичность и цитирование, поэтому вторичен по отношению к реальности (пытается адекватно отразить реальность, а не создавать/конструировать ее).

Принципиально иначе построены кроссмедийные детективные нарративы в британских СМИ. В них более определенно просматривается фрейм литературного шпионского детектива, включая отсыл к тайне как важнейшему элементу художественного вымысла. Ключевые признаки фрейма шпионского детектива отражены в этических координатах, навязанных конструированием истории: с первых публикаций как бы включается опция «продолжение сериала», и история «дело Скрипалей» (сезон № X) связывается с другими вымышленными преступлениями, но главное – с обоснованием враждебного образа России. Британские СМИ не озабочены фактологичностью, творят вымышленную реальность не на доказательствах, а на случайных артефактах, которые вписывают в нарратив, воспроизводя литературные каноны. Поскольку речь идет о кроссмедийных нарративах (распределенных по разным массмедиа), то подобную стратегию нельзя считать мнением отдельного СМИ: более вероятно, она характеризует направленность журналистского сообщества и массмедийного производства в целом. Таким образом, гипотеза исследования в целом подтвердилась, однако британские массмедиа оказались более ориентированными на медиафрейминг по модели художественной литературы.

Проведенное исследование позволяет предположить, что российские массмедиа, многократно цитируя обвинения и фантазии британских медийных площадок, косвенно служат эффективности именно британской стратегии, а попытки фактологичного сопротивления выглядят недостаточно убедительно, поскольку художественная фантазия всегда привлекательнее стратегии реалистичной скромности. Подобная новостная конкуренция – вызов российской журналистике, которая пытается сохранить ориентацию на факты и проигрывает в практике создания новостного мира. Если же представить, что российская журналистика попытается скопировать стратегии британских СМИ (с их опорой на художественный вымысел), она окажется в ловушке вторичности, поскольку снова вместо того, чтобы создавать повестку, будет пытаться противостоять конкуренту, играя по чужим правилам.

Серьезный вызов российскому медиaprостранству в области производства кроссмедийных и трансмедийных нарративов – проблема не одного десятилетия. Ранее неудачные попытки в медийной конкуренции российских и американских СМИ были описаны на примере медиатрансляции экологической повестки [Radina, Bobkova 2021]. Без сомнения, российская журналистика, по-прежнему признавая роль фактов и документальности новостей, сформирует новую лидерскую позицию в конструировании новостного мира, однако в настоящее время, на наш взгляд, этот процесс далеко не завершен.

* * *

Временная дистанция, позволяющая интегрировать кроссмедийный «шпионский детектив» об «отравлении» бывшего разведчика С. Скрипаля и его дочери в общую логику репрезентации России в британских СМИ и Великобритании в российских массмедиа, заостряет проблему литературной рецепции при производстве новостей. Согласно результатам исследования, кроссмедийные нарративы, представляющие историю расследования (на примере «дела Скрипалей»), в организации материала согласо-

ются с литературными фреймами детективов, при этом российские медиа лишь отчасти воспроизводят литературную логику, а британские при конструировании новостей отрабатывают литературные каноны, воспроизводя правила создания шпионских детективов в художественной литературе. Читатели новостей британских СМИ оказываются вовлеченными в захватывающее действие, перенося представления о художественной реальности на новостные события.

В условиях информационной конкуренции российским массмедиа необходимо выработать такие стратегии производства новостных нарративов, которые, не теряя документальности и связи с реальностью, смогли бы оказаться более привлекательными для читателей в сравнении с зарубежными СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. (2019) Особенности нарратива «Дела Скрипалей» в телепрограмме «Вести недели»: анализ сюжетной схемы // Вестник МГУ: Серия 10. Журналистика. № 3. С. 62–83. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2019.6283>

Algavi L.O., Volkova I.I., Kadyrova Sh.N., Rastorgueva N.E. (2019) The narrative of the Skripals case in the “Vesti Nedeli” television program: an analysis of the story plot. *Moscow State University Bulletin: Series 10. Journalism*, no. 3, pp. 62–83. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2019.6283> (In Russ.)

Алгави Л.О., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. (2017) «Синий кит»: пять аспектов новостного нарратива // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». № 4. Т. 22. С. 660–668. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-4-660-668>

Algavi L.O., Kadyrova Sh.N., Rastorgueva N.E. (2017) The Blue Whale game: Five dimensions of news storytelling. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 4, vol. 22, pp. 660–668. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-4-660-668> (In Russ.)

Гуо Л., Тьен Ву Х., МакКомбс М. (2019). Расширенное представление об эффектах установления повестки дня. Изучение третьего уровня установления повестки дня // Коммуникации. Медиа. Дизайн. № 4(1). С. 62–83.

Guo L., Tien Vu H., McCombs M. (2019). An Expanded Perspective on Agenda-Setting Effects. Exploring the Third Level of Agenda Setting. *Communications. Media. Design*, no. 4(1), pp. 62–83. (In Russ.)

Добросклонская Т.Г. (2014) Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. № 13 (184). Выпуск 22. С. 181–187.

Dobrosklonskaya T.G. (2014) Mass media discourse as an object of scientific description // *Nauchnye ведомosti. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Gazette. Series: Humanities], no. 13 (184), is. 22, pp. 181–187. (In Russ.)

Качанов Д. (2021) Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Медиаальманах. № 3. С. 20–29. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.2029>

Kachanov D. (2021) Multimedia journalistic narrative: towards the definition of the concept. *Mediaal'manah*, no. 3, pp. 20–29. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.2029> (In Russ.)

Норец М. В. (2013) Шпионский роман как вариант детективного жанра в современном литературоведении // Культура народов Причерноморья. № 259. С. 138–149.

Norets M.V. (2013) The spy novel as a variant of the detective genre in modern literary criticism. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, no. 259, pp. 138–149. (In Russ.)

Радина Н.К. (2023) Медийные модели пропаганды: пандемия COVID-19 в русскоязычных СМИ с «другим мнением» // Polis (Russian Federation). № 4. С. 138–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.10>

Radina N.K. (2023) Media models of propaganda: the COVID-19 pandemic in Russian-language media with a «different opinion». *Polis*, no. 4, pp. 138–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.10> (In Russ.)

Сарна А.Я. (2020) Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. Вып. 2. С. 218–235. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.207>

Sarna A.Y. (2020) Technologies of influencing the audience in the modern media space. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 13, is. 2, pp. 218–235. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.207> (In Russ.)

Флистова Н.А. (2007) Структура и семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов). Автореферат диссертации ... к. филол. наук. Тюмень. 28 с.

Flistova N.A. (2007) *Struktura i semantika detektivnogo narrativa (na materiale tekstov anglijskih i russkih rasskazov)* [Structure and semantics of detective narrative (based on the texts of English and Russian stories)]. Theses of the dissertation. Tyumen. 28 p. (In Russ.)

Ермоленко И.И. (2015) Особенности структуры детективного фрейма Даниэля Пеннака // Альманах современной науки и образования. № 12 (102). С. 77–80.

Ermolenko I.I. (2015) Peculiarities of structure of Daniel Pennac's detective frame. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*, no. 12 (102), pp. 77–80. (In Russ.)

Лесков С.В. (2005) Лексические и структурно-композиционные особенности психологического детектива. Автореферат диссертации ... к. филол. наук. СПб. 28 с.

Leskov S.V. (2005) *Lexical and structural-compositional features of a psychological detective story*. Theses of the dissertation. St. Petersburg. 28 p. (In Russ.)

Шестеркина Л.П., Исмаилов А.Ю. (2019) Трансмедиа и журналистское образование: параметры взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 24. № 3. С. 544–553. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-544-553>

Shesterkina L.P., Ismailov A.Yu. (2019) Transmedia and journalistic education: parameters of interaction. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 24, no. 3, pp. 544–553. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-544-553> (In Russ.)

Эко У. (2005) Роль читателя: исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум. 502 с.

Eco U. (2005) *Rol' chitatelya: issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader: studies on the semiotics of text]. St. Petersburg: Symposium. 502 p. (In Russ.)

Alves A.M. (2014) Jacques Ellul's «Anti-Democratic Economy»: Persuading Citizens and Consumers in the Information Society. *TripleC*, vol. 12, no. 1, pp. 169–201.

Heersmink R. (2020) Narrative niche construction: memory ecologies and distributed narrative identities. *Biology & Philosophy*, no. 35(53), pp. 1–23. <https://doi.org/10.1007/s10539-020-09770-2>

Helgeson J., Glynn P., Chabay I. (2022) Narratives of sustainability in digital media: An observatory for digital narratives. *Futures*, no. 142 (103016). <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.103016>

McCann K., Sienkiewicz M., Zard M. (2023) The role of media narratives in shaping public opinion toward refugees: A comparative analysis. *Migration Research Series*, no. 72. International Organization for Migration (IOM), Geneva.

Maggs D., Chabay I. (2022) The algebra of the protagonist: sustainability, normativity and storytelling. *Innovation: the European journal of social science research*, no. 36(1), pp. 59–70. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2062304>

Moloney K. (2014). “Multimedia, Crossmedia, Transmedia...What's in a Name?” *Transmedia Journalism*, April 21. <https://transmediajournalism.org/2014/04/21/multimedia-crossmedia-transmedia-whats-in-a-name/>

Pedro-Carañana J., Broudy D., Klachn J. (eds.) (2018) *The Propaganda Model Today: Filtering Perception and Awareness*. London: University of Westminster Press. 305 p. <https://doi.org/10.16997/book27>

Radina N., Bobkova S. (2021) International obligations on atmosphere and climate protection in media-discurs: Propaganda models of Russian and US media. *Communication Today*, vol. 12, no. 1, pp. 130–147.

Radina N.K., Iakupova K.R. (2022) Media framing and media detectives construction: a case about corruption. *Communication Studies*, vol. 9, no. 4, pp. 800–816.

[https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(4\)](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(4))

Stern S.O., Tuckett D., Smith R.E., Nyman R. (2018) Measuring The Influencers. In: *The News Media's Narratives*. Ed. Brandes U., Reddy C., Tagarelli A. Proceedings of the 2018 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM), pp. 698–701.

<https://doi.org/10.1109/ASONAM.2018.8508540>

Информация об авторах

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, профессор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: rasv@yandex.ru

Андриянова Мария Олеговна, магистрант факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12. E-mail: marya.andrijanowa@yandex.ru

About the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Professor of the Institute of International Relations and World Politics, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. Address: Ulyanova st., 2, Nizhny Novgorod, 603005, Russia. E-mail: rasv@yandex.ru

Maria O. Andriyanova, Master's student at the Faculty of Humanities of the National Research University Higher School of Economics. Address: B. Pecherskaya st., 25/12, Nizhny Novgorod, 603155, Russia. E-mail: marya.andrijanowa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 18.08.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК: 346.26; 334.012

DOI: 10.31857/S0869049924050071
EDN: JUQJWJ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIAL AND ECONOMIC STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Женское предпринимательство в экономических и социологических исследованиях

© Ю.В. ТАРАНУХА

Тарануха Юрий Васильевич, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), yu.taranukha@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7578-874X

Развитие женского предпринимательства – потенциальный источник экономического роста. На основе анализа исследований раскрывается процесс осмысления экономистами и социологами женского предпринимательства. Цель работы – выявить специфику развития женского предпринимательства. Внимание фокусируется на двух основных вопросах: эволюция подходов к трактовке термина; выделение факторов, обуславливающих активность женщин в бизнесе. Установлено, что за внешней схожестью с мужским предпринимательством, активизация женского предпринимательства – свидетельство стремления к установлению гендерного равенства. Практическая значимость исследования состоит в выделении тех болевых точек, которые препятствуют развитию женского бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, женщины, Россия, мотивация, социология, экономическая наука, гендер

Цитирование: Тарануха Ю.В. (2024) Женское предпринимательство в экономических и социологических исследованиях // Общественные науки и современность. № 5. С. 86–97. DOI: 10.31857/S0869049924050071, EDN: JUQJWJ

Women's Entrepreneurship in Economic and Sociological Research

© Yu. TARANUKHA

Yury V. Taranukha, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), yu.taranukha@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-7578-874X

Abstract. The development of women's entrepreneurship is a potential source of economic growth. An analysis of research by economists and sociologists reveals the process of comprehending women's entrepreneurship. The aim is to identify the specifics of studying women's entrepreneurship. Attention is focused on the evolution of approaches to the interpretation of women's entrepreneurship and the identification of factors that determine its activity. The conclusion is that behind the external similarity with male entrepreneurship, the activation of women's entrepreneurship serves as evidence of the desire to establish gender equality. The practical significance of the article lies in the identification of obstacles that hinder the development of women's business.

Keywords: entrepreneurship, women, Russia, motivation, gender, economics, sociology

Citation: Taranukha Yu. (2024) Women's Entrepreneurship in Economic and Sociological Research. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 86–97. DOI: 10.31857/S0869049924050071, EDN: JUQJWJ (In Russ.)

Поворот в сторону женского предпринимательства

Большинство авторов (преимущественно женского пола) считает, что роль женщин в экономике сильно недооценена. Между тем почти 80% решений во всех секторах экономики принимают потребители-женщины, а их доля в производстве и в бизнесе постоянно растет¹. Тем не менее, ситуация кардинально меняется. Нобелевская премия по экономике за 2023 г. присуждена Клаудии Голдин за раскрытие роли женщин на рынке труда, которая с начала XX в. устойчиво увеличивается благодаря росту численности образованных женщин, распространению эффективных контрацептивных средств и общему изменению социальных норм. Утверждают даже, что знаменитые 3К – kinder, küche, kirche, (дети, кухня, церковь) – уже сменяются на 4Е – electricity, electronics, energy, engineering (электричество, электроника, энергетика, инженерия), – где особенно заметна активность женщин. Не осталось в стороне и предпринимательство. По мнению Р. Петерсон и К. Вермейера в конце XX в. состоялась «тихая революция в мировом масштабе, прошедшая по всем странам и континентам» [Peterson, Weiermair 1988], которая состояла в массовом проникновении женщин в сферу предпринимательства. И хотя женское предпринимательство имеет давнюю историю, научный интерес к нему возник в последнее время. В нынешнем тысячелетии его исследования настолько активизировались, что можно говорить о пристальном внимании к данной проблеме [Henry, Foss, Ahl, 2016; Jennings, Brush 2013]. Доказательством служат не только участвовавшие публикации, но и издание в 2021 г. специального выпуска Глобального мониторинга предпринимательства [Women's entrepreneurship... 2022], посвященного проблемам женщин в бизнесе.

¹ Швецова А. (2015). 8 новых исследований о женщинах в бизнесе. 01.12.2023. (<http://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/zhenshchiny-v-biznese/275281-8-novykh-issledovaniy-o-zhenshchinakh-v-bizne/photo/8>).

В Российской Федерации изучение женского предпринимательства началось существенно позже в силу отсутствия объекта анализа. Однако, интерес к нему фактически совпадает с ростом интереса к указанному явлению на Западе, т.е. в конце 90-х гг. XX в. [Римашевская, Сергеева, 1995; Бабаева, Чирикова 1996; Малютина 1997; Чирикова 1998; Тончу 1998; Барсукова 1999]. В новом тысячелетии проблема получает широкое признание не только среди исследователей, о чем свидетельствует множество работ по данной тематике, но и на уровне государственных институтов, что подтверждается созданием институций и программ, направленных на развитие женского предпринимательства.

Объяснение смещения акцентов сводится к ресурсному и предпринимательскому потенциалам, которыми располагают женщины [Foss et al. 2019; Noguera et al. 2013; Jakhar, Krishna 2020]. Указанные возможности могут оказать существенное положительное влияние на экономическое развитие в виде создания новых рабочих мест и роста ВВП [Bahmani-Oskooee et al. 2013; Уткина 2017], а также на сокращение бедности [Langowitz, Minniti 2007; Пиньковецкая 2019]. В настоящее время темпы развития женского предпринимательства опережают темпы развития мужского предпринимательства [Cardella et al. 2020]. Исследования показывают, что Канада, добившись гендерного равенства, может увеличить ВВП на 150 млрд долл. США². В Соединенных Штатах, например, в 2019 г. женщины открыли 28% новых предприятий, а в 2021 г. – 49%. В Великобритании женщины управляют почти 40% микропредприятий (менее 10 занятых)³.

Некоторые авторы связывают необходимость изучения женского предпринимательства не только с его ресурсной ролью, но и с потребностью выработать политику, которая устранила бы недостатки рынка, препятствующие женщинам в их стремлении стать предпринимателями и добиться успеха [Jakhar, Krishna 2020, 38]. Таким образом, интерес к женскому предпринимательству полностью укладывается в более широкое русло исследований, в рамках которых предпринимательство трактуется как определяющий фактор экономического роста и развития, особенно учитывая вероятность того, что ограниченность материальных ресурсов может обостриться. В этой связи ожидается, что женщины-предприниматели будут активизировать инновационную функцию предпринимательства [Jakhar, Krishna 2020, 38].

Еще более значима проблема женского предпринимательства в странах с низким уровнем экономического развития. Помимо ресурсной роли, женское предпринимательство становится важным фактором борьбы с бедностью, что для указанной группы стран имеет первостепенное значение, чтобы преодолеть «ловушку бедности». Более того, в ряде таких стран доля женского предпринимательства выше, чем мужского [Gomes et al. 2014]. Россию нельзя отнести к странам с низким уровнем развития. Однако уровень и распространение бедности делает фактор самозанятости, особенно среди одиноких женщин с детьми, значимым условием экономического развития. Российская экономика получила статус рыночной, и развитие женского предпринимательства весьма положительно сказалось бы на распространении и укреплении рыночных принципов, в частности такого, как конкуренция.

Следовательно, женское предпринимательство играет существенную роль в обществе и вносит значимый вклад в экономику. Для государства – это фактор поддержания устойчивого экономического роста и социальной стабильности. Выступая в качестве бес-

² Women Entrepreneurship Strategy. (2022). 01.12.2023 (<https://ised-isde.canada.ca/site/women-entrepreneurship-strategy/en>).

³ Here's what women's entrepreneurship looks like around the world (2022). 03.05.2023 (<https://www.weforum.org/agenda/2022/07/women-entrepreneurs-gusto-gender>).

платного и относительно неограниченного производительного ресурса, предпринимательницы не только снижают социальную нагрузку на бюджеты разных уровней, но и повышают уровень доходов, тем самым способствуя сокращению бедности. В качестве руководителей бизнес-процессов женщины-предприниматели обеспечивают подготовку кадрового потенциала, который государство и общество могут эффективно использовать. Для социума значимость женского предпринимательства раскрывается в его влиянии на трансформацию гендерных взаимоотношений в сторону их демократизации. Таким образом, в обществе укореняются принципы равноправия, что поддерживает социальную стабильность. Наконец, развитие женского предпринимательства имеет и цивилизационную значимость, внося неоспоримый вклад в развитие и укрепление общечеловеческих ценностей, таких как равенство полов, право на развитие своих способностей и право на достойную жизнь.

В результате, вполне обоснованно сформулировать следующие утверждения [Women's entrepreneurship... 2021, 10]:

- женское предпринимательство – недооцененное явление, несмотря на быстрорастущую численность представительниц в данной предпринимательской группе населения во всем мире;
- актуальность проблемы состоит в том, что, не обращая внимания на потенциал женского предпринимательства, правительство лишает страну ценного источника экономического развития;
- активное участие женщин в бизнесе влияет на экономические факторы путем создания новых рабочих мест и развития экономики страны, а также на социальные – эмансипацию и самореализацию женщин.

Добавим, что причины глубокого анализа проблемы связаны с общей тенденцией эмансипации, в процессе которой присутствует стремление женщин к стиранию различий в гендерных ролях.

Цель статьи – установить степень теоретической проработанности сферы женского предпринимательства и выявить нерешенные вопросы на основе анализа результатов исследований. Особое внимание уделено таким вопросам, как мотивация женщин в предпринимательской деятельности; факторы, препятствующие женщинам в занятии бизнесом; направления политики, которые могут способствовать развитию женского предпринимательства.

Исследование женского предпринимательства

Женское предпринимательство имеет непродолжительную историю как реального существования этого рода деятельности, так и изучения самого феномена предпринимательства. Долгое время сферу предпринимательства молчаливо считали чисто мужским занятием, несмотря на непосредственное участие женщин в коммерческой деятельности. Присутствие в ней представителей дамского общества рассматривали как исключение, обусловленное особыми жизненными ситуациями. Действительно, участие женщин в бизнесе было следствием вынужденного наследственного принятия на себя соответствующих функций, т.е. продолжения семейного бизнеса из-за отсутствия наследников мужского пола. Более того, женское предпринимательство общество воспринимало как нечто чужеродное – допустимое и терпимое, но требующее исправления при первой же возможности. В такой среде оно не могло стать объектом научного интереса.

Исторический период изучения женского предпринимательства оценивают в литературе по-разному. Одни авторы датируют первую публикацию, посвященную этому фено-

мену 1950 г. [Cardella *et al.* 2020, 4], другие – 1976 г. [Gomes *et al.* 2014, 322]. Однако, вплоть до начала нынешнего тысячелетия данная тема не привлекала к себе особого внимания исследователей, о чем свидетельствует крайне малое количество публикаций. Подлинный интерес к женскому предпринимательству зарождается только после 2006 г., но отличается экспоненциальным ростом количества публикаций (рис. 1). Переломным моментом следует считать середину 1970-х гг. в. Во-первых, с указанного периода начинается неуклонно увеличиваться количество публикаций, посвященных участию женщин в предпринимательской деятельности. Во-вторых, возникает серьезная причина для стремительного роста исследований – программа администрации президента США Дж. Картера по поддержке женщин предпринимателей.

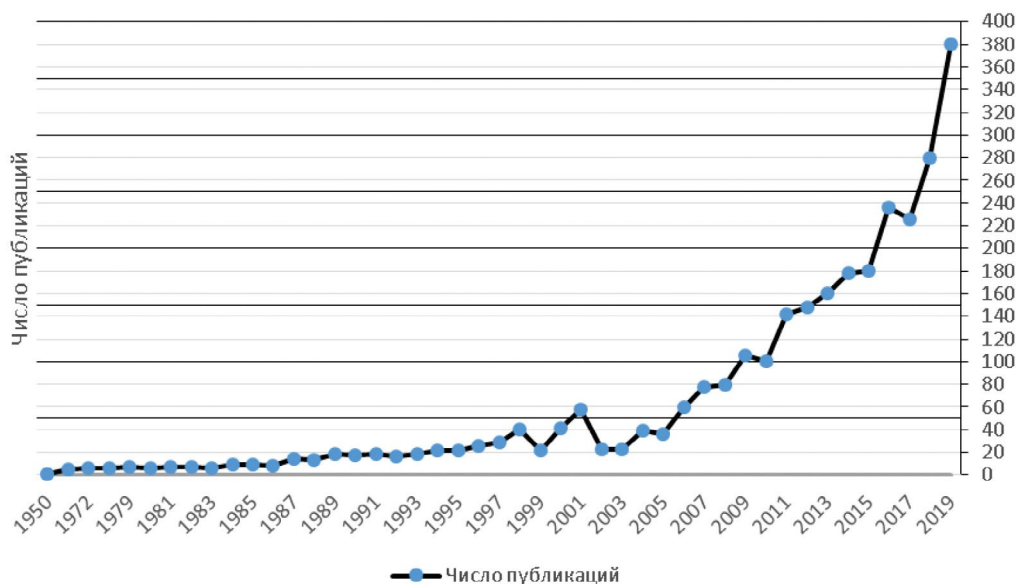

Рис. 1. Динамика количества публикаций по женскому предпринимательству

Figure 1. Dynamics of the number of publications on women's entrepreneurship

Источник: Cardella G.M., Hernández-Sánchez B.R., Sánchez-García J.C. *Women Entrepreneurship: A Systematic Review to Outline the Boundaries of Scientific Literature* // *Front. Psychol.*, 17 July 2020 Sec. *Organizational Psychology*. 2020. Vol. 11.

Source: Cardella G.M., Hernández-Sánchez B.R., Sánchez-García J.C. *Women Entrepreneurship: A Systematic Review to Outline the Boundaries of Scientific Literature* // *Front. Psychol.*, 17 July 2020 Sec. *Organizational Psychology*. 2020. Vol. 11.

Впоследствии женское предпринимательство стало объектом внимания не только ученых, но и госорганов:

1979 г. – отчет Президентской межведомственной рабочей группы по делам женщин-предпринимателей;

1998 г. – конференция о женском предпринимательстве под руководством Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР);

2003 г. – Первая Международная конференция по женскому предпринимательству;

2006 г. – специальный тематический отчет о женщинах и предпринимательстве, выпущенный Global Entrepreneurship Monitor (GEM);

2009 г. – первый выпуск Международного специализированного журнала гендера и предпринимательства (*International Journal of Gender and Enterprenership*);

2015 г. – первый доклад «Индекс женского предпринимательства» с анализом страновых условий для развития женского предпринимательства.

Изначально исследователи в качестве приоритетных ставили перед собой задачи выявить мотивацию, личностные особенности и трудности женского предпринимательства [Schwartz 1976; Decarlo, Lyons 1979]. Их работы показали, что причины, побуждающие женщин создать свой собственный бизнес, схожи с мотивами, которые стимулируют к этому и мужчин. К концу XX в. количество публикаций о женском предпринимательстве существенно возрастает. Причина – рост численности женщин среди предпринимательского корпуса и руководителей компаний вследствие более активного обращения женщин к рынку труда. В США часть такого роста была обусловлена стимулам со стороны администрации президента Дж. Картера, которая проводила программы по поддержке женщин предпринимателей [Hisrich, Brush 1984]. В России вовлечение женщин в предпринимательство было связано с резкой трансформацией рынка труда и занятости вследствие радикальных реформ 1992 г. [Римашевская, Сергеева 1995; Чирикова 1998]. Указанные публикации имели эмпирическую направленность и ставили перед собой задачу отразить профиль деловой женщины. Они не были массовыми, но проведенные в этот период исследования заложили фундамент исследования тех проблем, которые стали не только объектами последующих работ, но и опорными точками для анализа женского предпринимательства в целом.

Начало нового тысячелетия продемонстрировало не только всплеск интереса к проблеме, но и стремление к углубленному ее изучению. На первый план стали выдвигаться вопросы теории и методологии исследования женского предпринимательства, влияния политики на его развитие. Следовательно, возникла необходимость изучать причины и факторы, препятствующие расширению участия женщин в предпринимательской деятельности, а также вопросы, связанные с мотивацией и процессом создания нового бизнеса. В данный период произошло радикальное расширение географии исследований. Если публикации 1980–1990-х гг. ограничивались странами северного полушария [Hisrich et al. 1997, 323], то в новом тысячелетии к исследованию женского предпринимательства подключились представители развивающихся и постсоциалистических стран [Jakhar, Krishna 2020; Gomes et al. 2014]. Появились обзоры, в которых обобщались полученные результаты в виде основных выводов и нерешенных вопросов для дополнительного изучения [Alгада 2021]. Между тем, в литературе превалирует точка зрения, что разработка проблемы пока еще находится в зачаточном состоянии [Henry et al. 2015; Women's entrepreneurship... 2021, 17].

Таким образом, анализ результатов эмпирического анализа и библиометрических исследований затрагивает следующие основополагающие направления для изучения женского предпринимательства:

- развитие теории;
- исследование особенностей мотивации;
- причины и препятствия;
- направления и меры политики.

В первом направлении наиболее существенно в продвижении теории женского предпринимательства признание того, что предпринимательство – явление, находящееся под влиянием гендерного фактора [Ahl 2006; Pines et al. 2010]. До конца XX в. господствовала точка зрения, что женское предпринимательство не обладает спецификой и не заслуживает особого изучения. Затем была признана значимость социальных ролей и практик, кото-

рые формируются под влиянием маскулинности (сила, рациональность, решительность, смелость, соревновательность, ответственность, лидерство) и женственности (нежность, чувствительность, сострадательность, заботливость). Таким образом, возникли объективные основания для обособления и, соответственно, раздельного изучения мужского и женского предпринимательства. Тем не менее, в литературе представлены два типа понятий: «женщины-предприниматели» (women entrepreneurs или female entrepreneurs)⁴ – без оснований для выделения гендерных причин; «женское предпринимательство» (women entrepreneurship или female entrepreneurship) – подчеркнуть гендерную особенность носителя предпринимательства. В данном исследовании указанные понятия использованы как синонимы, так как особые признаки женского предпринимательства позволяют выделить его в особый тип.

Однако в публикациях существует еще несколько проблем. С одной стороны, принято различать две группы «деловых женщин» – женщина-руководитель (business woman) и женщина-предприниматель (business lady). Несмотря на то, что в профилях женщин-предпринимательниц и женщин-руководителей больше общего, чем отличий, в исследованиях обосновано положение о необходимости изучать их раздельно. Обособленный анализ аргументирован не только расхождением поведенческих характеристик, стиля управления и социального статуса, но и психологическими различиями. При этом женщины-предпринимательницы чаще обнаруживают такие признаки, как высокий уровень энергии, настойчивость и способность влиять на других. Как показывают исследования [Fagenson 1993], различия в системах ценностей двух групп имеют негендерную природу, так как они наблюдаются и среди соответствующих групп мужчин. Отметим, что в данной работе рассмотрены только проблемы, связанные с деятельностью женщин-предпринимателей. Указанный аспект существенным образом затрудняет ответ на вопрос о конкурентных преимуществах полов и в какой-то степени делает его неразрешимым. Содержательный аспект рыночной конкуренции подчеркивает, что проявление конкурентных преимуществ – прежде всего фактор времени и места. На основании данного обстоятельства и с опорой на особенности женской психологии (сдержанность и гибкость, склонность к компромиссам и постановке долгосрочных целей) можно предположить, что конкурентные преимущества предпринимательниц возникнут в рыночных ситуациях, требующих ожидания и выдержки, а, следовательно, с решениями долгосрочного характера.

С другой стороны, некоторые исследователи, опираясь на особенности поведения, подразделяют занятых в бизнесе женщин на предпринимательниц и собственников бизнеса [Welter et al. 2006]. В сущности, присутствует идентичная проблема, что и в отношении мужского предпринимательства. Вопрос о том, какую деятельность следует считать женским предпринимательством, до сих пор стоит перед учеными. Одни исследователи включают только ту деятельность, которая соответствует шумпетерианскому пониманию предпринимательства, – принятие на себя риска в связи с инновационной деятельностью [Adom and AsarteYeboa 2016; Humbert and Brindley 2015]. Другие – любую деятельность, связанную с бизнесом как профессиональным занятием [Dolinsky et al. 1993; Marlow 2002; Welch et al. 2008; Hughes et al. 2012; Hecheverria et al. 2019; Santos et al. 2018; Deng et al. 2020], т.е. включая в корпус предпринимателей владельцев бизнеса и всех самозанятых.

⁴ Women's entrepreneurship and self-employment, including aspects of gendered Corporate Social Responsibility (2021). Ed. Bastida M. Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs Directorate-General for Internal Policies PE 694.301. European Parliament. 15.02.2024. (<http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses>).

Решение указанного вопроса во многом зависит от общего понимания предпринимательства. В настоящее время господствует подход, согласно которому оно трактуется как образ мышления, который позволяет людям задействовать свою мотивацию и потенциал для новаторских действий. Предпринимателем считается любой, чья деятельность связана с извлечением дохода посредством рыночных операций. На практике такое понимание трансформируется в отнесение к предпринимателям лиц, работающих в бизнесе или находящихся в процессе его создания. Учитывая, что фактологические данные о предпринимательстве (в том числе и женском) подавляющее большинство ученых собирает на основании данной трактовки, в представленном исследовании автор будет придерживаться указанного направления. Такой подход справедлив и для изучения женского предпринимательства в развивающихся странах, где оно практически полностью представлено в форме samozанятости женщин.

Более того, возникает второе направление исследований через выявление уникальных поведенческих характеристик, которые позволяют зафиксировать особенности женского предпринимательства, т.е. выявить специфические черты, отличающие его от мужского (мотивация, источники финансирования, стиль управления, сетевые контакты, достижения) [Isakova et.al. 2006]. Главная задача – показать, что специфика поведения женщин в предпринимательской сфере обусловлена «женской природой». Результаты исследований оказались весьма скромными и размытыми. С одной стороны, поиск различий между мужчинами и женщинами затрагивал преимущественно такие параметры, как демография и семейное состояние, образование и квалификация, что мало способствует раскрытию гендерной специфики в предпринимательской деятельности. С другой стороны, значимые отличия относились к аспектам личностного характера, а не гендерного [Carter 1989; Wilkens 1989]. Они объяснялись различиями в мотивации и личностных амбициях предпринимателей, но не в их половой принадлежности. Например, Лихи и Этгерс обнаружили⁵, что многие исследования женского предпринимательства опираются на стереотипы, согласно которым определенные женские навыки – это следствия их сущности. Однако данный факт не соответствует действительности. Например, ученые показали, что вопреки распространенному мнению, женщины-предприниматели сосредотачивают свое внимание отнюдь не на людях, а на задачах.

Следовательно, используемые в настоящее время методики не позволяют получить однозначные ответы на вопросы о специфике женского предпринимательства. Неслучайно корпус его исследователей разделился на две группы. В первую входят последователи, которые рассматривают женское предпринимательство как разновидность мужского. В другую – сторонники выделения женского предпринимательства в особый тип деятельности, которая находится под влиянием исключительно особенностей женской природы. Однако в обоих случаях отсутствует аргументация, позволяющая увидеть сущностные различия мужского и женского предпринимательства. Проблема в том, что в каждом конкретном сравнении можно выделить различия. Однако невозможно однозначно определить, чем они вызваны. Вероятно, и гендерные особенности представлены в выявленных различиях. Тем не менее, они могут быть и следствием специфики рыночной ситуации или конкретной личности – отличить одно от другого довольно сложно. Очевидно, что в настоящее время главный фактор сдерживания развития женского предпринимательства – социальная нагрузка, которую несут на себе женщины (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и уход за родными).

⁵ Leahy K. T., Eggers J. H. (1998). Is gender still a factor in entrepreneurial leader behavior? *Frontiers of Entrepreneurship Research*. 01.12.2023. (http://www.babson.edu/entrep/fer/papers98/V/V_F/V_F_text.htm > MasterCard Index of Women Entrepreneurs).

Таким образом, по мере уравнивания гендерных ролей и развития сферы услуг, связанных с воспитанием подрастающего поколения и ведением домашнего хозяйства, активность женщин в сфере предпринимательства будет возрастать. Росту будет способствовать и развертывание сервисной экономики, в которой можно ожидать более рельефного проявления преимуществ женского предпринимательства в сравнении с мужским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алгада Х. (2021) Женское предпринимательство как предмет научных исследований // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Т. 2. № 1. С. 5–12.
https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_1_5
- Algada H. (2021) Women's entrepreneurship as a subject of scientific research. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. Vol. 2, no. 1, pp. 5–12.
https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_1_5 (In Russ.)
- Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. (1996) Женщины в бизнесе // Социологические исследования. № 3. С. 75–81.
- Babaeva L.V., Chirikova A.E. (1996) Women in business. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. no. 3, pp. 75–81. (In Russ.)
- Барсукова С.Ю. (1999) Специфика женского предпринимательства: гендерная специфика российского бизнеса // Экономическое обозрение. № 1. С. 142–150.
- Barsukova S.Yu. (1999) Specifics of Women's Entrepreneurship: Gender Specifics of Russian Business. *Ekonomicheskoe obozrenie*. no. 1, pp. 142–150. (In Russ.)
- Верховская О.Р. (2022) Мониторинг предпринимательской активности. Россия 2022/2023. СПб.: ВШБ СПбГУ. 51 с.
- Verhovskaya O.R. (2022) Monitoring predprinimatel'skoi aktivnosti. Rossiya 2022/2023 [Monitoring of entrepreneurial activity. Russia 2022/2023]. Saint Petersburg: VShB SPbGU. 51 p.
- Малютина Г. (1997) Женское предпринимательство: проблемы и перспективы // Бизнес и политика. № 9. С. 107–112.
- Malyutina G. (1997) Women's Entrepreneurship: Problems and Prospects. *Biznes i politika*. no. 9, pp. 107–112. (In Russ.)
- Пиньковецкая Ю.С. (2018) Женская предпринимательская активность и ее отраслевая структура // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 4 (64). С. 126–137.
<https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.4.126-137>
- Pin'koveckaya Yu.S. (2018) Women's entrepreneurial activity and its sectoral structure. *Herald of Omsk University. Series «Economics»*. no. 4 (64), pp. 126–137.
<https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.4.126-137> (In Russ.)
- Пиньковецкая Ю.С. (2019) Развитие женского предпринимательства в России: управленческий анализ // Вопросы управления. № 2 (38). С. 122–131. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-2-122-131>
- Pin'koveckaya Yu.S. (2019) Development of Women's Entrepreneurship in Russia: Management Analysis. *Voprosy upravleniya*. no. 2 (38), pp. 122–131.
<https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-2-122-131> (In Russ.)
- Римашевская Н.М., Сергеева Т.П. (1995) Женщины на российском рынке труда // Социологические исследования. № 7. С. 57–61.
- Rimashevskaya N.M., Sergeeva T.P. (1995) Women on the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. no. 7, pp. 57–61. (In Russ.)
- Тарануха Ю.В. (2022) Что мешает переходу к креативному предпринимательству? // Общественные науки и современность. № 3. С. 67–87. <https://doi.org/10.31857/S0869049922030054>

Taranuha Yu.V. (2022) What prevents the transition to creative entrepreneurship? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 67–87. <https://doi.org/10.31857/S0869049922030054> (In Russ.)

Тончу Е. (1998) Женское предпринимательство в России. Как организовать свое дело. СПб.: Общество «Знание России». 284 с.

Tonchu E. (1998) Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii. Kak organizovat' svoe delo [Women's entrepreneurship in Russia. How to organize your own business]. Saint Petersburg: Obshchestvo «Znanie Rossii». 284 p.

Уткина Н.Ю. (2017) Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // *Женщина в российском обществе*. № 1 (82). С. 17–28. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.2>

Utkina N.Yu. (2017) Objective and subjective factors in the development of women's entrepreneurship in Russia. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 1 (82), pp. 17–28. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.2> (In Russ.)

Чирикова А. (1998) Женщина во главе фирмы. М.: Институт социологии РАН. 358 с.

Chirikova A. (1998) Zhenshchina vo glave firmy. [A Woman at the Head of the Firm]. Moscow: Institut sociologii RAN. 358 c. (In Russ.)

Чирикова А.Е. (2000) Женщина во главе фирмы (проблемы становления женского предпринимательства в России) // *Вопросы экономики*. № 3. С. 94–102.

Chirikova A.E. (2000) Woman at the Head of the Firm (problems of Women's Entrepreneurship in Russia) // *Voprosy ekonomiki*. no. 3, pp. 94–102. (In Russ.)

Шмелева А.Н., Алгада Х. (2020) Женское предпринимательство в России и за рубежом: обзор проблем развития // *Компетентность*. № 8. С. 20–27. <https://doi.org/10.24411/1993-8780-2020-10802>

Shmeleva A.N., Algada H. (2020) Women's Entrepreneurship in Russia and Abroad: Overview of Development Challenges. *Competency*. no. 8, pp. 20–27. <https://doi.org/10.24411/1993-8780-2020-10802> (In Russ.)

Bahmani-Oskooee M., Kutan M.A., and Xi D. (2013) The Impact of Economic and Monetary Uncertainty on the Demand for Money in Emerging Economies // *Appl. Econ*. no. 45. Pp. 3278–3287. <https://doi.org/10.1080/00036846.2012.705430>

Bergmann H., Mueller S., Schrettle T. (2014) The Use of Global Entrepreneurship Monitor Data in Academic Research: A Critical Inventory and Future Potentials // *International Journal of Entrepreneurial Venturing*. no. 6(3). Pp. 242–276. <https://doi.org/10.1504/IJEV.2014.064691>

Bosma N., Van Praag M., Thurik R., De Wit G. (2004) The Value of Human and Social Capital Investments for the Business Performance of Startups // *Small Business Economics*. no. 23(3). Pp. 227–236. <https://doi.org/10.1023/B:SBEJ.0000032032.21192.72>

Buttner E. H., Rosen B. (1988) Bank Loan Officers' Perceptions of the Characteristics of Men, Women, and Successful Entrepreneurs // *Journal of Business Venturing*, Amsterdam. Vol. 3. Issue 3. Pp. 249–258. [https://doi.org/10.1016/0883-9026\(88\)90018-3](https://doi.org/10.1016/0883-9026(88)90018-3)

Cardella G.M., Hernández-Sánchez B.R., Sánchez-García J.C. (2020) Women Entrepreneurship: A Systematic Review to Outline the Boundaries of Scientific Literature // *Front. Psychol*. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01557>

Carter S. (1989) The dynamics and performance of female-owned entrepreneurial firms // *Journal of Organizational Change Management*. Bradford. Vol. 2. Issue. 3. Pp. 54–64. <https://doi.org/10.1108/09534818910006060>

Decarlo J.F., Lyons P.R. (1979) A comparison of selected personal characteristics of minority and non-minority female entrepreneurs // *Journal of Small Business Management*. Vol. 17. Issue. 4. Pp. 222–229. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.1979.4977629>

Enterprising Women in Transition Economies (2006) / Edited by F. Welter, D. Smallbone and N. Isakova // Ashgate Publishing Company, England. Pp. 67–68.

- Fagenson E.A. (1993) Personal Value Systems of Men and Women Entrepreneurs Versus Managers // *Journal of Business Venturing*. Vol. 8. Issue 5. Pp. 409–430. [https://doi.org/10.1016/0883-9026\(93\)90022-W](https://doi.org/10.1016/0883-9026(93)90022-W)
- Foss L., Henry C., Ahl H., Mikalsen G.H. (2019) Women's Entrepreneurship Policy Research: A 30-year Review of the Evidence // *Small Business Economics*. Springer. Vol. 53. Issue 2. Pp. 409–429. <https://doi.org/10.1007/s11187-018-9993-8>
- Gomes Almiraiva Ferraz, Santana Wesley Gusmão Piau, Araújo Uajará Pessoa, Martins Caroline Miriã Fontes (2014) Female Entrepreneurship as Subject of Research // *Revue business management*. Vol. 16. Issue 51. Pp. 319–342. <https://doi.org/10.7819/rbgn.v16i51.1508>
- Hechavarria D.M., Terjesen S.A., Ingram A.E., Renko M., Justo R., Elam A. (2017) Taking Care of Business: The Impact of Culture and Gender on Entrepreneurs' Blended Value Creation Goals // *Small Business Economics*. Vol. 48. Issue 1. Pp. 225–257. <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9747-4>
- Henry, C., Foss, L., & Ahl, H. (2016) Gender and Entrepreneurship: A Review of Methodological Approaches // *International Small Business Journal*. no. 34(3). Pp. 217–241. <https://doi.org/10.1177/0266242614549779>
- Hisrich R. D., Brush C. (1984) The Woman Entrepreneur: Management Skills and Business Problems // *Journal of Small Business Management*. Vol. 22. Issue. 3. Pp. 30–37.
- Hisrich, R., Brush, C., Good, D., & DeSouza, G. (1997). Performance in Entrepreneurial Ventures: Does Gender Matter? *Frontiers of Entrepreneurship*, Babson College. 384 p.
- Isakova N.B., Krasovska O., Kavunenko L., Lugovy A. (2006) Entrepreneurship in the Ukraine: A Male Female Comparison // *Enterprising Women in Transition Economies*. Ed.: F.Welter, D.Smallbone and N.Isakova. England: Ashgate Publishing Company. Pp. 17–43
- Jakhar R., Krishna C. (2020) Women Entrepreneurship: Opportunities and Challenges (A Literature Review) // *International Journal of Management and Information Technology*. no. 5(2). Pp. 38–42.
- Jennings, J.E., Brush, C.G. (2013) Research on Women Entrepreneurs: Challenges to (and from) the Broader Entrepreneurship Literature? // *The Academy of Management Annals*. no. 7. Pp. 661–713.
- Kepler E., Shane S. (2007) Are Male and Female Entrepreneurs Really That Different? Washington, DC: Office of Advocacy, US Small Business Administration. 59 p.
- Klapper L.F., Parker, S.C. (2011) Gender and the Business Environment for New Firm Creation // *The World Bank Research Observer*. no. 26(2). Pp. 237–257. <https://doi.org/10.1093/wbro/lkp032>
- Langowitz N., Minniti M. (2007) The Entrepreneurial Propensity of Women // *Entrepreneurship*. no. 31. Pp. 341–364. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2007.00177.x>
- Noguera, M., Álvarez, C., and Urbano, D. (2013) Socio-Cultural Factors and Female Entrepreneurship // *International Entrepreneurship Management* no. 9. Pp. 183–198. <https://doi.org/10.1007/s11365-013-0251-x>
- Panda S., Dash S. (2014) Constraints Faced by Entrepreneurs in Developing Countries: A Review and Assessment // *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. Vol. 10. Issue 4. Pp. 405–421. <https://doi.org/10.1504/WREMSD.2014.064951>
- Pérez-Pérez C., Avilés-Hernández M. (1916) Explanatory Factors of Female Entrepreneurship and Limiting Elements // *Negocios*. Vol. 7. Issue. 15. Pp. 1–72. <https://doi.org/10.1016/j.sumneg.2015.12.004>
- Peterson, R., Weiermair K. (1988) Women Entrepreneurs, Economics Development and Change // *Journal of Development Planning, Entrepreneurship and Economic Development* (United Nations Publication, New York). Pp. 95–111.
- Raina S. (2016) Research: the gender gap in startup success disappears when women fund women. *Harvard Business Review*.
- Schwartz E.B. (1976) Entrepreneurship: a New Female Frontier // *Journal of Contemporary Business*. Vol. 5. Issue. 1. Pp. 47–76. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2684511>

Verheul, I., Stel, A.V., Thurik, R. (2006) Explaining Female and Male Entrepreneurship at the Country Level // Entrepreneurship and Regional Development. no. 18(2). Pp. 151–183.

<https://doi.org/10.1080/08985620500532053>

Women's Entrepreneurship Report: From Crisis to Opportunity. GEM 2021/22. 183 p.

Информация об авторе

Тарануха Юрий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики Экономического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Адрес: 199991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46. E-mail: yu.taranukha@mail.ru

About the author

Yury V. Taranukha, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: Leninskie Gory, 1, bld. 46, Moscow, 199991, Russia. E-mail: yu.taranukha@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 12.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 03.09.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 330.1

DOI: 10.31857/S0869049924050087
EDN: JUMYIO

Оригинальная статья / Original article

Социальные детерминанты здоровья: мировые тенденции и региональные особенности

© В.А. САУТКИНА

Сауткина Вера Алексеевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), vera-sautkina@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6891-7726

Предмет исследования – перспективы формирования модели оказания медицинской помощи с учетом данных об условиях жизни конкретных пациентов. Новый подход к решению финансовых и управленческих задач в данной сфере предполагает расширение функционала учреждений здравоохранения. Поставлена цель выявить возможности преодоления рисков, связанных с постепенным перераспределением функций общественного здравоохранения, когда значительная часть ответственности за здоровье переносится на население. Анализ основан на широком круге источников, статистике и данных социологических исследований. Показано, что применение моделей организации оказания медицинской помощи с учетом показателей качества жизни пациентов стало возможным благодаря внедрению цифровых платформ, которые координируют взаимодействие медицинских учреждений, общественных организаций и социальных служб. В настоящее время подобная модель с успехом применяется лишь в некоторых странах по мере формирования условий для переориентации на персонализированную помощь пациентам с учетом их социально-психологических особенностей.

Ключевые слова: общественное здравоохранение, биоинформационные технологии, здоровье нации, социальное неравенство, социальные детерминанты здоровья

Цитирование: Сауткина В.А. (2024) Социальные детерминанты здоровья: мировые тенденции и региональные особенности // Общественные науки и современность. № 5. С. 98–110. DOI: 10.31857/S0869049924050087, EDN: JUMYIO

Social Determinants of Health: Global Trends and Regional Features

© V. SAUTKINA

Vera A. Sautkina, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vera-sautkina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6891-7726

Abstract. The subject of this study is the prospects for developing a model for providing medical care taking into account data on the living conditions of specific patients. A new approach to solving financial and managerial problems in this area involves expanding the functionality of healthcare institutions. The goal is to identify opportunities to overcome the risks associated with the gradual redistribution of public health functions, when a significant part of the responsibility for health is transferred to the population. The analysis is based on a wide range of sources, statistics and sociological research data. It is shown that the use of models for organizing the provision of medical care taking into account the indicators of the quality of life of patients has become possible due to the introduction of digital platforms that coordinate the interaction of medical institutions, public organizations and social services. Currently, such a model is successfully applied only in some countries, as conditions are formed for reorientation to the provision of personalized care to patients, taking into account their socio-psychological characteristics.

Keywords: public health, nation, social inequality, bioinformatical technologies, social determinants

Citation: Sautkina V.A. (2024) Social Determinants of Health: Global Trends and Regional Features. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 98–110. DOI: 10.31857/S0869049924050087, EDN: JUMYIO (In Russ.)

Всеобщая занятость, доступное качественное образование и медицинская помощь традиционно выступают в качестве прогрессивных социальных завоеваний. Однако сегодня они требуют усиленной поддержки перед угрозой слома прежних механизмов социальной защиты, причем даже в экономически развитых странах. Происходит отход от принципов социальной справедливости, растет неравенство и между странами и внутри стран между различными социальными группами. Отсутствие непосредственной взаимосвязи высокого экономического роста и повышения качества жизни простых граждан исследователи отметили уже в начале первого десятилетия нового века [Садовая, Сауткина 2012]. В настоящее время во многих странах имущественное неравенство нарастает, и это причина формирования новых моделей управления системами общественного здравоохранения. Внедрение биоинформационных технологий в современную врачебную практику позволило победить многие неизлечимые болезни, но стоимость высокотехнологичной помощи настолько высока, что стала недоступной для большинства нуждающихся в ней пациентов даже в относительно богатых странах.

С целью снизить стоимость медицинских услуг экспертное сообщество предлагает внедрять в модели оказания медицинской помощи функции, которые ранее не были закреплены за учреждениями общественного здравоохранения. Речь касается данных о социально-экономических условиях жизни пациентов, которые, при условии применения новейших технологий, могут обеспечить формирование прогностических моделей для оценки риска здоровья представителей различных социальных групп. Такой подход позволяет снизить расходы на медицинские услуги, поскольку предполагает усиление роли профилактики заболеваемости.

Разработка концепции социальных детерминант здоровья

Понятие «социальные детерминанты здоровья» используют в официальных документах и аналитических исследованиях с конца прошлого столетия, поскольку оно представляет собой сжатое определение социальных, политических, экономических, экологических и культурных факторов, влияющих на состояние здоровья. Для обозначения различных моделей медицинской помощи с использованием данных о немедицинских факторах в литературе принята аббревиатура SDOH (социальные детерминанты здоровья) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)¹.

Несмотря на очевидность влияния качества жизни людей на их здоровье и признание этого факта на всех уровнях управления, до сих пор модели оказания медицинской помощи на основе социальных детерминант здоровья в полной мере не были интегрированы ни в одну из систем здравоохранения в мире. Для продвижения данного направления в жизнь необходимо установить более тесное сотрудничество между органами здравоохранения и множеством заинтересованных сторон – местными властями и сообществами граждан, политиками, организациями, отвечающими за городскую инфраструктуру, от которых зависит правовое и финансовое обеспечение социальных программ.

Существует множество барьеров на пути новых принципов управления системами здравоохранения. На первых этапах основным из них было отсутствие технологических возможностей для обмена потоком информации, необходимой для координации усилий различных ведомств. Благодаря внедрению цифровых технологий и искусственного интеллекта в управление социальными процессами положение стало меняться. Внедрение новых моделей оказания медицинской помощи требует преодолеть обозначенные специалистами проблемы, среди которых отсутствие стандартизированных показателей SDOH, противоречивость методов измерения, затруднения при учете всего объема информации, необходимого для расчета рисков применительно к отдельным пациентам².

Принятие в 1986 г. Оттавской хартии укрепления здоровья привело к осознанию необходимости менять подходы к оказанию медицинской помощи с учетом данных об условиях жизни пациентов, возникла теоретическая база для такого перехода. Было предложено рассматривать понятие «здоровье» в соответствии с позитивной его коннотацией, основанной на признании важности социальных и личностных ресурсов, а также физических возможностей людей. Был сформулирован тезис: здоровье нации не является задачей только системы здравоохранения – необходимо приложить всеобщие усилия по формированию здорового образа жизни, всемерного повышения уровня общего благополучия людей³.

На этом этапе были определены основные направления деятельности по внедрению в практику намеченных принципов укрепления здоровья населения: формирование государственной политики здоровья; создание благоприятной среды обитания; усиление действий местных сообществ в интересах здоровья; развитие личностных навыков и умений;

¹ Social Determinants of Health at CDC. (<https://www.cdc.gov/about/sdoh/index.html>).

² Fox A. (June 19, 2023). Scaling SDOH initiatives with analytics and coordinated workflows. Healthcare IT News. (https://www.healthcareitnews.com/news/scaling-sdoh-initiatives-analytics-and-coordinated-workflows?mkt_tok=NDIwLVlOQS0yOTIAAAGMdG5K-Ts6OvDQvmVS4GtCdc-v869evKUdj6wATJ4eO2FIdW2VZwtr9TrCfby1PBJWs7qlZNioP9zG7MK4mSgeOewEcfe9QBAsRDuPDm0Ow).

³ Оттавская хартия по укреплению здоровья, 1986 г. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. (<https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/349655/WHO-EURO-1986-4044-43803-61673-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>).

переориентация служб здравоохранения. Обзор научных исследований, поток которых начал набирать силу с конца 1960-х гг., свидетельствует, что практически все аспекты здоровья человека непосредственно связаны с социальными условиями его проживания. В исследовании М. Мармота и Р. Уилкинсона на основе обобщения большого объема информации удалось выявить основные социальные детерминанты здоровья, прежде всего доступность и качество медицинской помощи и общая направленность социальной политики государства. Было показано, что в тех странах, где эти факторы игнорируют, как правило, не придают значения и запросам населения относительно соблюдении социальной справедливости [*Marmot, Wilkinson 1999*].

Значительная часть социальных и экономических детерминант здоровья не входит в круг вопросов, за которые ответственна система здравоохранения. Ослабить негативное воздействие всех факторов риска для здоровья людей, непосредственно связанных с условиями их жизни, можно лишь путем коллективных усилий. В целях координации совместных мероприятий по устранению неравенства в сфере здравоохранения и разработки конкретных программ в этой области с учетом социальных детерминант развития стран-членов ВОЗ в 2005 г. была создана специальная комиссия. С этого времени на постоянной основе международные эксперты представляют научные разработки по следующим направлениям: системы измерения и анализа фактических данных, развитие детей в раннем возрасте, социальное отчуждение, условия трудоустройства и проживания в городах, расовое и гендерное неравенство⁴.

На основе данных постоянного мониторинга, который проводился в условиях пандемии COVID-19 в странах-членах ВОЗ, выявлены пагубные последствия социального неравенства для наиболее уязвимых слоев населения. В этот период удалось активизировать усилия по воздействию на социальные детерминанты здоровья в качестве неотъемлемой составляющей национальных, региональных и международных мер реагирования на кризисные явления в социально-экономической сфере и чрезвычайные ситуации в области здравоохранения⁵.

Расширение набора факторов, влияющих на состояние здоровья, начиная с поведенческих особенностей индивида до политики государства, предполагает разработку принципиально нового подхода к решению финансовых и управленческих задач в данной сфере. Эксперты предложили применять многосекторальный метод, который позволяет эффективно использовать имеющиеся общественные ресурсы⁶.

Совмещение социетальных факторов с индивидуальными параметрами пациентов потребовало разработки многоуровневых исследовательских дизайнов. Методология изучения состояния здоровья населения в различных регионах мира основана на модели, разработанной Ф. Дидериксом в начале 2000-х гг. Модель представляет собой наложение трех уровней исследования, включая описание социально-политического контекста, уровня социальной стратификации и индивидуальных поведенческих стандартов, влияющих на состояние здоровья [*Diderichsen, Evans, Whitehead 2001*].

⁴ Социальные детерминанты здоровья. Информационный бюллетень. Документальный Центр ВОЗ. Декабрь 2008 г. (<https://whodc.mednet.ru/ru/component/attachments/download/31.html>).

⁵ Форум партнеров ВОЗ подчеркивает важность устойчивого финансирования для противодействия чрезвычайным ситуациям, борьбы с изменением климата и улучшения здоровья для всех. Пресс-релиз 23.06.2023 г. (<https://www.who.int/europe/news/item/23-06-2023-who-partners-forum-highlights-importance-of-sustainable-funding-for-tackling-emergencies-climate-change-and-better-health-for-all>).

⁶ Социальные детерминанты здоровья. Доклад Генерального директора. 06.01.2021. ВОЗ. (https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB148/B148_24-ru.pdf).

Углубление теоретической разработки концепции социальных детерминант здоровья за счет включения новых ключевых категорий способствовало значительному расширению дискурса, касающегося освобождения государства от ответственности за состояние общественного здравоохранения, и деполитизации данной проблематики [Marmot, Wilkinson, Priest, Waters, Valentine, Armstrong, Friel, Prasad, Solar 2009]. Многие эксперты высказывают мнение, что включение понятия социального капитала в число основных факторов здоровья как на индивидуальном, так и на общественном уровне позволит оценить материальные возможности государства и смягчить уровень общественного неравенства. Другие, напротив, считают такой подход к оценке потенциальных ресурсов систем здравоохранения некорректным, так как социальный капитал определяет обеспечение одновременно и индивидуальными, и общественными ресурсами. Если следовать такому подходу, то государство будет постепенно перекладывать ответственность за здоровье нации на само население [Панова 2013], что неверно. Переход к оказанию медицинской помощи на основе социальных детерминант здоровья затрагивает жизненные интересы широкого круга общественных слоев, а значит, необходимо предпринять усилия, чтобы преодолеть борьбу мнений относительно роли государства, рынка и индивидуальной ответственности граждан.

Вместе с тем очевидно, что комплекс проблем, для решения которых ни одна система здравоохранения не имеет ни достаточного финансового обеспечения, ни достаточных рычагов управления, нарастает. Следствие этого – постепенное перераспределение ролей в организации медицинской помощи населению, что характерно для всех регионов мира. Эта тенденция получает теоретическое обоснование и закрепляется принятием соответствующих документов. Специалисты ВОЗ разработали концепцию, согласно которой национальные системы здравоохранения должны более активно привлекать заинтересованные стороны для партнерства в интересах сохранения здоровья граждан⁷. Такой поворот потребует коренного изменения стиля работы в медицине, четкого и слаженного взаимодействия всех участников, включая органы государственной и муниципальной власти, бизнес и местные сообщества. Новое направление было обозначено как общегосударственный (whole-of-government) подход, основанный на принципе участия всего общества (whole-of-society). Речь идет о переходе к коллективным формам стратегического руководства в сфере здравоохранения, поэтому необходимо разработать рекомендации как для руководителей, определяющих политику, так и для других субъектов относительно конкретных механизмов партнерства. Совместную работу и объединение усилий в целях охраны здоровья следует вести на регулярной и формализованной основе, при условии упорядочения ответственности всех участвующих сторон [Сауткина 2016].

К настоящему времени сложилось несколько концептуальных моделей по изучению социальных детерминант здоровья населения. Поскольку не существует единых стандартов, которые определяли бы индикаторы уровня жизни в разных странах и регионах, в каждом случае необходимо разрабатывать модели с учетом региональных особенностей.

Внедрение новых моделей в практику здравоохранения

Последовательное расширение исследовательского поля, углубление знаний о социальных детерминантах здоровья в разных странах мира получили отражение в специализированном ретроспективном обзоре публикаций по данной проблематике. Проанализи-

⁷ Здоровье-2020 – основы европейской политики и стратегия для XXI века. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2013. (<https://who-sandbox.squiz.cloud/ru/publications/policy-documents/health-2020-a-european-policy-framework-and-strategy-for-the-21st-century-2013>).

ровано около 250 работ, изданных до 2015 г. Наибольшая активность в этом отношении отмечена в экономически развитых регионах, в то время как в большинстве мусульманских стран в этой области не делается практически ничего. Однако постепенно положение меняется в Иране и некоторых других странах Востока, где модели оказания медицинской помощи с учетом социальных детерминант получают распространение [Morteza, Mohammad, Emamgholipour et al. 2016].

Наиболее удачные примеры применения инновационной модели первичной медицинской помощи позволяет выявить контент-анализ публикаций в специализированных изданиях. На протяжении последнего десятилетия многосекторальный подход к оказанию медицинской помощи населению активно практикуют в Австралии. Разработанные австралийскими специалистами программы на основе искусственного интеллекта (ИИ) способствуют значительному улучшению состояния пациентов с хроническими заболеваниями, исключают критические случаи ухудшения здоровья за счет адресного применения необходимых мер (вакцинация, ранняя диагностика и упреждающее лечение). Расширение подобной практики приводит к снижению госпитализации – до 75 000 случаев ежегодно. Новые стандарты медицинской помощи распространяют на национальном уровне. В обследовании за 2017–2018 гг. получены данные об условиях жизни пациентов по штатам и территориям, а также по 31 району сети первичной медико-санитарной помощи и более чем по 300 районам. Благодаря новому подходу в течение 2017–2018 гг. система здравоохранения сэкономила от 247,5 до 480 млн австралийских долларов⁸.

Австралийская технологическая компания Pen CS, которая отвечает за внедрение информационных технологий в здравоохранении, применяет инструмент клинического аудита – инновационную платформу Pen CS CAT. Теперь, учитывая социально-экономический статус пациентов, наличие патологий и особенностей образа жизни, можно прогнозировать вероятность незапланированных госпитализаций. Такая практика помогает медикам верно оценивать риски, расставлять приоритеты при необходимости экстренного медицинского вмешательства и значительно снижать затраты сил и средств⁹.

Согласно аналитическим прогнозам, в следующем десятилетии в США расходы на здравоохранение вырастут и могут составить до 20% ВВП к 2031 г. Особое беспокойство вызывает тот факт, что одновременно произойдет снижение доли застрахованного населения – с 92,3% в 2023 г. до 90,5% к 2031 г. Сокращение охвата населения доступной медицинской помощью на фоне постоянного роста расходов на здравоохранение – главная причина активизации разработок новых моделей управления с последующим расширением их распространения на местах [Keehan, Fiore, Poisal, Cuckler, Sisko, Smith, Madison, Rennie 2023].

На пути преодоления барьеров в доступе малообеспеченных слоев населения к качественной медицинской помощи особые надежды возлагают на применение технологий на базе ИИ. Сложилось единодушное мнение: данные технологии полезны ровно настолько, насколько надежны вводимые в программы данные. Использование неадекватных индикаторов уровня жизни населения приведет лишь к углублению неравенства в этой сфере. При разработке специальных программ оказания медицинской помощи специалистам

⁸ Web report. Potentially preventable hospitalisations in Australia by age groups and small geographic areas, 2017–18. (2019). (<https://www.aihw.gov.au/reports/primary-health-care/potentially-preventable-hospitalisations/contents/about>).

⁹ Ang A. (May 17, 2023) Pen CS releases hospitalisation risk report CAT function // Healthcare IT News. (https://www.healthcareitnews.com/news/anz/pen-cs-releases-hospitalisation-risk-report-cat-function?mkt_tok=NDIwLVlOQS0yOTIAAAGMDktnjazKvrCoLh0idbWffYTx4c7lIEkKvC9n_-HigrzRYhc4zqzJYbt4nU78M2Xb8kHhEE4iafBpGGF AUdRAISNWlZqvgVgbsrld1zjNZa).

необходимо учитывать тот факт, что медицинские учреждения не располагают информацией об обращении своих пациентов в службы социальной защиты, сбор таких данных не входит в перечень обязанностей медицинских работников. Кроме того, включение информации о социальных детерминантах здоровья в электронные карты пациентов значительно увеличит нагрузку врача во время приема.

Главная цель создания новых цифровых платформ – обеспечение централизованной координации действий между сетевыми провайдерами, медицинскими центрами и пациентами. Обмен информацией между заинтересованными сторонами позволит назначать координаторов и создавать для нуждающихся в медицинской помощи индивидуальные графики посещения врачебных кабинетов. В целях продвижения таких технологий в клиническую практику в США была создана холдинговая компания CareAbout. Используя инновационный инструмент SDOH Explorer, компания Innovaccer ведет мониторинг воздействия социальных детерминант здоровья на пациентов на уровне отдельного округа, обеспечивая поставщиков медицинских услуг детальными сведениями о положении в конкретных группах населения на данной территории. Региональные органы управления могут расширять географический охват и масштабировать подобные инициативы до более широких групп населения.

В качестве примера успешного применения таких инструментов можно привести программу медицинской помощи пациентам в Нью-Йорке, разработанную для бенефициаров Medicaid в 2015–2017 гг. За каждым зарегистрированным пациентом закреплен менеджер по уходу, который разрабатывает персонализированный план лечения, согласовав предоставление всех необходимых услуг с лечебными организациями и социальными службами. Благодаря данной программе, медицинским работникам удалось не только выявить наиболее уязвимых в социальном плане пациентов, но и значительно улучшить их здоровье¹⁰.

В Соединенных Штатах многие пациенты испытывают трудности с доступом к местам оказания медицинской помощи, так как не располагают необходимыми средствами или не имеют физической возможности. Решение этой проблемы связывают с развитием телемедицины. Проведенное в 2021 г. исследование показало: именно малообеспеченные слои населения – основные пользователи виртуальных способов лечения. Возмещение расходов на виртуальную помощь и доступ к широкополосной связи беднейшим слоям населения со стороны государства во время пандемии позволило многим людям своевременно получать медицинскую помощь. Это стало главным аргументом при обращении медицинского сообщества к государству с требованием пролонгировать государственную помощь нуждающимся пациентам в тех районах страны, где ограничен доступ к врачам паллиативной медицины¹¹.

В случае, если речь идет о малоподвижных пациентах, виртуальные консультации – источник принятия своевременных решений врачами и социальными работниками. Возможность открыто обсуждать возникающие проблемы позволяет согласовать предлагаемое лечение с условиями жизни пациентов, которые становятся своего рода экспертами в

¹⁰ Fox A. (June 19, 2023). Scaling SDOH initiatives with analytics and coordinated workflows // Healthcare IT News. (https://www.healthcareitnews.com/news/scaling-sdoh-initiatives-analytics-and-coordinated-workflows?mkt_tok=NDIwLVlOQS0yOTIAAAGMdG5K-Ts6OvDQvmVS4GtCdc-v869evKUdj6wATJ4eO2FIdW2VZwtr9TrCfby1PBJWs7qlZnioP9zG7MK4mSgeOewEcfe9QBa5RDuPDm0Ow).

¹¹ Karimi M., Lee E.C., Couture S.J. et al. (February 1, 2022). National Survey Trends in Telehealth Use in 2021: Disparities in Utilization and Audio vs. Video Services. (<https://aspe.hhs.gov/sites/default/files/documents/4e1853c0b4885112b2994680a58af9ed/telehealth-hps-ib.pdf>).

том, что для них важно. Благодаря совместному принятию решений пациенты свободны в выборе плана ухода, который соответствует их возможностям¹².

Иногда пациенты по разным причинам не готовы устно отвечать на вопросы, необходимые для скрининга на наличие факторов, негативно влияющих на образ жизни. Чтобы преодолеть подобные барьеры в настоящее время используют различные технологические новинки, разработанные с помощью ИИ. Специально обученные чат-боты задают неудобные вопросы, а когда пациенты сообщают о тех или иных проблемах, им показывают реальные пути их преодоления. Значительным шагом в развитии технологий на базе ИИ стали программы генерации естественного языка (NLG), благодаря которым можно формулировать медицинские заключения. Письменные заметки врача, составляющие до 49% данных в электронных картах пациентов, – это неструктурированная информация, которая не может быть проанализирована с помощью обычных алгоритмов (скажем, записи врача о том, что пациент одинок, не имеет средств на продукты питания или употребляет наркотические вещества) и остается необработанной. С помощью программ генерации естественного языка эти данные структурируют, и они могут быть использованы для изменения прежних протоколов лечения, организации лечебной помощи за пределами медицинских учреждений, что уменьшает вероятность повторных госпитализаций¹³.

Расширяя внедрение инновационных технологий в клиническую практику, необходимо одновременно обеспечить возможность постоянно тестировать результаты работы используемых алгоритмов в реальных условиях. Облачное программное обеспечение Pieces Connect не только позволяет сократить ручную работу бригады медиков по локации пациентов, но и позволяет работать по замкнутому циклу: тот, кто отправляет пациента на лечение, может узнать о всех необходимых мероприятиях. Справочный каталог Pieces Connect¹⁴ предлагает пользователям информацию о доступных видах помощи в различных критических ситуациях. Продвижение моделей организации медицинской помощи с учетом социальных детерминант здоровья непосредственно связано с эволюцией ИИ и его потенциальной способностью трансформировать огромный объем информации с учетом особенностей пациентов.

Рост социального неравенства – главный барьер доступности медицинской помощи

Поток новейших технологий сулит человечеству расширение зоны жизненного комфорта. Однако вместе с обретением все новых удобств нарастающими темпами возникают и новые проблемы. Качество жизни отдельных общественных слоев, возможно, улучшается, но не теряет актуальности проблема социального неравенства. Ухудшение социальных и экологических условий жизни беднейших слоев населения негативно влияет на показатели здоровья, повышает риск инфекционных заболеваний, пример тому – массовая гибель людей во время эпидемии COVID-19.

¹² Siwicki B. (June 12, 2023) Why telehealth is so critical for marginalized patient populations // Healthcare IT News. (https://www.healthcareitnews.com/news/why-telehealth-so-critical-marginalized-patient-populations?mkt_tok=NDIwLVlOQS0yOTIAAAGMchKP65KEIO5uj7WjHppxA_2x_YZItAgloTz_zQ198PcWDylajan7J0H9hLyFcB-kib40UZ7lAwJCgWf0Au6F9uEiNoyRW6nV_yroLd50Ig).

¹³ Naveed Ar. (2024) Practical applications of NLP in Healthcare: enhancing the value of electronic data. (<https://www.xevensolutions.com/blog/practical-applications-of-nlp-in-healthcare/>).

¹⁴ Identifying Social Determinants of Health. (<https://blog.piecestech.com/identifying-social-determinants-of-health>).

В настоящее время в экономически развитых странах люди живут долго: разница в средней продолжительности жизни между странами с высоким и низким уровнем дохода составляет около 18 лет¹⁵. Продолжительность жизни – один из важных критериев оценки эффективности не только национальных систем здравоохранения, но и социальной политики в целом. Согласно статистике ВОЗ, на протяжении последних десятилетий масштабы глобальной экономики здравоохранения постоянно увеличивались, обгоняя рост валового внутреннего продукта (ВВП). Однако развитие этого процесса происходит неравномерно, расходы на здравоохранение по странам в процентном значении от ВВП существенно различаются: минимум – 1,9%; медианное значение – 6,2%; максимум – 17,7%. Бюджетные затраты на развитие медицинской сферы в настоящее время – это не столько показатель высокого экономического уровня страны, сколько ее политического выбора, выбора приоритетов государственного финансирования.

В Европейском регионе расходы на здравоохранение увеличились повсеместно, но доля государства в этих расходах повысилась в 31 из 52 стран. Изменение структуры бюджетных расходов в пользу здравоохранения в странах со средним уровнем дохода позволит значительно уменьшить бремя затрат на медицинские услуги населения из собственного кармана¹⁶.

Примером высокой эффективности управления национальной системой здравоохранения на Американском континенте на протяжении нескольких десятилетий служит Куба. Основные показатели здоровья кубинцев вполне сопоставимы с показателями жителей экономически более благополучных стран, а по наиболее значимым индикаторам здоровья даже превосходят их. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в стране неуклонно росла в течение последних шести десятилетий. В 1960 г. она составляла 63,83 года, а к 2018 г. достигла 78,72 года [Луно Очоа 2020]. Опыт, накопленный в стране за долгие десятилетия, наглядно демонстрирует эффективность применяемых моделей медицинской помощи с учетом конкретных потребностей различных социальных групп. В целях практического применения таких установок действует триединый подход: пациентам одновременно оказывают медицинскую, психологическую и социальную помощь. Сеть учреждений, начиная от врачебного кабинета до специализированной больницы, обеспечена высокотехнологичным оборудованием и квалифицированным персоналом. Несмотря на перманентный экономический кризис, правительство изыскивает возможности финансировать научные исследования, связанные со здоровьем человека: на Кубе информационные технологии уже давно внедрены в систему здравоохранения, благодаря чему создана единая компьютеризированная система управления отраслью. Доступ пациентов из малообеспеченных слоев населения к качественной медицинской помощи обеспечен благодаря использованию секторального принципа управления общественным здравоохранением. Однако кубинская национальная система здравоохранения, при всех ее достижениях, испытывает немало трудностей. Прежде всего это касается положения медицинских работников, оплата труда которых чрезвычайно низка при высокой его интенсивности. Это может поставить под угрозу достигнутые успехи [Садовая, Сауткина 2012].

¹⁵ Пришло время. Всемирная организация здравоохранения. (https://cdn.who.int/media/docs/default-source/documents/social-determinants-of-health/210617-bls21162-who-whd-phase-2---brochure-ru.pdf?sfvrsn=dac26a6d_22&download=true).

¹⁶ Расходы на здравоохранение в Европе: вступая в новую эру. 2022 г. Всемирная организация здравоохранения. (<file:///C:/Users/acyc/OneDrive/Рабочий%20стол/метавселенная%20здоровья/9789289057875-rus.pdf>).

Для более глубокого изучения социальных факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья той или иной нации, необходимо корректировать количественные индикаторы здоровья относительно показателей качества жизни населения. С этой целью эксперты ВОЗ ввели понятие «социальное благополучие», которое отражает демографическую ситуацию в той или иной стране, санитарно-гигиенические показатели окружающей среды, образ жизни населения и уровень медицинской помощи. Располагая такими данными, удалось показать, что линейная зависимость между увеличением ожидаемой продолжительности жизни и экономическим ростом в настоящее время отсутствует. Эффективные модели управления национальными системами здравоохранения, направленные на продвижение новых технологий, повышение культуры питания и распространение здорового образа жизни, уже сейчас приносят хорошие результаты во многих регионах мира.

С 1999 г. для отражения реальных достижений в медицинской сфере к показателю «ожидаемая продолжительность жизни человека при рождении» добавлен показатель «ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении» (HALE). Учитывая среднее количество лет, которое тот или иной человек способен прожить в относительно здоровом состоянии, можно оценить качество жизни долгожителей, проживающих в странах с разным уровнем дохода. Анализ статистических данных по этим показателям в региональном разрезе свидетельствует, что к традиционно богатой Европе и Америке приблизились жители Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), которые теперь имеют возможность прожить более 60 лет здоровыми. Однако достигнув высоких показателей продолжительности жизни, человечество начинает пожинать не всегда благоприятные плоды такого достижения. Речь идет прежде всего о дополнительных расходах, связанных со старением населения, о росте демографической нагрузки на трудоспособное население. Возникла необходимость внедрять различные программы здорового старения, использовать социальные стратегии участия пожилых людей в жизни общества. Доступные для пожилых формы занятости не только позволяют им вести активный образ жизни, но и вносить свой вклад в финансирование здравоохранения.

Прогресс в сфере здравоохранения в значительной степени уязвим в силу сложного переплетения взаимосвязанных факторов. Демографические тенденции, проблемы климата и продовольственной безопасности, порождающие социальную напряженность и разного рода конфликты, имеют вполне определенные, но в значительной степени непредсказуемые последствия с точки зрения состояния здоровья людей в долгосрочной перспективе. На протяжении последних более чем 30 лет эти процессы находят свое статистическое отражение в ежегодных Докладах о человеческом развитии. С 1990 г. в каждом докладе присутствуют данные об индексе человеческого развития (ИЧР, Human Development Index, HDI). Это один из наиболее эффективных индикаторов уровня и качества жизни. М. Уль-Хак, экономист, разработавший этот индекс, предложил оценивать уровень благосостояния народонаселения не только с помощью экономических показателей, таких как ВВП и др., но и по уровню образования граждан и их здоровья¹⁷. В первом же докладе было заявлено, что именно люди представляют собой главное богатство наций [Кузнецова 2020].

Название доклада за 2021/2022 гг. – «Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире» – достаточно точно отражает нарастающую тревогу за благополучие людей на нашей планете. На протяжении всей истории

¹⁷ Индекс человеческого развития (ИЧР): комбинированный индекс, средняя величина достижений в трех основных измерениях человеческого развития: здоровье и долголетие, знания и достойный уровень жизни. (http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2022_technical_notes.pdf).

народы боролись с эпидемиями, последствиями войн и совместными усилиями находили выход из кризисных ситуаций. Сегодня сочетание природных дестабилизирующих планетарных факторов с растущим неравенством, повсеместной имущественной поляризацией представляет собой новый источник неопределенности для всего мира. В докладе сказано: «Многие нации не выдерживают натиска поляризации, политического экстремизма и популизма, усиленных социальными сетями, искусственным интеллектом и другими мощными технологиями». Неслучайно значение глобального индекса человеческого развития снижалось два года подряд после пандемии COVID-19.

На региональном уровне соотношение наиболее развитых и отстающих стран осталось прежним. Первые пять мест по уровню человеческого развития заняли Норвегия, Швейцария, Ирландия, Германия и Гонконг. Последние места, по-прежнему, – страны Африканского континента: Бурунди, Южный Судан, Чад, Центральнаяафриканская Республика и Нигер. Нынешняя расстановка сил вызывает справедливое беспокойство о судьбах «победителей» и «проигравших». Народы отстающих регионов уже не желают принимать сложившуюся ситуацию как должное, и это залог возможных преобразований в самом ближайшем будущем¹⁸.

* * *

Благодаря интенсивной разработке концепции «социальные детерминанты здоровья» факт влияния качества жизни людей на их здоровье научно доказан и принят на всех уровнях управления. Однако до сих пор модели оказания медицинской помощи на основе социальных детерминант здоровья в полной мере не интегрированы ни в одну из известных в мире систем здравоохранения. Организация медицинской помощи населению с учетом показателей качества жизни находится в начале своего развития. Лишь в отдельных регионах мира, в странах с передовой цифровой инфраструктурой, активизирована работа в данном направлении. Примером может служить Куба, где такую систему управления с успехом применяют на протяжении длительного времени.

Выбирая стратегию управления здравоохранением важно учитывать фактор неравенства как не только экономический, но и медико-социальный феномен. Методы лечения, основанные на точной или персонализированной медицине, нелегко вписать в традиционные системы оценки стоимости услуг, а следовательно, и в планирование бюджета здравоохранения. Профилактическое направление в медицине, с которым связывают большие надежды, следует внедрять постепенно, по мере того как соответствующая работа с населением станет носить систематический характер. Благодаря открывшимся технологическим возможностям в здравоохранении постепенно получает распространение персонализированный подход, основанный на прогностической аналитике, что позволяет значительно повысить эффективность интеллектуальных и материальных затрат в медицинской сфере. На данном этапе лидеры в области применения новых моделей управления, основанных на больших данных, должны убедить в своей правоте политиков, врачей и пациентов. Это поможет решать стоящие перед обществом фундаментальные проблемы повышения качества жизни населения.

¹⁸ Доклад о человеческом развитии 2021/2022. (<https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кузнецова В. (2020) Дайджест мировой экономической аналитики: обзор на Доклад о человеческом развитии. 2019 // Актуальные вопросы отраслевых рынков и международной коммерции. № 1(2).
- Kuzneczova V. (2020) Digest of World Economic Analytics: Review of the Human Development Report. 2019. *Aktualnye voprosy otraslevykh rynkov i mezhdunarodnoj kommercii*, no. 1(2).
- Панова Л.В. (2013) Модель социальных детерминант как основа многоуровневой методологии // Петербургская социология сегодня. № 4. С. 2–32.
- Panova L.V. (2013) The social determinants model as the basis of a multilevel methodology. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*, no. 4, pp. 2–32.
- Пупо Очоа Я. (2020) Анализ национальной системы здравоохранения Кубы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. № 4. С. 737–750.
- Pupo Ochoa Ya. (2020) Analysis of the Cuban National Health System. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika*, no. 4, pp. 737–750.
- Садовая Е.С., Сауткина В.А. (2012) Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. М.: ИМЭМО РАН. 208 с.
- Sadovaya E.S., Sautkina V.A. (2012) Kachestvo zhizni naseleniya mira: izmerenie, tendencii, instituty [Quality of life of the world's population: measurement, trends, institutions]. М.: IMEMO RAN. 208 p.
- Сауткина В.А. (2016) Развитие систем здравоохранения в европейском регионе Всемирной организации здравоохранения: цели и возможности их достижения // Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России / Ред. В.И. Пантин (отв. ред.), И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, К.Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН. С. 138–147.
- Sautkina V.A. (2016) Development of health systems in the European region of the World Health Organization: goals and opportunities for achieving them. *Prognozirovanie socialno-politicheskikh processov i konfliktov v stranah Zapada i v Rossii* / Red. V.I. Pantin (otv. red.), I.S. Semenenko (otv. red.), V.V. Lapkin, K.G. Xolodkovskij. М.: IMEMO RAN. Pp. 138–147.
- Diderichsen F., Evans T. and Whitehead M. (2001) The Social Basis of Disparities in Health // Evans T., Whitehead M., Bhuiya A., Diderichsen F. and Wirth M., eds. *Challenging Inequities in Health: From Ethics to Action*. Oxford: Oxford University Press, pp. 13–23.
- Keehan S.P., Fiore J.A., Poisal J.A., Cuckler G.A., Sisko A.M., Smith Sh.D., Madison A.J., Rennie K.E. (2023) National Health Expenditure Projections, 2022–31: Growth To Stabilize Once the COVID-19 Public Health Emergency Ends. *Health Affairs*, vol. 42, no. 7, pp. 886–898.
- Marmot M., Wilkinson R.G., Priest N., Waters E., Valentine N., Armstrong R., Friel Sh., Prasad A. and Solar O. (2009) Engaging policy makers in action on socially determined health inequities: developing evidence-informed cameos. *Evidence & Policy. A Journal of Research Debate and Practice*, no. 5(1), pp. 53–70.
- Morteza S., Mohammad A. Emamgholipour S. et al. (2016) Conceptual Models of Social Determinants of Health: A Narrative Review. *Iranian Journal of Public Health*, no 46(4), pp. 435–446.

Информация об авторе

Сауткина Вера Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru

About the author

Vera A. Sautkina, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 16.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 01.08.2024

Трибуна молодого ученого ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Политика Индии и Турции в Центральной Азии: общее и особенное

© И.Ю. ЩЕДРОВ, А.А. ВЕРНИГОРА

Щедров Иван Юрьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), ivanschedro@gmail.com. ORCID: 0000-0002-3477-6320

Вернигора Алина Андреевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), avernigora@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6447-5078

Проведено сравнение внешней политики Турции и Индии в Центральной Азии на современном этапе. Определены инструменты, отличительные черты, интересы и цели внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также оценена результативность инициатив в регионе. Проанализированы трансформации общественно-политического дискурса, определено влияние преобладающих в нем нарративов на формирование подхода Турции и Индии к Центральной Азии. Сделан вывод о том, что обе страны не обладают достаточным политическим и экономическим весом, чтобы считаться ключевыми игроками в регионе, но используют схожие методы достижения внешнеполитических целей. Однако по причине ряда субъективных и объективных факторов эффективность их стратегии отличается. Политику стран характеризует дефицит системности и подверженность внешнеполитической конъюнктуре. Страны проявляют довольно сдержанную реакцию по большинству внутрирегиональных конфликтов, в то же время идеологические противоречия препятствуют конструктивному диалогу, который мог бы укрепить их позиции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Индия, Турция, Центральная Азия, дискурс, политика

Цитирование: Щедров И.Ю., Вернигора А.А. (2024) Политика Индии и Турции в Центральной Азии: общее и особенное // Общественные науки и современность. № 5. С. 111–124. DOI: 10.31857/S0869049924050092, EDN: JUMBXA

The Policy of India and Türkiye in Central Asia: the General and the Particular

© I. SHCHEDROV, A. VERNIGORA

Ivan Shchedrov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ivanschedro@gmail.com. ORCID: 0000-0002-3477-6320

Alina Vernigora, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), avernigora@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6447-5078

Abstract. The foreign policies of Türkiye's and India in Central Asia at the present stage are compared. The instruments, distinctive features, interests and goals of foreign policy and foreign economic activities are defined, as well as assess the effectiveness of initiatives implemented in the region are assessed as well. The transformation of public and political discourse is analyzed, the influence of the prevailing narratives on the approach formation of Türkiye and India to Central Asia is determined. It is concluded that the two countries do not have sufficient political and economic weight to be considered key players in the region but use similar methods to achieve their foreign policy goals. However, due to several factors, the effectiveness of their strategies differs. The countries' policies are characterised by a lack of consistency and susceptibility to foreign policy conjuncture. The countries show rather restrained reactions to most intraregional conflicts, while ideological contradictions prevent constructive dialogue that could strengthen their positions in Central Asia.

Keywords: India, Türkiye, Central Asia, discourse, politics

Citation: Shchedrov I., Vernigora A. (2024) The Policy of India and Türkiye in Central Asia: the General and the Particular. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 111–124. DOI: 10.31857/S0869049924050092, EDN: JUMBXA (In Russ.)

После распада биполярной системы Центральная Азия заняла особое место во внешней политике многих стран, которые были заинтересованы в доступе к энергоресурсам и новым рынкам сбыта. В условиях военно-политических и экономических кризисов Индии и Турции пришлось заново выстраивать механизмы взаимодействия с постсоветскими республиками и переосмыслить свою внешнеполитическую стратегию. Кризис Движения неприсоединения, разрыв торгово-хозяйственных связей с СССР, экономические и политические кризисы в Южной Азии чрезвычайно усложнили эту задачу для Нью-Дели. В свою очередь, Анкара утратила свою основную функцию как южный рубеж НАТО – сдерживание СССР.

Центральная Азия значима для Индии в связи с ее экономическими и стратегическими интересами. В условиях высокой зависимости от конъюнктуры международного энергетического рынка Индия стремится диверсифицировать географию поставщиков нефти и газа за счет стран региона. В стратегической плоскости его рассматривают как пространство борьбы с влиянием Пакистана и Китая. Общие границы с Афганистаном и территориальная близость к Джамму и Кашмиру вызывают беспокойство относительно распространения терроризма и религиозного экстремизма на территорию Индии.

Похожие цели преследует и Турция. Будучи энергозависимой и экспортоориентированной страной, она долгое время выстраивала отношения со странами региона в рамках энергетической и торговой повестки. Однако языковое и этнокультурное родство с государствами Центральной Азии позволяет ей расширять диапазон проблем, которые можно

решить совместными усилиями. Наконец, в этом регионе пересекаются интересы двух других стратегических партнеров Анкары – Москвы и Пекина, что также провоцирует особую активность турецкой политики.

Индия и Турция наращивают свое присутствие в регионе, однако его масштабы по-прежнему ограничены по сравнению с Россией и Китаем. В то же время стремление руководства «новых» сил укрепить свои позиции поддерживают местные политические элиты, поскольку оно соответствует их цели проводить многовекторную политику. Необходимость диверсифицировать внешние связи стала актуальной для них на фоне роста зависимости от китайских проектов, а также после начала украинского кризиса.

Стратегическое значение Центральной Азии для России закреплено в Концепции внешней политики, поэтому анализ политики других держав принципиально важен для определения механизмов взаимодействия с этим регионом. Изучая модели их взаимодействия, можно выявить их цели, намерения и основные тенденции, а также определить потенциальные возможности для сотрудничества. Цель настоящей статьи – выделить общее и особенное в политике Индии и Турции в Центральной Азии, а также сравнить взаимное восприятие стран. Проведен анализ трансформации стратегий государств после 1990 г., а также развития субъективных факторов, которые обуславливают интерес к региону со стороны политических и экономических элит. Под Центральной Азией авторы понимают пять постсоветских республик: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Такие географические рамки в целом соответствуют представлению Индии и Турции относительно границ региона.

Трансформация политики Индии и Турции в Центральной Азии

Индия. На протяжении 1990-х гг. политика Индии в регионе не отличалась системностью – руководство страны не смогло сформулировать ее цели и инструменты. В определенном смысле их стратегию можно назвать «точечной»: ставку делали на развитие двусторонних форматов для решения оперативных задач, в то время как экономические связи развивались слабо. Суть данной политики выразил премьер-министр Индии Н. Рао во время визита в Туркменистан в 1995 г.: «Индия желает установления честной и открытой дружбы без причинения вреда какой-либо третьей стороне» [Dave 2016, 4].

С середины 1990-х гг. Индия начала использовать новый подход к региону, который в тематической литературе называют «Смотри на Север» (Look North Policy) [Kavalski 2015, 430]. Его цель – избавиться от «стратегического окружения» со стороны Пакистана и найти инструменты борьбы с пакистанской концепцией «стратегической глубины» в Афганистане. Импульсом для активизации взаимодействия стали ядерные испытания Индии в 1998 г. и первые успехи наступательных операций Северного альянса в Афганистане [Kavalski 2010, 88]. Нью-Дели был обеспокоен проблемой распространения терроризма и религиозного экстремизма на территории Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Основными механизмами координации антитеррористической деятельности стали совместные рабочие группы и соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Индия проводила совместные учения с вооруженными силами государств региона и вела подготовку офицеров.

Особое место в индийской политике занял Таджикистан, который разделяет 1,4 тыс. км границы с Афганистаном и географически близок к региону Джамму и Кашмир. В рамках заключенного в 2002 г. соглашения о сотрудничестве в области обороны Индия обязалась модернизировать авиабазу Айни, которая расположена в 10 км юго-западнее Душанбе. Она имела стратегическое значение как с точки зрения участия в Афганском

конфликте, так и с точки зрения противостояния с Пакистаном [Stobdan 2020, 239]. За пять лет Индия вложила в реконструкцию примерно 70 млн долл. В СМИ поступала противоречивая информация относительно статуса объекта. Часть комментаторов называют Айни первой зарубежной базой Индии. Некоторые обозреватели утверждают, что страна обладала военной базой в Таджикистане еще с середины 1990-х гг. [Kavalski 2007, 849], другие же отрицают факт, что базу используют индийские военные.

Новая политика, «Связь с Центральной Азией» (Connect Central Asia), была сформулирована только в 2012 г. администрацией М. Сингха. Она стала ответом на растущую экономическую роль Китая, и формально государство придерживается этого курса до сих пор. Его основные направления на первом заседании диалогового формата «Индия-Центральная Азия» описал государственный министр иностранных дел Индии Э. Ахамед: обмен визитами на высоком уровне, сотрудничество в области безопасности, многосторонние форматы, энергетика и природные ресурсы, медицина, образование, строительный сектор, МТК «Север-Юг», торговля и инвестиции, туризм, научные и студенческие обмены. Он отметил, что политика Индии основана на «политическом, экономическом и техническом сотрудничестве, а не просто на претензиях на нефтегазовые ресурсы региона»¹.

В 2015 г. премьер-министр Н. Модии совершил визит во все страны региона. Это был первый визит премьер-министра Индии в Киргизию за 20 лет, в Таджикистан – за 12 лет и в Узбекистан – за 9 лет. Политические элиты Индии осознали, что необходимо предложить альтернативу китайским проектам Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Анонсированный президентом США Б. Обамой вывод войск из Афганистана, по мнению руководства Индии, мог спровоцировать изменения в стратегической расстановке сил. Учитывая, что в тот период расширялась география деятельности ИГИЛ², вопросы безопасности приобрели принципиально важное значение.

Нью-Дели постепенно переходит от двустороннего формата к многостороннему сотрудничеству, что свидетельствует о переходе к общерегиональному подходу. До 2009 г. Индия была слабо вовлечена в деятельность ШОС, однако в 2017 г. она стала полноправным членом объединения. Данная трансформация была вызвана увеличением роли организации в региональных процессах; стало очевидно, что отсутствие страны в объединении может привести к изоляции Индии на евразийском направлении.

Отсутствие систематических контактов с государствами региона негативно сказалось на результативности внешней политики. В последние годы Индия создает собственные форматы для сотрудничества сразу на нескольких уровнях. В 2019 г. в Самарканде состоялось первое заседание диалога Индия-Центральная Азия на уровне глав МИД. Второе заседание прошло в онлайн-формате, третье – в Нью-Дели в декабре 2021 г. В результате был создан Деловой совет Индия-Центральная Азия (India-Central Asia Business Council, ICABC) – новая переговорная площадка на уровне представителей торгово-промышленных палат. Также страны Центральной Азии получили грант на высокоэффективные проекты развития местных сообществ (High Impact Community Development Projects, HICDPs) и кредит в размере 1 млрд долл. США³. Логичным продолжением переговоров на уровне глав МИД стал первый саммит Индия-Центральная Азия в январе 2022 г., который ознаменовал 30-летие

¹ Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. Ministry of External Affairs. Government of India. 12.06.2012. (<https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/>).

² Организация запрещена в России.

³ Joint Statement of the 3rd meeting of the India-Central Asia Dialogue. Ministry of External Affairs. Government of India. 19.12.2021. (https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34705/Joint_Statement_of_the_3rd_meeting_of_the_IndiaCentral_Asia_Dialogue).

дипломатических отношений между странами⁴. По его итогам стороны договорились раз в два года проводить встречи на высшем уровне, создать Центр «Индия-Центральная Азия», который будет выполнять функции секретариата, и рабочие группы по Афганистану и иранскому порту Чабахар⁵. В рамках формата планируется сформировать дорожную карту сотрудничества и комплексного подхода к развитию отношений сроком на 30 лет⁶.

Сейчас к традиционным темам сотрудничества добавляются инициативы в области устойчивого развития – в частности, Международный солнечный альянс (International Solar Alliance, ISA) и Коалиция за устойчивую к стихийным бедствиям инфраструктуру (Coalition for Disaster Resilient Infrastructure, CDRI). Вероятно, в ближайшем будущем Индия будет делать ставку на сотрудничество в области возобновляемой энергетики и ИКТ-сектора.

С начала 1990-х гг. Индия предпринимала попытки укрепить двусторонние связи в энергетической сфере [Smith 1996, 13]. В это время начали функционировать межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. С помощью данной политики Индия стремится достичь энергетической безопасности за счет диверсификации поставщиков энергоресурсов. Первые попытки выйти на местные энергетические рынки были предприняты в Казахстане. Индия стремилась закрепить свое присутствие в нефтегазовом секторе страны еще с середины 1990-х г., однако первое соглашение индийская ONGC Videsh Ltd (OVL) и казахстанская «КазМунайГаз» подписали только в 2009 г. [Pradhan 2021, 201]. На фоне визита премьер-министра М. Сингха в Казахстан стороны заключили еще один договор, который предоставил индийской компании 25%-ю долю в Сагпаевском разведочном блоке. Соглашение предполагало, что Индия покроет затраты на геологоразведочные мероприятия, однако позже компания вышла из проекта по причине отсутствия рентабельности.

Несмотря на то что с 2001 г. показатели торговли между Индией и странами Центральной Азии возросли в 10 раз, они все еще остаются на низком уровне. Согласно данным Министерства торговли Индии, по состоянию на 2022 г. товарооборот составил 1,27 млрд долл. (см. рис 1), что в десятки раз меньше показателей торговли стран региона с Россией и Китаем.

Низкий уровень торгово-экономических связей обусловлен тем, что у индийского бизнеса практически отсутствуют стимулы для выхода на центральноазиатские рынки. Данная ситуация вызвана отсутствием благоприятного визового режима, языковым барьером, нехваткой экспертизы, макроэкономической нестабильностью в регионе и коррупцией, отсутствием твердой конвертируемой валюты и надлежащей транспортной инфраструктуры как в странах региона, так и в соседних Иране и Афганистане [Warikoo 2016, 9]. Последняя проблема была частично решена с помощью проектов МТК Север-Юг и ТАПИ. Особое значение уделяется развитию иранского порта Чабахар как альтернативы китайским инвестициям в пакистанский порт Гвадар, однако вложения Индии в инфраструктуру недостаточны.

⁴ Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit. Ministry of External Affairs. Government of India. 27.01.2022. (https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit).

⁵ Щедров И. Первый саммит Индия – Центральная Азия: начало новой политики в регионе? ИМЭМО РАН. 25.02.2022. (<https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentralnaya-aziya-nachalo-novoy-politiki-v-regione>).

⁶ English translation of Prime Minister's Opening Remarks at the first meeting of India Central Asia Summit. Ministry of External Affairs. Government of India. 27.01.2022. (<https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/34772/English+translation+of+Prime+Ministers+Opening+Remarks+at+the+first+meeting+of+India+Central+Asia+Summit>).

Рисунок 1. Торговый оборот Индии и Турции со странами Центральной Азии

Figure 1. India and Türkiye's trade turnover with Central Asian countries

Источник: составлено авторами на основе данных Министерства торговли и промышленности Индии и ТуркСтата (TürkiyeİstatistikKurumu; TÜİK).

Source: compiled by the authors based on data from the Ministry of Commerce and Industry of India and TurkStat.

Ранее в экспертном сообществе обсуждали возможность строительства железной дороги через Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), однако на фоне роста напряженности между Индией и Китаем данный проект вряд ли будет претворен в жизнь.

Турция. С 1991 по 1993 г. Турция подписала порядка 140 соглашений с центральноазиатскими республиками по вопросам политического, военного, гуманитарного и военного сотрудничества. Анкара также предпринимала попытки институционализировать отношения. В 1992 г. по ее инициативе состоялся первый Саммит глав тюркских государств. Через год страны создали Международную организацию тюркской культуры (ТЮРКСОЙ; Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi). В 1992 г. было основано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА), которое занимается проектами инфраструктурного и гуманитарного характера. В период с 1992 по 1996 г. порядка 90% всей официальной помощи в целях развития (ОПР) новым республикам предоставила Турция [Laruelle, Peyrouse 2013, 76]. В 2007 г. для проецирования турецкой «мягкой силы» и конструирования собственного имиджа Анкара создала Центры им. Ю. Эмре, подконтрольные Министерству культуры и туризма.

Однако желанию политических элит Анкары укрепить связи сопротивлялись сами центральноазиатские республики, которые стремились проводить многовекторную внешнюю политику. Турецкая экономика была не готова поддерживать все инициативы, из-за чего большая часть проектов была свернута.

В 2008 г. была сформирована Парламентская ассамблея Тюркских государств (TurkPA) – многосторонняя политическая площадка, предтеча Тюркского совета. Однако деятельность организации не приносила значимых результатов, а саммиты проходили нерегулярно. К ее достижениям можно отнести увеличение товарооборота среди стран-членов на 22% [Amreyev, 2019], развитие транспортных коммуникаций и сотрудничество в области образования и туризма. Несмотря на пандемию COVID-19, товарооборот между

государствами увеличился благодаря новым транспортным маршрутам и росту цен на ресурсы – в частности, на энергоносители и медь.

2021 г. стал прорывным для Тюркского совета: в рамках председательства Анкары структура была переименована в Организацию тюркских государств (ОТГ), а стороны инициировали ряд межгосударственных проектов – в частности совместный инвестиционный фонд. Особое внимание привлекают идеи о создании общего алфавита, информационной платформы и формулирование общей тюркской истории, что может усилить интеграцию государств.

Подходы Индии и Турции к региональным конфликтам

На официальном уровне Индия старается дистанцироваться от публичных заявлений о внутренней политике и двусторонних отношениях стран региона. В индийской политике превалирует приверженность принципу невмешательства во внутренние дела государств. Во внешней политике государство придерживается так называемого «демократического экземплиаризма» – страна готова поддерживать демократические институты только тогда, когда к ней обращаются за помощью другие правительства. Такую политику признают политические элиты некоторых стран региона [Stobdan 2014]. События, которые происходят на территории стран Центральной Азии, могут повлиять на безопасность в соседних регионах – в том числе в Индии. Соответственно, их оценивают с точки зрения влияния на региональную стабильность и возможности усиления позиций исламистских группировок. Индия предпочла дистанцироваться от публичной оценки протестов в Казахстане в январе 2022 г. Любую нестабильность в регионе Индия рассматривает как неблагоприятный фактор, однако она может иметь одно положительное последствие – негативную динамику отношений стран региона с Китаем⁷.

Анкара также не участвовала в урегулировании конфликтов в регионе и не могла выступить полноценным гарантом безопасности [Политические процессы... 2020]. Так, отношения с Таджикистаном государство фактически начало выстраивать только после окончания гражданской войны. В 2005 г. Анкара в ООН осудила политику Ташкента после событий в Андижане. В остальном Турция не вмешивается в региональные конфликты, помогая оборонным силам центральноазиатских республик развиваться самостоятельно через совместные учения и тренировки персонала на своей территории [EmreSucu, Iskandarov, Mahmudov, Chernov 2021].

Ситуация начала меняться после Второй карабахской войны, которая стала демонстрацией не только военно-технологического прогресса Анкары, но и ее стремления выполнять обязательства по защите своих союзников. В то же время Турция весьма сдержанно отреагировала на беспорядки в Казахстане в январе 2022 г. Данный факт можно объяснить тем, что в составе ОТГ отсутствуют военно-силовые структуры, которые можно мобилизовать в случае угроз безопасности.

Особенности внешнеполитических подходов

Индию традиционно интересуют вопросы безопасности, которые связаны с событиями в Афганистане и политикой Пакистана. В экономической сфере страна стремилась получить доступ к энергоресурсам региона, однако не добилась весомых успехов на этом

⁷ Unnikrishnan N. Mishra S. The domestic and international significance of protests in Kazakhstan. ORF. 10.01.2022. (<https://www.orfonline.org/expert-speak/the-domestic-and-international-significance-of-protests-in-kazakhstan/>).

направлении – во многом из-за субъективных факторов. Из-за переоценки роли пакистанского и исламского факторов Индия сформировала «запоздалую, медленную и нерешительную» позиции [Kavalski 2010, 86]. Опасения относительно экономической экспансии Китая и санкций США в отношении Ирана, а также неудачные попытки выйти на нефтяной рынок Казахстана стали причиной низкой заинтересованности крупного индийского бизнеса.

Отношения Турции со странами региона начали развиваться на фоне кризиса политической идентичности. После того, как Анкара разочаровалась в Европейском союзе в связи с отказом в полноценном членстве в 1989 г. и утратила стратегическую важность для НАТО, она увидела возможность сформировать собственный альтернативный блок с тюркскими республиками.

Несмотря на то что Индия также пыталась обосновать политику общим культурно-историческим прошлым, Турция достигла больших успехов в конструировании своей внешнеполитической идентичности, создав крепкую институциональную основу для продвижения политических и экономических интересов. Страны Центральной Азии смогли привлечь турецких инвесторов, которые способствовали развитию рынка и инфраструктуры. С расширением транспортной сети Анкара получила доступ к критически важным для нее энергетическим ресурсам. В отличие от Индии, в данных отношениях вопросы безопасности играли меньшую роль.

Образ Центральной Азии в политике Турции: в поисках «тюркского братства»

Развитие турецкого дискурса тесно переплетается с концепциями пантюркизма, которые сформировались под влиянием политики нацстроительства Ататюрка. «Турецкий исторический тезис», разработанный под патронажем кемалистов, утверждал, что центральноазиатские турки, которые переселились на земли Анатолии из-за изменений климата, были предками всех цивилизаций [Poulton 1997, 105]. Данный тезис лег в основу учебных пособий раннего республиканского периода и привел к развитию пантюркистских настроений в обществе. Тем не менее на государственном уровне они не проявлялись в значительной степени вплоть до распада Советского Союза.

С окончанием холодной войны центральноазиатский дискурс возродился в риторике политических элит Турции. Премьер-министр С. Демирель в своих выступлениях говорил о создании тюркского мира «от Адриатического моря до Великой Китайской стены», а президент Т. Озал провозгласил XXI в. «веком тюрков» [Шлыков 2017]. В то же время политические элиты отрицали экспансионистскую направленность своей политики, отмечая, что народы тюркского мира не стремятся стать гражданами одного государства, а всего лишь хотят сотрудничать [Landau 1995, 194].

Попытка пересмотреть политику в отношении Центральной Азии произошла в 2001 г. Профессор А. Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина» обосновал стратегическое значение региона для политики Анкары. Советская власть не только «скрыла» эти территории от всего мира, но и повлияла на местную национальную идентичность, заменив этнические и религиозные суб-идентичности идеей советского человека. Будучи родственной в культурно-этническом плане страной, Турция могла бы способствовать возрождению региона и сформировать собственную сферу влияния. Автор представляет Центральную Азию как продолжение региона Южного Кавказа и Каспийского бассейна, своеобразный «проход» далее в Азию [Çeviköz 2016, 34].

Пришедшая к власти в 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР) в предвыборном манифесте отметила неудовлетворительный уровень отношений с регионом⁸. Уже в 2007 г. в программном документе правящая партия назвала его «основой евразийской стратегии», в основе которой лежит работа с турецкой общиной, продвижение тюркской идентичности, а также обеспечение транспортной и экономической связанности⁹. В 2011 г. Анкара использовала термин «тюркская география» (она же турецкая) в отношении региона, что спровоцировало спекуляции об экспансионистской политике страны¹⁰.

Тюркистский дискурс набирает популярность в периоды роста националистических настроений [Свиштунова 2020, 221–222]. Особенно ярко данная динамика проявилась после выборов в 2018 г. Чтобы получить большинство в парламенте, ПСР сформировала Народный альянс (Cumhurîttifaki) с Партией националистического движения (ПНД), которая в 1990-е гг. курировала работу ТКА¹¹. С 1997 г. партия смягчила свою политику и отошла от исходных ультраправых идей, но сохранила свою тюркистскую направленность. Можно предположить, что в этом альянсе представители партии отвечают за политику на этом направлении. В предвыборном манифесте 2018 г. отношения с тюркским миром называют привилегированным партнерством¹².

Согласно наблюдениям экспертов, в ходе всеобщих выборов 2023 г. националистические партии и кандидаты победили¹³, что в перспективе может сказаться на связях со странами Центральной Азии. Планируется, что ОТГ будет способствовать укреплению этих взаимоотношений: в концепции «Видение-2040» зафиксировано намерение не только продвигать общую тюркскую идентичность, но и поощрять деятельность диаспоры на территории стран-членов¹⁴. Правящая ПСР в своей программе также отметила важность организации, выразив намерение не только координировать усилия при решении проблем региона, но и расширять сферы взаимодействия. Одним из приоритетных направлений считается военно-техническое сотрудничество¹⁵, что может сказаться на позициях России в регионе.

Образ Центральной Азии в политике Индии: перманентный поиск стратегии

Центральноазиатский вектор находился на периферии общественно-политического дискурса в Индии. Представители экспертного сообщества рассматривали взаимодействие с регионом через призму отношений с другими державами или же в контексте макроэкономических и геополитических трендов. Маргинальность этого вектора можно объяснить и тем, что «доктрина» бывшего премьер-министра Индии И.К. Гуджрала называла принципиально важной задачей внешней политики страны в 1990-х гг. нормализацию отношений со странами Южной Азии [Murthy 1999].

⁸ AK Parti. 2002 Yolunda Ak Parti Seçim Beyannemeleri.

⁹ AK Parti. 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi.

¹⁰ AK Parti. 12 Haziran 2011 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi.

¹¹ Kınıkloğlu S. Eurasianism in Turkey. SWP Research: Berlin. 2022.

¹² 24 Haziran 2018 Seçim Beyannamesi. Milliyetçi Hareket Partisi. (https://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/24haziran2018_secim_beyannamesi_tam_web.pdf).

¹³ Nationalism Is The True Victor In Turkish Elections. Daily Sabah. 17.05.2023. (<https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/nationalism-is-the-true-victor-in-turkish-elections>).

¹⁴ Turkic World Vision – 2040. (<https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>).

¹⁵ AK Parti. Seçim Beyannamesi 2023.

Необходимость сформировать внешнеполитическую стратегию на этом направлении возникла из-за того, что индийские элиты были обеспокоены вероятностью появления «транснационального исламского образования» на территории Центральной Азии [Chopra 1991, 913]. Широко распространено мнение, что проблема религиозного экстремизма влияет не только на жителей Кашмира, но и на все 170-миллионное мусульманское население страны. Индийский исследователь М.С. Рой в 2001 г. писала, что «Индия должна сотрудничать с мировыми державами, чтобы преодолеть растущую угрозу религиозного экстремизма» [SinghRoy 2021, 2273–2289].

Индийские авторы подчеркивали транзитный и торговый потенциал Центральной Азии, а также возможную роль региона в обеспечении энергетической безопасности. Экономическое присутствие Индии в регионе ограничивалось нежеланием крупного индийского энергетического бизнеса соперничать с китайскими компаниями после ряда неудачных сделок в Казахстане. Первая неудача случилась еще в 1997 г., когда Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation, CNPC) выиграла право на разработку месторождения Узень. В 2005 г. Китай перебил ставку Индии на приобретение третьей по величине нефтяной компании Казахстана «ПетроКазахстан». В 2013 г., несмотря на предварительные договоренности, индийская компания OVL снова проиграла Китаю сделку на сумму 5 млрд долл. по покупке 8,4% доли американской компании ConocoPhillips. Данная сделка должна была предоставить Индии доступ к месторождению Кашаган. Многие договоренности были отменены в последний момент по решению правительства страны. Этот факт укоренил в среде индийских экспертов идею о том, что сделки с Китаем были заключены в результате личных договоренностей, в которых имела место коррупционная составляющая. По некоторым данным, страна проиграла Китаю сделки на общую сумму 12,5 млрд долл. [Pradhan 2021, 202].

Индийские эксперты полагали, что после прихода к власти администрации Н. Моди в 2014 г. Индийская народная партия (БДП) будет проводить более активную политику. На практике существенных изменений не произошло. Индия не смогла предложить свое видение будущего региона – уровень взаимодействия с республиками Центральной Азии остается очень низким и сводится к символическому поддержанию присутствия. В 2010 г., пытаясь предложить долгосрочный формат взаимодействия, бывший посол Индии в Киргизии Ф. Стобдан писал, что Индия должна «отказаться от западного научного подхода к Центральной Азии» и «сделать “мягкую силу” основой своей политики»¹⁶. Сегодня главными инструментами Нью-Дели на данном направлении стали апелляция к общему культурно-историческому прошлому и широкое гуманитарное сотрудничество (гуманитарная помощь, модернизация и строительство учебных заведений, создание кафедр хинди, строительство медучреждений, программы обмена студентами, а также «вакцинная дипломатия»). Такой формат должен напоминать странам, что Индия в этом регионе не новый игрок, а скорее старый друг.

Обращения к общим культурно-историческим связям обоснованы потребностью Индии обеспечить безопасность в регионе. С другой стороны, такой нарратив подкрепляет мировоззрение политических элит, согласно которому они представляют не просто государство, а государство-цивилизацию [Kavalski 2010, 165].

¹⁶ Stobdan P. India, Buddhism and Geopolitics in Central Asia: Regaining Centrality. IDSA Policy Brief. 25.06.2010. (https://www.idsa.in/policybrief/IndiaBuddhismandGeopoliticsinCentralAsia_pstobdan_250610).

Взаимное восприятие политики

Важная особенность общественно-политического дискурса в Индии заключается в том, что происходящие в регионе процессы анализируют через категориальный аппарат неореализма. Индийские авторы акцентируют внимание на противостоянии крупных держав как в экономической (контроль над природными ресурсами), так и в политической (контроль над сферами влияния) плоскостях. Индийские ученые активно используют в своих работах понятие «Новая Большая игра» с его появления в середине 1990-х гг. Турция, по их мнению, полноправно участвует в этой «игре» [Pradhan 2021, 55]. Широко распространено представление, что крупные державы продвигают отличные друг от друга и зачастую несовместимые стратегии регионализации. В области экономики индийский истеблишмент беспокоят связи Турции с Китаем, в частности, интерес политических лидеров Турции к инициативе «Пояса и пути».

В Индии уверены, что двустороннее взаимодействие с Турцией не достигло полноты своего потенциала. Одной из причин тому выступают связи Анкары с Исламабадом и позиция по кашмирскому вопросу. Еще одним поводом для беспокойства индийских лидеров стал религиозный фактор: с 1990-х гг. в Центральной Азии активизировались представители религиозной секты Нурджулар, которых спонсируют турецкие бизнес-группы. Ф. Стобдан отмечал, что Индии «необходимо научиться отличать исламский фундаментализм и тюркский национализм, зарождающийся в Евразии» [Stobdan 2008, 527–547]. Отличаются позиции стран и по афганскому вопросу. Индийский эксперт Х.В. Пант утверждал, что политика Турции в Афганистане может противоречить целям Индии [Pant, Mehta 2019, 166–182]. В частности, в 2017 г. сообщалось, что Турция выступает посредником в переговорах между Афганистаном и Пакистаном, а также талибами и афганским правительством. Политические элиты Индии были недовольны попытками Турции убедить Узбекистан и Казахстан смягчить позиции в отношении переговоров с талибами.

СМИ и эксперты освещают индийский вектор в политике Турции менее активно. Бывший министр иностранных дел Турции И. Джем (1997–2002 гг.) выступал за выстраивание отношений с крупнейшими экономиками Евразии, в том числе с Нью-Дели¹⁷. Той же политики придерживался и премьер-министр Б. Эджевит, который в 2000 г. посетил Индию с государственным визитом впервые за 14 лет. В тот период Анкара отошла от своей безусловной поддержки Пакистана по кашмирскому вопросу, заявив, что его должны решать исключительно Нью-Дели и Исламабад. Во многом пересмотр позиции связан с демократическими тенденциями и прозападными настроениями среди турецких элит. Тема Кашмира начинает занимать важное место в риторике Анкары лишь в 2019 г., когда власти Индии решили аннулировать ст. 370 Конституции и лишить автономии штат Джамму и Кашмир. Позиционирование Турции как защитника всех мусульман существенно ограничивает потенциал двусторонних отношений на политическом уровне.

Турки в целом позитивно относятся к идее улучшения отношений с Индией как новой мировой державой¹⁸. Проправительственная газета *Yeni Şafak* в декабре 2022 г. отметила важность Индии как политического игрока и выразила надежду на укрепление связей

¹⁷ Cem I. (1997) Turkey: Setting Sail to the 21st Century. *Perceptions: Journal of International Relations*. No. 2 (3). Pp. 1–4.

¹⁸ Turkey, India Are ‘Natural’ Allies, AKP Deputy Says. *Hürriyet Daily News*. 26.07.2019. (<https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-india-are-natural-allies-akp-deputy-145273>).

между Анкарой и Нью-Дели, избежав при этом упоминания Кашмира¹⁹. Данные заявления были сделаны в свете председательства Индии в Большой двадцатке и Шанхайской организации сотрудничества.

Представители экспертного сообщества Турции практически не уделяют внимание политике Индии в регионе, что говорит о низком политическом и экономическом влиянии страны в Центральной Азии. В имеющихся публикациях на тему подчеркивается интерес Нью-Дели к региону, однако его не выделяют как конкурента на данном пространстве. В то же время на образ Индии в Турции существенно влияет солидарность Анкары с Исламабадом.

Выводы

Политика и Индии, и Турции в регионе не отличается системностью. На первом этапе Индия не формулировала общую стратегию взаимодействия, однако и в политике «Связь с Центральной Азией» от 2012 г. цели и направления сотрудничества прописаны довольно широко. Турция также не сформировала комплексную стратегию в отношении региона, несмотря на то что необходимость связи с тюркским миром подчеркивают как правящие круги, так и оппозиция. В то же время краткосрочные цели по объемам товарооборота и инвестиций, которые ставит само турецкое правительство, как правило, достигаются.

Обе страны прибегают к «мягкой силе» на этом направлении. Индия использует гуманитарное сотрудничество, чтобы поддерживать присутствие в регионе, а также апеллирует к культурно-цивилизационным связям. Аналогичные методы с начала 1990-х гг. использует и Турция. В ее случае формированию позитивного образа способствовало языковое и этническое родство со странами Центральной Азии. На основе этих связей были созданы многосторонние площадки, на которых Турция продвигает политическую и экономическую повестку.

Наконец, политику обеих стран определяли внешние факторы, а именно взаимодействие с крупными державами. Тем не менее, на стратегии государств они влияют по-разному. Для Индии ключевое значение имеет динамика отношений с Россией, Китаем и Пакистаном. Эта особенность предопределила периферийное положение центральноазиатского вектора в общественно-политическом дискурсе и инертную политику Индии в регионе. В отличие от Индии, для Турции китайский фактор выступил стимулом. Анкара рассматривает присутствие Пекина в Центральной Азии как возможность получить доступ к китайским проектам, инвестициям и технологиям, развивая совместные проекты в рамках «Пояса и пути» и Транскаспийского международного транспортного маршрута.

Проблемы в отношениях с Пакистаном и Китаем, санкционный режим в отношении Ирана и опасения относительно возможности образования «пояса нестабильности» вокруг своей территории не позволили Индии воплотить инфраструктурные проекты в области энергетики и транспорта. Турция, установив дружеские отношения с Азербайджаном и Пакистаном, создала благоприятное окружение, которое способствует большей интеграции в регион. Во многом поэтому уровень двусторонней торговли Турции почти в десять раз превышает показатели Индии.

Важное значение имеет миф, который создают политические элиты и экспертное сообщество. Индия завышает исламский фактор и роль Китая в регионе, что сдерживает ее

¹⁹ Türkiye-Hindistan ilişkileri: 2023 dönüm noktası olabilir. Yeni Şafak. 13.12.2022. (<https://www.yenisafak.com/dusunce-gunlugu/turkiye-hindistan-iliskileri-2023-donum-noktasi-olabilir-3895333>).

во внешней политике. Турция, в свою очередь, использует тюркскую идентичность как опору для присутствия в регионе, однако центральноазиатские элиты не всегда разделяют эти настроения, придерживаясь национальных интересов. Турция и Индия смотрят друг на друга через «призму» пакистанского фактора, что мешает странам выстраивать конструктивный диалог. Таким образом, в условиях антагонизма по принципиально важным вопросам возможности для взаимодействия Индии и Турции в Центральной Азии ограничены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография (2020) Ред.: Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН. 276 с.

Politicheskie processy na postsovetском prostranstve: novye trendy i starye problemy. Kollektivnaya monografiya [Political Processes in the Post-Soviet Space: New Trends and Old Problems. Collective Monograph] (2020) Ed(s): E.G. Solovyev, G.I. Chufirin. Moscow: IMEMO. 276 p. (In Russ.)

Свистунова И.А. (2020) Турция: влияние политической идентичности на внешнюю политику // В: Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография. Ред.: И.Д. Звягельской. Москва: ИМЭМО РАН. 336 с.

Svistunova I.A. (2020) Turkey: The Impact of Political Identity on Foreign Policy. In: *Blizhnij Vostok: Politika i identichnost'. Kollektivnaya monografiya*. Ed(s): I.D. Zvyagel'skaya. Moscow: IMEMO RAS. 336 p. (In Russ.)

Шлыков П.В. (2017) Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. Т. 8. № 1, С. 58–72.

<https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76>

Shlykov P.V. (2017) Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey. *Sravnitel'naya politika*. no. 1, pp. 58–76. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76> (In Russ.)

Amreyev B. (2019) Building Momentum: The Turkic Council Begins a New Decade // In: 10th Anniversary of Nakhichevan Agreement. Ed(s): C. Şahverdiyev, C. Veliyev. Turkic Council. Pp. 27–34.

Chopra P. (1991) Foreign Policy in a Changing World // *Economic and Political Weekly*. No. 26. Pp. 911–922.

Çeviköz Ü. (2016) Turkey in Reconnecting Eurasia: Foreign Economic and Security Interests. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies.

Dave B. (2016) Resetting India's Engagement in Central Asia: From Symbols to Substance. Policy Report. RSIS. Pp. 1–17.

Emre Sucu A., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. (2021) Does Turkey Have a Central Asian Project? // Вестник МГИМО-Университета. № 14. С. 82–96.

<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96>

Kavalski E. (2007) Partnership or Rivalry between the EU, China and India in Central Asia: The Normative Power of Regional Actors with Global Aspirations // *European Law Journal*. No. 13. Pp. 839–856. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0386.2007.00393.x>

Kavalski E. (2010) India and Central Asia. The Mythmaking and International Relations of a Rising Power. London: I.B. Tauris Publishers. 288 p.

Kavalski E. (2015) India's Bifurcated Look to "Central Eurasia": The Central Asian Republics and Afghanistan // In: *The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy*. Ed(s): D.M. Malone, C. Raja Mohan, S. Raghavan. Oxford: Oxford University Press. Pp. 424–436.

Landau J. (1995) Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company. 275 p.

- Laruelle M., Peyrouse S. (2013) *Globalizing Central Asia: Geopolitics and Challenges of Economic Development*. Abington, New York: Taylor & Francis. 376 p.
- Murthy P. (1999) The Gujral Doctrine and Beyond // *Strategic Analysis*. No. 23. Pp. 639–652. <https://doi.org/10.1080/09700169908455072>
- Pant H.V., Mehta K. (2019) Turkey and India: A Relationship in Progress // In: *Turkey's Pivot to Eurasia. Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*. Ed(s): E.Erşen, S. Köstem. London: Routledge. Pp. 166–182.
- Poulton H. (1997) *Top Hat, Grey Wolf and Crescent: Turkish Nationalism and the Turkish Republic*. New York: New York University Press. 351 p.
- Pradhan R. (2021) *Geopolitics of Energy in Central Asia, India's Position and Policy*. Routledge: New York. 303 p.
- Singh Roy M. (2021) India's Interests in Central Asia // *Strategic Analysis*. No. 24. Pp. 2273–2289.
- Smith D.L. (1996) Central Asia: A New Great Game? // *Asian Affairs: An American Review*. No. 23. Pp. 147–175.
- Stobdan P. (2008) Shanghai Cooperation Organization: Challenges to China's Leadership // *Strategic Analysis*. No. 32. Pp. 527–547. <https://doi.org/10.1080/09700160802214318>
- Stobdan P. (2014) *Central Asia. Democracy, Instability and Strategic Game in Kyrgyzstan*. New Delhi: Pentagon Press. 66 p.
- Stobdan P. (2020) *India and Central Asia: The Strategic Dimension*. New Delhi: IDSA. 524 p.
- Warikoo K. (2016) Central Asia and South Asia: Opportunities and Challenges // *India Quarterly*. No. 72. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1177/0974928415618751>

Информация об авторах

Щедров Иван Юрьевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: ivanschedro@gmail.com

Вернигора Алина Андреевна, младший научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: avernigora@imemo.ru

About the authors

Ivan Yu. Shchedrov, Junior Research Fellow, Center of the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: ivanschedro@gmail.com

Alina A. Vernigora, Junior Research Fellow, Center for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: avernigora@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 22.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.10.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

Оригинальная статья / Original article

Экономическое благополучие и политические установки как детерминанты формирования гражданской идентичности россиян¹

© В.А. ФЕДОТОВА

Федотова Вера Александровна, НИУ ВШЭ – Пермь (Пермь, Россия), VAFedotova@hse.ru.
ORCID 0000-0003-2189-9791

Гражданская идентичность выступает важным компонентом сознания личности, от которого в значительной степени зависит деятельность, общение, поведение и взаимодействие как конкретных людей, так и социальных общностей. Формирование гражданской идентичности происходит в процессе социализации под влиянием ряда факторов. В настоящей работе выявлено и рассмотрено влияние политического и экономического факторов на выраженность гражданской идентичности россиян. В качестве показателей политического фактора выступают отношение к власти и политическая активность; экономического фактора – субъективное экономическое благополучие. Исследование проведено с участием 1014 респондентов, среди которых было 527 респондентов женского пола и 487 респондентов мужского пола. В ходе научной работы было установлено, что доверие к институтам власти положительно влияет на выраженность гражданской идентичности. Выявлено, что низкий и средний уровень удовлетворенности материальным положением семьи могут снижать выраженность гражданской идентичности, однако другие факторы субъективного экономического благополучия имеют все же положительный эффект в отношении выраженности гражданской идентичности россиян.

Ключевые слова: гражданская идентичность, политическая активность, доверие к власти, политическое доверие, субъективное экономическое благополучие

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01552 «Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: межпоколенные, гендерные и региональные различия»).

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 23-28-01552 “Sociocultural factors in the formation of civil and ethnic identity of Russians: intergenerational, gender and regional differences”).

Цитирование: Федотова В.А. (2024) Экономическое благополучие и политические установки как детерминанты формирования гражданской идентичности россиян // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 125–137. DOI: 10.31857/S0869049924050105, EDN: JUJXVO

Economic Well-Being and Political Attitudes as Determinants of Civil Identity of Russians

© V. FEDOTOVA

Vera A. Fedotova, HSE – Perm (Perm, Russia), VAFedotova@hse.ru. ORCID 0000-0003-2189-9791

Abstract. Civil identity is an important component of the individual's consciousness, on which the activities, communication, behavior and interaction of both specific people and social communities largely depend. The formation of civic identity occurs in the process of socialization under the influence of a number of factors. This study identifies and examines the influence of political and economic factors on the expression of the civic identity of Russians. The criteria for the political factor are attitude to power and political activity. The political factor was also measured using two questions regarding the benefits/harms of Crimea joining the Russian Federation and the respondents' opinions about the sanctions of Western countries against Russia. Subjective economic well-being was used as an indicator of the economic factor. The study was carried out with the participation of 1014 respondents, among whom there were 527 female respondents and 487 male respondents. It was found that trust in government institutions has a positive effect on the expression of civic identity. It was revealed that low and average levels of satisfaction with the financial situation of the family can reduce the expression of civic identity, however, other factors of subjective economic well-being still have a positive effect on the expression of civic identity of Russians.

Keywords: civic identity, political activity, trust in government, political trust, subjective economic well-being

Citation: Fedotova V.A. (2024) Economic Well-Being and Political Attitudes as Determinants of Civil Identity of Russians. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 125–137. DOI: 10.31857/S0869049924050105, EDN: JUJXVO (In Russ.)

Понятие идентичности в последние годы все чаще становится предметом теоретического и эмпирического изучения во многих социальных науках. Интерес ученых к данному феномену не случаен. Он обусловлен той ролью, которую выполняет идентичность в условиях глобализационных процессов. Гражданская и этническая идентичность являются видами социальной идентичности, частью Я-концепции человека, которая связана с осознанием своей принадлежности к той или иной группе. Проблема становления гражданской идентичности находится в поле интересов научных деятелей, социологов, психологов, политологов и политических деятелей. В науке изучению гражданской идентичности посвящены как работы зарубежных авторов (Дж. Тернер; Г. Тэджфел; С. Московичи и др.), так и отечественных ученых (Ю.А. Левада, О.В. Попова, Н.Л. Балич, Т.В. Водолажская и др.). В представленном исследовании под гражданской идентичностью мы будем понимать отождествление человека с гражданами своей страны и государственно-территориальным пространством [Дробижева 2017].

Патриотизм и национализм являются важными компонентами гражданской идентичности [Григорян 2013; Григорян, Лепишкова 2012; Григорьев 2020]. В большинстве

психологических исследований национализм и патриотизм рассматриваются вместе, и проблема содержательной наполненности до сих пор остается одной из важных [Hanson, O'Dwyer 2018]. Однако результаты ранее проведенных исследований позволяют заключить, что патриотизм представляет собой позитивную оценку (чаще всего гордость) своей национальной группы и ее успехов без группового сравнения. Патриотизм, будучи основой гражданской нации, способен обеспечить развитие России и ее регионов, учитывая их самобытные и многообразные культуры. Он ориентирует политические, социальные и культурные процессы на формирование российской гражданской нации и рассматривается учеными как модель новой цивилизационной идентичности россиян и фундамент формирования российской гражданской нации. Национализм, в свою очередь, включает сравнение с другими группами и убеждение в ее превосходстве над другими [Kosterman, Feshbach 1989; Grigoryan, Ponizovskiy 2018; Григорян 2013; Григорьев 2020].

Исследователи предпринимали попытки описать факторы, влияющие на формирование идентичности. Например, были выделены исторические, политические, социальные, ситуативные и культурные [Гаглоева 2020]. Джон Берри с коллегами определил, что формирование идентичности происходит в процессе социализации под влиянием различных факторов социокультурного контекста – культурного, исторического, политического и экономического [Berry et al. 2006]. При этом вопрос критериев и содержательного наполнения данных факторов остается открытым и представляет собой обширное поле для исследования. В данной работе акцент сделан на проверке влияния двух факторов – политического и экономического. В качестве показателей политического фактора выступают отношение к власти и политическая активность, а экономического – факторы субъективного экономического благополучия.

По мнению ученых, политические факторы отражают угрозу потери территориальной целостности, политические кризисы и кризисы власти. Данный фактор связан с ощущением того, что государство является институтом, который может предоставить социальную защищенность своим гражданам [Гаглоева 2020]. Такие факторы, как роль государства в определении направления развития общества, наличие традиций и доверия между социальными группами, участие граждан в политической активности, механизмы разрешения различных социальных конфликтов воздействуют на формирование гражданской идентичности [Шакурова 2014].

Влияние политических событий и политических установок на становление идентичности было рассмотрено в ряде научных работ. Например, И.Н. Ефремкина провела исследование взаимосвязи политических событий и изменений в структуре гражданской идентичности [Ефремкина 2015]. Перед ученой стояла цель выявить изменения в структуре этнической идентичности в связи с присоединением Крыма к России и санкциями США и Европы. Исследование прошло в два этапа: в октябре 2013 г. была проведена первичная диагностика двух видов идентичности, в мае 2014 г. – повторная диагностика. При повторной диагностике возросло количество тех, кто ощущает себя россиянином, и тех, кто испытывает позитивные чувства от ощущения принадлежности к своему народу и своему государству. Большинство опрошенных воспринимают присоединение Крыма к России и вводимые Западом санкции как свидетельство того, что Россия «поднимается с колен». Взрослые респонденты отмечали, что достаточно долго ждали этого [Ефремкина 2015].

Относительно роли *экономического фактора* в становлении идентичности следует отметить, что научных работ по проблеме связи экономического фактора с идентичностью достаточно мало, что создает большой потенциал для дальнейшего исследования.

В имеющихся научных работах ученые сходятся во мнении, что под данным фактором можно понимать совершенно различные процессы в современном обществе, однако в рамках социально-психологического исследования первостепенно следует рассматривать субъективно-экономическое благополучие [Хащенко 2011; Дробовцева, Котова 2016]. В одном российском исследовании было установлено, что такой компонент экономического фактора, как «экономический оптимизм», служит модератором взаимосвязи гражданской и этнической идентичности. Авторы пришли к выводу, что данная переменная отражает чувства защищенности и надежности, что приводит к усилению взаимосвязи между двумя видами идентичности [Дробовцева, Котова 2016].

Цель настоящего исследования заключается в определении влияния доверия к власти, политической активности и субъективного экономического благополучия на формирование гражданской идентичности россиян.

В этой связи были сформулированы гипотезы исследования и исследовательский вопрос.

Исследовательский вопрос: какую роль играют политические и экономические факторы в формировании гражданской идентичности россиян?

В качестве гипотез исследования были выдвинуты следующие предположения:

- 1) экономическое благополучие положительно влияет на выраженность гражданской идентичности россиян;
- 2) высокий уровень доверия к власти положительно влияет на выраженность гражданской идентичности россиян;
- 3) стремление принимать участие в различных формах политической активности оказывает положительное влияние на выраженность гражданской идентичности россиян.

Методология исследования

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики:

1. Гражданская идентичность измерялась с помощью методики из International Social Survey Programme в адаптации на русский язык Л.К. Григорян [Григорян 2013]. Методика включает шкалы патриотизма как гордости достижениями нации ($\alpha = 0,84$). Для оценки патриотизма использовались утверждения, нацеленные на оценку гордости за страну. Респондентов спрашивали, в какой мере они гордятся российскими экономическими успехами, научными и техническими достижениями, успехами в спорте, в области литературы и искусства и т.д. Национализм оценивался как склонность возвышать свою страну в сравнении с другими странами ($\alpha = 0,71$). Примеры утверждения: «Говоря в целом, Россия лучше большинства других стран», «Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права» и т.д.

2. Политический фактор измерялся с помощью:

а) шкалы политического доверия [Гулевич и др. 2020]. Она включает в себя пять политических институтов: армию, судебную систему, политические партии, правительство и президента. Респонденту необходимо отметить, насколько он доверяет каждому институту по 5-балльной шкале: от 1 – «совсем не доверяю» до 5 – «полностью доверяю».

б) шкалы «готовности участвовать в политической активности» [Pattyn et al. 2012; Van Assche et al. 2018, 2019]. Респондентам необходимо отметить, насколько они готовы участвовать в формах политической активности по 5-балльной шкале: от 1 – «совсем не готов» до 5 – «полностью готов». Данную методику сформулировали нидерландские исследователи [Pattyn et al 2012; Van Assche et al 2018, 2019]. Впоследствии методика была

адаптирована для российской выборки. Таким образом, оценка эффективности политического поведения измерялась с помощью опросника, который включает в себя шесть форм политических действий: голосование на выборах; подписание коллективных обращений, писем или петиций; личное обращение к региональному политику (письмо, выступление в СМИ, личная встреча); личное обращение к президенту (письмо, выступление в СМИ); участие в работе политических партий; участие в уличных акциях (демонстрациях, пикетах, маршах, митингах).

3. Экономический фактор установлен с помощью вопросов соответствующих шкал из методики субъективного экономического благополучия [Хащенко 2011]. Методика «Субъективное экономическое благополучие» (СЭБ) [Хащенко 2011] представляет собой опросник, состоящий из 26 утверждений, к каждому из которых предлагается пять вариантов ответов, где 1 соответствует ответу «не согласен с утверждением», а 5 – «полностью согласен». Далее, в соответствии с ключом, подсчитываются показатели по таким факторам, как: экономический оптимизм/пессимизм, экономическая тревожность, субъективная адекватность дохода, финансовая депривированность, текущее благосостояние семьи. Эти факторы согласуются с компонентами СЭБ, выделяемыми в теоретической модели Хащенко [Хащенко 2011].

Статистический анализ выполнен в программе SPSS 26. Соответствие распределения количественных переменных нормальному закону оценивалось с использованием W-критерия Шапиро-Уилка. Для оценки зависимости количественной переменной от одного или нескольких факторов, а также для сравнительной оценки их влияния, выполнен регрессионный анализ.

Респонденты

Исследование проведено с участием 1014 респондентов, среди которых было 527 респондентов женского пола и 487 респондентов мужского пола. Средний возраст исследуемой выборки составил $41,4 \pm 13,1$ года (минимум – 19 лет; 25 перцентиль – 31 год; медиана – 39 лет; 75 перцентиль – 55 лет; максимум – 83 года).

Сбор эмпирических данных проводился в ходе анонимного онлайн-опроса на платформе anketolog.ru в период с февраля по май 2023 г., часть данных была собрана сотрудниками маркетингового агентства «Русопрос» в рамках договора об оказании услуг в мае-июне 2023 г., жители Перми и Пермского края проходили опрос в Google Формам и на платформе Simpoll.ru. В последнем случае в распространении опросников оказали содействие Министерство здравоохранения Пермского края, информационные порталы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Основная доля респондентов имеют высшее образование, закончили аспирантуру, или же имеют ученую степень (65,3%). Самая малочисленная категория респондентов – имеют неполное среднее образование или ниже (0,5%). Большинство респондентов отметили, что работают (78,7%). Также 8,2% респондентов совмещают учебу и работу, а еще 1,1% отмечают, что совмещают учебу и подработку. Среди респондентов населенных пунктов наиболее многочисленными оказались жители Нижнего Новгорода (19,2%). Несколько меньше респондентов проживают в Санкт-Петербурге (16,8%), Ростове-на-Дону (14,2%), а также в Ленинградской области (13,2%) и Московской области (12,9%). Меньше всех оказалась категория респондентов, проживающих в Москве (8,8%), Перми (7,9%) и Пермском крае (7,0%, в том числе в сельской местности – 3,8%).

Результаты исследования

Обратимся к данным, полученным в первом блоке опросника и отражающим выраженность гражданской идентичности россиян. Результаты анкетирования по вопросам, составляющим гражданскую идентичность, полученные при обработке данных по методике из International Social Survey Programme в адаптации на русский язык Л.К. Григорян [Григорян 2013], представлены в таблице 1.

Значение по шкале национализма ($M=4,03$, $SD=0,99$) немного выше, чем по шкале патриотизма ($M=3,09$, $SD=0,7$). Респонденты считают, что Россия в целом лучше большинства других стран. Они испытывают чувство гордости, когда страна хорошо выступает на международных спортивных соревнованиях. В большей степени опрошенные россияне гордятся достижениями в спорте, научными и техническими успехами, достижениями в области искусства и литературы своей страны, а также историей.

В таблице 2 представлены ответы респондентов на вопросы относительно их политических установок. Результаты получены при обработке данных опросников, направленных на измерение доверия к власти [Гулевич и др. 2020] и политической активности [Pattyn et al. 2012; Van Assche et al. 2018, 2019].

Выявлено, что общий уровень политического доверия выше среднего уровня ($M=3,28$, $SD=1,17$). Респонденты в большей степени доверяют президенту РФ ($M=3,65$, $SD=1,41$) и российской армии ($M=3,52$, $SD=1,34$), однако в меньшей степени доверяют судебной системе ($M=3,01$, $SD=1,28$) и политическим партиям ($M=2,91$, $SD=1,29$). В ранее проведенных исследованиях было установлено, что доверие к институту исполнительной власти находится на высоком уровне. Респондентами в этом случае выступили 1600 россиян старше 18 лет из 46 субъектов страны и более половины из них декларируют доверие к президенту, правительству и главам регионов. Вместе с тем, наблюдается низкий уровень доверия к институтам законодательной власти. Кроме этого, авторы отметили, что президент России пользуется наибольшим доверием в сравнении со всеми другими институтами власти [Киселев 2014]. В более современных работах отмечена та же тенденция. Как установил научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Д.Ф. Терин, политическая система российского общества в целом довольно далека от идеала, институты характеризуются низким уровнем доверия, однако институт Президента России выделяется среди других политических институтов заметно более высоким доверием [Терин 2018]. Ученые также провели социологический анализ уровня доверия российского общества к власти в условиях специальной военной операции России на Украине [Мерзликин 2024]. В основу анализа положено сопоставление данных экспертных опросов, проведенных в 2022–2023 гг. Полученные результаты позволили заключить, что за два года возросло доверие граждан к президенту и институтам власти [Мерзликин 2024]. У российской молодежи степень доверия к политическим институтам имеет невысокий уровень, исключение составляет доверие Президенту РФ и армии [Рожкова и др 2022]. Результаты нашего исследования продолжают ранее выявленную тенденцию.

Говоря о политической активности необходимо отметить, что опрошенные в большей степени готовы голосовать на выборах ($M=3,96$, $SD=1,96$) и подписывать коллективные обращения и петиции ($M=3,36$, $SD=1,18$), чем принимать участие в работе политических партий ($M=2,77$, $SD=1,31$) или в уличных акциях, демонстрациях и митингах ($M=2,32$, $SD=1,24$).

Следующим шагом были проанализированы экономические установки россиян. Результаты получены при обработке данных опросника «Субъективное экономическое благополучие» [Хащенко 2011].

Таблица 1

Выраженность гражданской идентичности россиян

Table 1

Expressiveness of Russian's civic identity

Показатель	Mean $\pm$ SD	Min; Max
Национализм	4,03 $\pm$ 0,99	1; 5
Патриотизм	3,09 $\pm$ 0,7	1; 4
Гражданская идентичность	3,56 $\pm$ 0,78	1; 4,5

Источник: *составлено автором*

Source: *compiled by the author*

Таблица 2

Доверие к власти и политическая активность россиян

Table 2

Trust in government and political activity of Russians

Показатель	Mean $\pm$ SD	Min; Max
Доверие к институтам власти		
Армия	3,52 $\pm$ 1,34	1; 5
Судебная система	3,01 $\pm$ 1,28	1; 5
Политические партии	2,91 $\pm$ 1,29	1; 5
Правительство	3,32 $\pm$ 1,32	1; 5
Президент	3,65 $\pm$ 1,41	1; 5
Политическая активность		
Голосование на выборах	3,96 $\pm$ 1,26	1; 5
Подписание коллективных обращений, писем или петиций	3,36 $\pm$ 1,18	1; 5
Личное обращение к региональному политику (письмо, выступление в СМИ, личная встреча)	3,03 $\pm$ 1,27	1; 5
Личное обращение к президенту (письмо, выступление в СМИ)	3,04 $\pm$ 1,29	1; 5
Участие в работе политических партий	2,77 $\pm$ 1,31	1; 5
Участие в уличных акциях (демонстрациях, пикетах, маршах, митингах)	2,32 $\pm$ 1,24	1; 5
Политическое доверие	3,28 $\pm$ 1,17	1; 5
Политическая активность	3,08 $\pm$ 0,95	1; 5

Источник: *составлено автором*

Source: *compiled by the author*

Таблица 3

Факторы субъективного экономического благополучия россиян

Table 3

Factors of subjective economic well-being among Russians

Показатель	Mean ± SD	Min; Max
Экономический оптимизм/пессимизм	2,76 ± 0,74	1;5
Субъективная адекватность дохода	2,84 ± 0,85	1;5
Текущее благосостояние семьи	2,92 ± 1,04	1;5
Финансовая депривированность	3,17 ± 0,99	0;5
Экономическая тревожность (финансовый стресс)	2,70 ± 1,12	1;5
Общий показатель СЭБ	2,88 ± 0,50	1,7; 4,9

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

Общий уровень субъективного экономического благополучия выше среднего уровня, при этом самое высокое значение по фактору «финансовая депривированность» составляет ($M=3,17$, $SD=0,99$), что свидетельствует о том, что респонденты в средней или большой степени испытывают чувство безнадежности из-за невозможности улучшить материальное положение. Что касается фактора «экономический оптимизм» ($M=2,76$, $SD=0,74$), то наблюдается склонность к неблагоприятной оценке своего материального положения за последнее время и малой возможности повысить материальный уровень в ближайшее время. Удовлетворенность материальным положением семьи также находится на среднем уровне ($M=2,92$, $SD=1,04$). Значение по фактору «Субъективная адекватность дохода» ($M=2,84$, $SD=0,85$) свидетельствует о том, что доходы российских респондентов в низкой или средней степени удовлетворяют основные потребности в независимости и свободе, материальном благополучии, самореализации и самовыражении. Современные ученые отмечают, что благополучие россиян в разрезе регионов РФ за последнее время снизилось. В мае 2022 г. проведен массовый опрос респондентов ($N=4422$) по общероссийской репрезентативной выборке [Фролова, Рогач 2023]. Установлено, что введение Западом санкций наложило отпечаток на социально-экономическое положение россиян: многие респонденты отмечают сложности с работой, снижение доходов, ухудшение жилищных условий и пр. Санкционное давление спровоцировало сжатие потребительского спроса, изменение образа жизни значительной части россиян, в том числе даже тех, кто в условиях кризиса смог улучшить свое материальное положение. Однако, как отмечают авторы исследования, состояние экономики стало фундаментом для мобилизации внутренних ресурсов и поиска точек роста [Фролова, Рогач 2023].

Далее нами был проведен регрессионный анализ с целью выявить влияние субъективного экономического благополучия и политических установок на выраженность гражданской идентичности россиян. Проведен множественный регрессионный анализ с проверкой мультиколлинеарности с помощью коэффициента инфляции дисперсии (см. табл. 4).

В представленной модели 53% дисперсии степени выраженности гражданской идентичности можно объяснить совокупностью следующих показателей: отношение к власти,

Таблица 4

**Влияние политических установок и экономического благополучия
на гражданскую идентичность: результаты регрессионного анализа**

Table 4

**Thein fluence of political attitudes and economic well-being on civic identity:
results of regression analysis**

	Р-квадрат	F	Значи- мость	B	Значи- мость	VIF
(Константа)	53%	161,926	0,000	1,677	0,000	
Отношение к власти				0,426	0,000	1,289
Экономический пессимизм				0,187	0,000	1,784
Субъективная адекватность дохода				0,100	0,001	2,290
Экономическая тревожность				0,056	0,002	1,544
Регион проживания				-0,023	0,005	1,018
Уровень образования				-0,038	0,031	1,041
Текущее благосостояние семьи				-0,071	0,004	2,334

Источник: *составлено автором*

Source: *compiled by the author*

экономический пессимизм, субъективная адекватность дохода, экономическая тревожность, регион проживания, степень образования, текущее благосостояние семьи.

Значение коэффициента инфляции дисперсии (VIF) указывает на умеренную корреляцию между показателями, что позволяет говорить об адекватности регрессионной модели. Значение критерия Фишера (F) и его значимости (меньше 0,05) свидетельствуют о том, что данная регрессионная модель значима. Поскольку значимость всех выявленных коэффициентов меньше 0,05, соответственно, можно говорить о влиянии независимых переменных на выраженность гражданской идентичности у российских респондентов.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что отношение к власти в наибольшей степени оказывает влияние на гражданскую идентичность. Другими словами доверие к институтам власти повышает выраженность гражданской идентичности россиян и форм ее проявления.

Факторы субъективного экономического благополучия также влияют на выраженность гражданской идентичности россиян. При этом такие факторы экономического благополучия, как экономический оптимизм, субъективная адекватность дохода, отсутствие экономической тревожности оказывают положительное влияние на выраженность гражданской идентичности. Низкий и средний уровень удовлетворенности материальным положением семьи могут снижать выраженность гражданской идентичности россиян, позитивный спектр гражданской идентичности, национализм и уровень патриотизма граждан.

Финансовая депривированность и политическая активность не оказывают воздействия на гражданскую идентичность российских респондентов и по этой причине не были включены в итоговую модель.

Заключение

В ходе настоящего исследования было установлено, что национализм как компонент гражданской идентичности выражен больше, чем идеология патриотизма. Опрошенные считают, что Россия в целом лучше большинства других стран. В большей степени респонденты гордятся достижениями в спорте, научными и техническими успехами, достижениями в области искусства и литературы своей страны, а также ее историей. Также они испытывают чувство гордости, когда страна хорошо выступает на международных спортивных соревнованиях.

Выражена готовность голосовать на выборах и подписывать коллективные обращения и петиции, однако в меньшей степени принимать участие в работе политических партий или в уличных акциях, демонстрациях и митингах. Россияне, участвовавшие в исследовании, испытывают высокий уровень доверия к президенту и российской армии. В то же время судебная система и политические партии вызывают меньшую степень доверия.

Общий уровень субъективного экономического благополучия выше среднего уровня, отмечена финансовая депривированность, респонденты в своем большинстве испытывают чувство безнадежности из-за невозможности улучшить материальное положение. Опрошенные россияне дают неблагоприятную оценку своего материального положения и невысокую возможности повысить материальный уровень в ближайшее время. По мнению респондентов, их доходы недостаточно удовлетворяют основные потребности в независимости и свободе, материальном благополучии, самореализации и самовыражении.

Что касается последнего этапа исследования, то в целом доверие к институтам власти повышает уровень гражданской идентичности опрошенных россиян. Относительно факторов субъективного экономического благополучия отмечено, что низкий и средний уровень удовлетворенности материальным положением семьи могут снижать выраженность гражданской идентичности россиян. В то же время другие факторы экономического благополучия положительно влияют на выраженность гражданской идентичности.

Таким образом, выдвинутые гипотезы нашли свое частичное подтверждение. Высокий уровень доверия к власти положительно влияет на выраженность гражданской идентичности россиян. Однако политическая активность не оказывает воздействия. Экономическое благополучие также оказывает влияние на выраженность гражданской идентичности, при этом ряд показателей имеет положительное влияние, а текущее благосостояние семьи – негативное воздействие.

Полученные нами результаты вносят вклад в проблему формирования гражданской идентичности россиян и расширяют знания относительно роли политических установок и экономического благополучия в данном процессе. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при подготовке рекомендаций по формированию национальной и миграционной политики Российской Федерации. Используемая методология может быть применена в дальнейшем при реализации исследования гражданской идентичности россиян и других факторов, влияющих на ее формирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гаглюева А.Б. (2020) Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. № 66. С. 348–351.
- Gagloeva A.B. (2020) Factors in the formation of civil and ethnic identities. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. no. 66, pp. 348–351. (In Russ.)
- Григорьев Д.С. (2020) От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. № 3 (39). С. 48–60.
- Grigor'ev D.S. (2020) From patriotism to political totalitarianism: the role of collective narcissism. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. no. 3 (39), pp. 48–60. (In Russ.)
- Григорян Л.К. (2013) Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. № 3. С. 22–31.
- Grigorjan L.K. (2013) Patriotism and nationalism in Russia: an analysis of economic independence. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*. no. 3, pp. 22–31. (In Russ.)
- Григорян Л.К., Лепшокова З.Х. (2012) Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян // Социальная психология и общество. № 2. С. 5–20.
- Grigoryan L.K., Lepshokova Z.K. (2012). The role of national identity and attitudes towards immigrants in economic beliefs of Russians: An empirical model. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. no. 3 (2), pp. 5–20. (In Russ.)
- Гулевич О.А., Сариева И.Р. (2020) Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. № 2 (11). С. 74–92.
- Gulevich O.A., Sarieva I.R. (2020) Social beliefs, political trust and readiness for political behavior: comparison of Russia and Ukraine. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. no. 2 (11), pp. 74–92. (In Russ.)
- Дробизева Л.М. (2017) Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.
- Drobizheva L.M. (2017) All Russian identity and the level of national consent as a reflection of the vector of consolidation processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. no. 1, pp. 26–36. (In Russ.)
- Дробовцева М.В., Котова М.В. (2016) Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // Психологические исследования. Т. 9. № 47. С. 1–27.
- Drobovtseva M.V., Kotova M.V. (2016) Interrelationship between the civil and ethnic identity of Russians: factors of the socio-cultural context. *Psihologicheskie issledovaniya*. no. 47, pp. 1–27. (In Russ.)
- Ефремкина И.Н. (2015) Исследование взаимосвязи политических событий и изменений в структуре гражданской и этнической идентичности // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Т. 1. № 23. С. 54–58.
- Efremkina I.N. (2015) Study of the relationship between political events and changes in the structure of civil and ethnic identity. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego plus*. no. 23, pp. 54–58. (In Russ.)
- Киселев О.В. (2014) Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (124). С. 51–64.
- Kiselev O.V. (2014) Trust in political institutions in Russia: experience of sociological monitoring. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 6 (124), pp. 51–64. (In Russ.)

Мерзликин Н. В. (2024) Граждане и эксперты о доверии институтам и политике российского государства // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 1. С. 22–34.

Merzlikin N. V. (2024) Citizens and experts on trust in institutions and policies of the Russian state. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. no 1 (30), pp. 22–34. (In Russ.)

Рожкова Л. В., Влазнева С. А., Сальникова О. В., Дубина А. Ш. (2024) Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1. С. 5–17.

Rozhkova L. V., Vlazneva S. A., Sal'nikova O. V., Dubina A. Sh. (2024) Attitude of young people to political institutions: level of trust and approval. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*. no. 1, pp. 5–17. (In Russ.)

Терин Д.Ф. (2018) Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. № 2 (24). С. 90–109.

Terin D.F. (2018) The construction of political trust in Russia: the effectiveness and fairness of political institutions. *Sociologicheskij zhurnal*. no. 2 (24), pp. 90–109. (In Russ.)

Фролова Е.В., Рогач О.В. (2023) Влияние экономических санкций на социальное благополучие россиян в регионах // Российский экономический успех. № 6. С. 101–116.

Frolova E.V., Rogach O.V. (2023) The influence of economic sanctions on the social well-being of Russians in the regions. *Rossiiskij ekonomicheskij uspeh*. no. 6. pp. 101–116.

Хашченко В.А. (2011) Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. № 4. С. 106–127.

Hashhenko V.A. (2011) Subjective economic well-being and its measurement: construction of a questionnaire and its validation. *Jeksperimental'naja psihologija*. no. 4, pp. 106–127. (In Russ.)

Шакурова М.В. (2014) Формирование российской гражданской идентичности личности: проблема педагога // Педагогика. № 3. С. 83–91.

Shakurova M.V. (2014) Formation of Russian civil identity: the problem of a teacher. *Pedagogika*. no. 3, pp. 83–91. (In Russ.)

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 3. no. 55. Pp. 303–332.

Grigoryan L.K., Ponizovskiy V. (2018). Three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 59 (5–6). Pp. 403–427.

Hanson K., O'Dwyer E. (2018). Patriotism and nationalism, leandright: A Q-methodology study of American national identity // *Political Psychology*. Vol. 40 (4), Pp. 777–795.

Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political Psychology*. Vol. 10. No 2. Pp. 257–274.

Pattyn S., Van Hiel A., Dhont K., Onraet E. (2020) Stripping the political cynic: A psychological exploration of the concept of political cynicism // *European Journal of Personality*. Vol. 26. Pp. 566–579.

Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A. (2018) Ethnic diversity and support for populist parties. The “right” road through political cynicism and lack of trust // *Social Psychology*. Vol. 49. Pp. 182–189.

Van Assche J., Van Hiel A., Dhont K., Roets A. (2019) Broadening the individual differences lens on party support and voting behavior: Cynicism and prejudice as relevant attitudes referring to modern day political alignments // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 49. Pp. 190–199.

Информация об авторе

Федотова Вера Александровна, младший научный сотрудник, старший преподаватель департамента менеджмента факультета социально-экономических и компьютерных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь. Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38. E-mail: VAFedotova@hse.ru

About the author

Vera A. Fedotova, Junior Research Fellow, senior lecturer at the Department of Management, Faculty of Socio-Economic and Computer Sciences, HSE University – Perm Campus. Address: Studencheskaya St., 38, Perm, 614070, Russia. E-mail: VAFedotova@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 27.06.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 01.08.2024

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ICMED'2025

ОБРАЗОВАНИЕ БУДУЩЕГО
И БУДУЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКВА, РОССИЯ
24–27 МАРТА
2025

Международная конференция «Образование будущего и будущее образования» ICMED'2025 приглашает к участию учёных, представителей органов государственной власти, сотрудников образовательных и научных учреждений, вовлечённых в решение проблем развития современного образования и заинтересованных в создании научных методов становления образования будущего. Становление образования будущего представляет собой фундаментальную задачу современности, от эффективного решения которой зависит благосостояние государств, народов и отдельного человека. Цель конференции ICMED'2025 – междисциплинарная разработка ключевых проблем, направлений и методов развития современного образования в движении к образованию будущего, фундаментальных составляющих образования будущего в целом и на разных ступенях образования; определение целеполагания, роли и места образования в антропологической, социальной, культурной и экономической системе координат общества будущего. Конференция ICMED'2025 позволит соединить усилия специалистов из самых разных областей знаний в формировании образов образования будущего, в поиске надлежащих путей, ведущих к ним.

Организаторами конференции выступили Минобрнауки России, МГТУ им. Н.Э. Баумана, МГУ имени М.В. Ломоносова (философский факультет), МПГУ, РГГУ, РМПО, Национальное агентство развития квалификаций. В Программный комитет конференции вошли ведущие учёные в области наук об образовании, философии, психологии, социологии, культурологии.

Конференция является официальным мероприятием Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации. Докладчики и слушатели конференции смогут посетить защиту проектов на выставке лучших работ Всероссийского форума научной молодежи «Шаг в будущее», в котором примут участие более тысячи талантливых школьников-исследователей и студентов начальных курсов.

Виды участия в конференции: с научным сообщением и в качестве слушателя. Организационный взнос не взимается.

Центральные темы конференции (более подробно на сайте конференции): «Образ образования будущего»; «Образ будущего образования», «Изменения в компонентах имплицитной парадигмы образования при движении к образованию будущего», «Локальные парадигмы образования – направления и содержания трансформаций: исследовательская, проблемная, предпринимательская, продуктивная, личностная, развивающая, эвристическая, диалога культур и другие». «Образование: взгляд из будущего» – дискуссионная площадка для молодых учёных, аспирантов, студентов и школьников-исследователей в возрасте от 17 до 35 лет. Будут обсуждаться наиболее актуальные и неоднозначные тенденции современного образования.

Для участия в конференции необходимо подать электронную заявку (для планирующих выступить с докладом – статью и тезисы) по адресу: stepvбудущее.rf/icmed_reg. Срок окончания электронной регистрации и приёма статей – **19 января 2025 года**. Отбор докладов производится Программным комитетом. Список докладчиков и приглашаемых слушателей планируется утвердить до 25 февраля 2025 года и опубликовать на сайте stepvбудущее.rf. После чего по указанным в заявках электронным адресам будут высланы приглашения на конференцию.

Подробные сведения о тематике докладов конференции, подготовке доклада и об организации участия размещены на главном сайте программы «Шаг в будущее»: <http://www.step-into-the-future.ru>.

ТЕЛ: +7 (499) 263-62-82
+7 (499) 267-55-52

